Вишняк
М.В.
Два пути.

Парижъ, 1931.

НИЯ—Библиотека
ЦР
В667

М. В. ВИШНЯКЪ

ДВА ПУТИ

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ

ИЗД-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“
ПАРИЖЪ

B G

Ц,Р
В667

М. В. ВИШНЯКЪ

X

Два пути

(Февраль и Октябрь)

ПАРИЖЪ
Издательство «Современныя Записки»
« Annales Contemporaines »
106, Rue de la Tour - Paris (16e)
1931

ЦР
В667

042
31
N57
36
c 1. 15925

1082991

Imprimerie d'Art Voltaire
- O. Zeluk, Directeur -
34, rue Richer, Paris (9e)

2019

Предисловіе

Какъ бы ни относиться къ русской революціи, отвергать ее или признавать, какъ «фактъ» или какъ «принципъ», проклинать или благословлять, видѣть въ ней явленіе положительное, сравнимое по историческому значенію съ христіанствомъ (Блокъ, Барбюсъ), или отрицательное, демоническое, «врага небесъ и зло природы», — во всѣхъ случаяхъ это событіе исключительное, отбрасывающее свою тѣнь на всю современную исторію и культуру.

Если о XIX-мъ вѣкѣ говорили, что онъ стоялъ подъ знакомъ 89 года и событій великой французской революціи, — о нашемъ вѣкѣ скажутъ, что онъ находился подъ знакомъ 17-го года и событій русской революціи. Отсюда неизбѣжныя — и повторныя — попытки уразумѣть истоки русской революціи, познать ея смыслъ, у всякаго, кто хочетъ постичь движеніе временъ и звучаніе эпохи. Для русскаго же человѣка, кто бы онъ ни былъ, гражданинъ или обыватель, философъ или историкъ, эти попытки подсказываются и прикладнымъ мотивомъ: въ думахъ о своемъ быломъ извлечь урокъ для будущаго.

«Февраль и Октябрь» — не Исторія русской революціи и не претендуютъ ею быть. Не являясь «связнымъ разсказомъ» о событіяхъ русской революціи, даже не упоминая большинства фактовъ, предлагаемая книга, конечно, никакъ не можетъ считаться и политической исторіей революціи.

Но заданіе книги, — можетъ быть, лишь необоснованная

ея претензія, — служитъ все же историческому познанію русской революціи. Не пересказомъ установленныхъ фактовъ или установленіемъ новыхъ, а освѣщеніемъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ воспринимаются вообще всѣ факты и событія, и которыя обыкновенно предрѣшаютъ, если не содержаніе, то общее направленіе писанныхъ исторій.

Конечно, необходимо и знаніе фактовъ, и добросовѣстное собираніе документовъ и всякаго рода свидѣтельствъ. Не слѣдуетъ, однако, увлекаться тѣмъ, что существуютъ «голые» факты или что факты имѣютъ способность «говорить за себя». Это — глубокое заблужденіе, пережитокъ стараго наивно - эмпирическаго подхода къ историческому познанію.

Мало установить точные факты, надо ихъ и истолковать. И толкованіе это сказывается уже въ процессѣ «установки» фактовъ, въ выборѣ однихъ и отборѣ другихъ, въ самомъ ихъ изложеніи и хронологической и логической разстановкѣ. Описать событіе еще не значитъ его постичь. Для этого надо еще описанныя событія сцѣпить одно съ другимъ въ конкретной обстановкѣ, связать ихъ вмѣстѣ въ нѣкій общій процессъ, что предполагаетъ опредѣленное отношеніе къ явленію, т. е. наличность не только глазъ, но и взглядовъ и точекъ зрѣнія.

Заданіе — или претензія — автора идетъ и дальше. Онъ озабоченъ не столько изобличеніемъ исторій, уже написанныхъ современниками - участниками описываемыхъ ими событій, сколько желаніемъ предостеречь отъ повторенія допущенныхъ погрѣшностей лично не заинтересованными въ тяжбѣ и способными писать исторію нелицепріятно, sine ira et studio, со знаніемъ всѣхъ фактовъ и документовъ, съ выслушаніемъ и учетомъ всѣхъ сторонъ и точекъ зрѣнія.

Та «сторона», къ которой принадлежалъ — и принадлежитъ — по своимъ политическимъ симпатіямъ авторъ, не имѣетъ своей писанной исторіи русской революціи, въ качествѣ «связнаго разсказа о всѣхъ восьми мѣсяцахъ февральской революціи», что справедливо вмѣняетъ въ заслугу себѣ и Ник. Суханову П. Н. Милюковъ. Это обстоятельство смущаетъ автора тѣмъ меньше, что онъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, вообще оспариваетъ возможность составленія подлинной исторіи въ пылу незавершенныхъ еще битвъ и споровъ. Но передъ тѣми, кто будетъ писать не собственную свою «исторію», а исторію прошлаго, передъ ними авторъ хотѣлъ бы сдѣлать уже сейчасъ свою «заявку»: заявить протестъ противъ сдѣланныхъ уже искаженій, заявляя свою точку зрѣнія на пережитое.

Въ качествѣ современника - очевидца авторъ хотѣлъ бы предупредить появленіе — или хотя бы ослабить эффектъ — будущихъ легендъ о русской революціи, которыя не преминутъ, конечно, создать русскіе Тэны и Мишлэ, каждый на свой ладъ, не только по откровенно политическимъ соображеніямъ, какъ сейчасъ, но и подъ прикрытіемъ историческаго знанія, беря революцію en bloc и сливая Мартъ и Октябрь въ общую массу, или «глыбу», въ нѣкое поприщинское «Мартобря».

Несмотря на всѣ наши неудачи, — отчасти и благодаря имъ, — кое въ чемъ мы гораздо болѣе искушены, чѣмъ многіе признанные удачники. И въ томъ, что такое революція, подлинная и вообще единственно возможная, мы теперь жизненно освѣдомлены гораздо лучше, чѣмъ многіе заслуженные авторитеты по исторіи различныхъ революцій. На собственномъ духовномъ опытѣ познали мы, что революціи происходятъ вовсе не такъ, какъ ихъ позднѣе описываютъ Ламартины, Тэны и даже Олары.

Переживъ революцію въ политической реальности, а не

въ научно - историческомъ воспроизведеніи по архивнымъ даннымъ, мы имѣли возможность ощутить ея непосредственное дыханіе, ея біенія и трагически - безысходныя противорѣчія. И такое, почти физіологическое воспріятіе ритма событій, цвѣтовъ и тѣней революціи, не только субъективно убѣдительнѣе всякаго послѣдующаго книжнаго знанія. Оно и объективно поучительнѣе.

Если въ революціи, какъ и въ исторіи вообще, и можно искать нѣкій «разумъ», — его приходится искать въ общихъ ея тенденціяхъ или завершенныхъ періодахъ, а не въ каждой отдѣльной конкретности, иногда нелѣпой и пустой, не подлежащей ни дальнѣйшему разложенію на составные элементы, ни осмысливанію. Мы не склонны думать, что всякое событіе было бы имманентно судьбѣ человѣческой, а отсутствіе у событія смысла было бы равносильно его небытію. Возвращеніе вспять, въ сторону, толчки, зигзаги и провалы—такія же необходимости «фантазерки»-исторіи, какъ и революціи. И историку революціи, какъ и всякому историку, угрожаютъ одновременно двѣ одинаково серьезныя опасности: либо общій смыслъ растворить въ описаніи конкретныхъ фактовъ и событій, либо индивидуально - конкретное, неповторимое и случайное утопить въ общемъ и неизбѣжномъ.

Въ этомъ отношеніи наивный эмпиризмъ историческаго описанія не болѣе способствуетъ проникновенію въ существо историческаго процесса, чѣмъ историческій панлогизмъ, взыскующій смысла въ каждомъ отрѣзкѣ времени и вносящій разумъ — часто отъ себя — во всякое явленіе жизни.

Авторъ стремился избѣжать и той, и другой опасности. И методъ, которому онъ слѣдовалъ, не отрицаетъ фактовъ, не боится ихъ, не избѣгаетъ на нихъ ссылаться, чаще въ качествѣ иллюстраціи къ мысли, нежели рѣшающаго

доказательства. Пытаясь сгустить газообразно - летучіе факты въ нѣкоторое болѣе плотное ядро, чтобы извлечь изъ него сверхъ - эмирическій смыслъ, авторъ въ то же время весьма далекъ отъ, такъ называемой, типологической формы историческаго познанія, способной, по удостовѣренію ея сторонниковъ, «сгущать типическія черты изслѣдуемаго явленія до нѣкоего maximum-а (въ предѣлѣ), быть можетъ, вообще не встрѣчающагося въ дѣйствительности».

Какъ ни общъ — и субъективенъ, конечно, — нашъ методъ, предѣлы его ограничены уже тѣмъ, что мы ищемъ смысла лишь въ событіяхъ земной исторіи, не ставя вопроса о ея «финальныхъ» цѣляхъ.

Другое своеобразіе предлагаемой работы въ томъ, что она посвящена проблемѣ революціи, Февралю и Октябрю, но не трактуетъ темы систематически. Составленная изъ ряда очерковъ, написанныхъ въ разное время — большинство изъ нихъ первоначально публиковались въ «Современныхъ Запискахъ» — и излагающихъ различныя точки зрѣнія, она проникнута не только единствомъ темы, но и единствомъ отношенія къ предмету. Чтобы предупредить обычное возраженіе, что «критиковать легко», очерки, «отталкивающіеся» отъ точекъ зрѣнія и взглядовъ В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, Ник. Суханова, Л. Троцкаго, И. З. Штейнберга и Ф. А. Степуна, обрамлены — въ началѣ и концѣ — положительными утвержденіями автора о «Паденіи русскаго абсолютизма», «Смыслѣ Февраля» и «Мифѣ Окября».

Конечно, пункты отталкиванія въ извѣстной мѣрѣ случайны и далеко не исчерпываютъ всего разнообразнаго множества индивидуальныхъ точекъ зрѣнія. Не всѣ виднѣйшіе «исторіософы» русской революціи подвергнуты разбору на страницахъ «Февраля и Октября», и не всѣ подвергшіеся этому разбору могутъ быть признаны «виднѣйшими». Не подверглись ни разбору, ни даже изложенію, въ частности, тѣ,

чья точка зрѣнія ближе другихъ автору. Но главныя магистрали, по которымъ идутъ попытки уразумѣть смыслъ пережитого, — а не перечеркнуть его безъ дальнѣйшаго, — какъ будто все же уловлены. Множественность же пунктовъ отталкиванія связана уже съ природой метода, противъ котораго многое можно возразить, но который является традиціоннымъ для исторіи русской общественной мысли.

За очень рѣдкими исключеніями эта традиція не любила и не знала «системъ» или «монографій», которыя породили бы новое теченіе мысли или «направленіе», создали бы эпоху, — какъ говорятъ нѣмцы. Публицистическая статья, даже «Открытое Письмо» въ журналѣ получали иногда большій резонансъ и производили часто большее впечатлѣніе. Безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ, скончавшійся еще совсѣмъ молодымъ, Валеріанъ Майковъ писалъ Тургеневу: «Какъ добиться того, чтобы публика читала ученыя сочиненія? Я видѣлъ и вижу в ъ к р и т и к ѣ е д и н с т в е н н о е с р е д с т в о з а м а н и т ь п у б л и к у в ъ с ѣ т и и н т е р е с а н а у к и».

Уловленіе читательскаго интереса путемъ критики — не только въ русской традиціи, оно и — въ созвучіи съ нынѣшней нервной и подвижной эпохой, плохо приспособленной къ познанію методическому и систематическому.

ПАДЕНІЕ РУССКАГО АБСОЛЮТИЗМА

1.

Паденіе русскаго абсолютизма представляетъ собою исключительное явленіе міровой исторіи не только въ смыслѣ индивидуальной своей неповторяемости, но и по той рѣдкой законченности, съ которой оно, почти въ материковомъ масштабѣ, повторило общеисторическіе законы паденія абсолютизма въ другихъ странахъ. Нѣтъ ничего поучительнѣе, какъ въ свѣтѣ русскаго опыта перечитывать заново лѣтопись того, что и какъ не разъ уже бывало въ исторіи. Здѣсь — свидѣтельство непреложности законовъ человѣческаго общежитія. Здѣсь — болѣе углубленное проникновеніе въ смыслъ историческаго процесса. Здѣсь — отвлеченіе отъ малодушной скорби и суеты по поводу неоправданныхъ «текущимъ моментомъ» прогнозовъ и ожиданій. Наконецъ, здѣсь же, въ исторіи паденія абсолютизма царей, — черты и линіи грядущаго крушенія абсолютизма новѣйшей формаціи, совѣтско-коммунистическаго и націоналъ-фашистскаго.

Въ періодъ, предшествовавшій войнѣ и революціи, Россія переживала эпоху несомнѣннаго экономическаго подъема и расцвѣта. Почти десятилѣтіе прошло со времени, когда бурныя воды общественнаго половодья уже

снова вошли въ самодержавные, казавшіеся гранитными, берега. И все таки... Первые же мѣсяцы серьезнаго испытанія, предъявленнаго странѣ войной, обнаружили всю шаткость и сыпучесть фундамента, на которомъ зиждились экономическое благополучіе и расцвѣтъ самодержавной Россіи. Гнилостность первичнаго, политическаго фактора опредѣлила расползаніе, а потомъ и сокрушительный обвалъ всего соціально-экономическаго строенія.

Какъ и абсолютизмъ на Западѣ, абсолютизмъ въ Россіи началъ падать задолго до окончательнаго своего ниспроверженія. Онъ сталъ разлагаться фактически гораздо раньше своего крушенія de jure. Русскій абсолютизмъ, какъ и прочіе, погибъ не тотчасъ же послѣ того, какъ пересталъ осуществлять свою историческую, относительно-полезную, функцію, а когда сталъ приносить исключительно вредъ странѣ, угрожать самому существованію націи.

Сохраненіе царскаго абсолютизма въ теченіе лишнихъ по меньшей мѣрѣ десятилѣтій, какъ и существованіе коммунистическаго абсолютизма въ теченіе годовъ, неопровержимо свидѣтельствуетъ, что «законы политической экономіи», которые Ленинъ, самъ Ленинъ, призналъ могущественнѣе совѣтской власти, — только въ конечномъ счетѣ, sub specie historica могутъ являться рѣшающими. Въ конкректной же дѣйствительности, каждому ближайшему періоду довлѣютъ законы политическіе, вопросы организаціи власти, формы общежитія. Самые процессы хозяйствованія, не только общенароднаго, но и индивидуальнаго, въ каждыхъ данныхъ условіяхъ опредѣляются взаимоотношеніями между государствомъ, какъ цѣлымъ, и составляющими его отдѣльными соціальными слоями и классами,

— между правами человѣка и гражданина и прерогативами власти.

Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ политическихъ режимовъ абсолютизмъ не терпитъ степеней или градацій, переходовъ или компромиссовъ. Онъ — абсолютенъ. Частичныя уступки противорѣчатъ его существу. Самоограниченіе равнозначно самоуничтоженію. И революціонная ликвидація абсолютизма является **типической** не потому только, что возглавлявшіе его люди были недостаточно гибки и дальновидны, слишкомъ жестоки и упорны или, наоборотъ, слишкомъ нерѣшительны, слабы и бездарны. И не въ финансовомъ непремѣнно крахѣ основная причина столь часто катастрофической гибели абсолютизма. Причины — въ невозможности для него приспособиться къ требованіямъ жизни, въ неспособности внять зову и духу времени, въ неосуществимости для него — и только для него — мирнаго раздѣла власти. И, когда абсолютизму приходилось уходить съ исторической авансцены, его послѣдней ставкой было va banqu — онъ устранялъ отъ себя Вобановъ и Тюрго, Милютиныхъ и Витте, и приближалъ Горемыкиныхъ и Штюрмеровъ. Спасая себя, онъ рисковалъ государствомъ; оберегая престижъ, терялъ голову.

Токвилю принадлежитъ афоризмъ: самый опасный моментъ для сквернаго режима, — когда его пробуютъ улучшить. Это — не только остроумный, но и глубокій афоризмъ. Онъ ярко подтверждается исторіей паденія «сквернаго режима» въ Россіи. Онъ устанавливаетъ въ то же время истоки событій, приведшихъ къ ликвидаціи сквернаго режима — абсолютизма.

Такой критической, опредѣляющей дальнѣйшее развитіе политической исторіи Россіи гранью по всей справедливости признаются начальные годы царствованія

Александра II, такъ называемая эпоха великихъ реформъ. Уже къ тому времени обозначилось рѣзкое несоотвѣтствіе между исконными «формами жизни» и «идейными стремленіями» русскаго общества — точнѣе: насущными нуждами страны и народа, все неуклоннѣе втягивавшихся, несмотря на свою экономическую и культурно-бытовую отсталость, въ міровой оборотъ и постоянное соприкосновеніе съ западомъ.

Не было заблужденія относительно значенія предпринятыхъ преобразованій. Помѣстное дворянство, возставшее противъ новыхъ судовъ, противъ земскихъ учрежденій и больше всего противъ раскрѣпощенія крестьянъ, отчетливо сознавало, можно сказать, не переставало указывать пальцемъ на ту неразрывную, интимную связь, которая соединяла и въ жизни и въ гибели первенствующее сословіе, какъ особую соціально-экономическую категорію, и россійское самодержавіе, какъ политическую систему. Еще въ началѣ 30-хъ годовъ С. С. Уваровъ, извѣстный министръ Николая 1, писалъ о крѣпостномъ правѣ и самодержавіи, что «это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ; у того и другого одно историческое начало, законность ихъ одинакова».

Князь А. Ф. Орловъ, предсѣдательствовавшій въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу «умолялъ» царя-освободителя «не открывать эры революціи, которая поведетъ къ рѣзнѣ, къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія и, быть можетъ, самой жизни, а его величество утратитъ престолъ». Можно считать именно крѣпостника Орлова наиболѣе проницательнымъ государственнымъ дѣятелемъ того времени, если угодно, даже пророкомъ въ своемъ отечествѣ, — существо вопроса отъ этого не мѣняется. Русскій самодер-

жецъ могъ, если только онъ могъ — при оцѣнкѣ освободительнаго великодушія Александра II не слѣдуетъ забывать его же словъ при самомъ приступѣ къ реформѣ: лучше произвести« отмѣну крѣпостного права сверху», нежели чтобы «оно само собой начало отмѣняться снизу», — самодержецъ могъ отсрочить законодательную «отмѣну» крѣпостной зависимости, могъ остаться при старомъ судѣ, не вводить земскихъ учрежденій и т. п. Но ставши разъ на этотъ путь, открывъ тѣмъ самымъ, по выраженію Орлова, эру революціи, — даже самодержавный царь оказывается не властенъ повернуть исторію вспять и предотвратить неизбѣжное. И самъ освободитель, а особенно его преемникъ, сколько могли, стопорили освободительное движеніе: какъ умѣли, «подмораживали» Россію; завинчивали тормоза, не считаясь ни съ ихъ природой, ни съ ихъ возможностями. Но паденія абсолютизма они все таки не предотвратили: наоборотъ, въ значительной мѣрѣ усугубили катастрофу, разросшуюся въ своемъ объемѣ, благодаря силѣ и внезапности сотрясенія.

Подводя, въ своемъ дневникѣ, итоги «эпохѣ великихъ реформъ», одинъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ Александра II Валуевъ долженъ былъ признать «неподвижность и неподатливость» и общую «двойственность» дѣла преобразованій, въ которыхъ «устойчивость зданія была принесена въ жертву интересамъ верхняго яруса», и получили преобладаніе «цѣли самосохраненія самодержавной власти» и «идея отступного торга». Уже тогда — съ нѣкоторой личной безотвѣтственностью — министръ Александра II отмѣтилъ «азіатское, полурабское или первобытно-патріархальное, съ условіями времени несовмѣстное, отношеніе государственныхъ слугъ къ государю»: министры — не государственные дѣятели, а старшіе лакеи — «les grands domestiques».

Эпоха реформъ была «узловой» въ новѣйшей исторіи Россіи. Узелъ можно было развязать. Но для этого нужны были напряженныя и добросовѣстныя усилія въ сторону дальнѣйшей ликвидаціи николаевской эпохи, нужно было послѣдовательное развитіе начатыхъ преобразованій. Этого не произошло. Произошло другое, для абсолютизма обычное. Вмѣсто ликвидаціи самодержавія началась ликвидація реформъ. Даже либеральнѣйшій изъ министровъ Александра III и Николая II Витте раздѣлялъ побѣдоносцевское убѣжденіе въ томъ, что представительный образъ правленія — «великая ложь нашего вѣка». И онъ, убѣдившись въ несовмѣстимости самодержавія, съ земствомъ, потянулъ въ сторону вящаго утвержденія самодержавія, а не земства, къ тому времени уже значительно умаленнаго въ своихъ правахъ по сравненію съ 60-ми годами.

Послѣ затянувшихся на полвѣка отсрочекъ, предостереженій, напоминаній, попытокъ обойти или уклониться отъ заданія исторіи, — узелъ, который одни не хотѣли, а другіе не могли распутать миролюбиво и постепенно, былъ самой исторіей разрубленъ насильственно, молніеносно и, какъ полагается стихіи, безапелляціонно. Царскій абсолютизмъ — политическій, географическій, культурно-бытовой и всячески иной анахронизмъ XX вѣка — пересталъ существовать.

2.

Ни одна форма правленія не даетъ столькихъ основаній для пристальнаго вниманія къ личности правителей, какъ абсолютизмъ. Ибо самодержецъ — не символъ строя, а самый строй. Отъ него исходятъ и въ немъ сосредотачивается — формально и фактически — всѣ начала и концы государства. Его личностью опредѣля-

ется соціальный укладъ, бытъ, иногда самый образъ мыслей въ странѣ. Чѣмъ неограниченнѣе повелитель, чѣмъ безотвѣтственнѣе, чѣмъ тѣснѣе знакъ равенства соединяетъ «я» правителя съ «его» семейно-вотчиннымъ государствомъ, — тѣмъ болѣе оправданъ интересъ къ біографіи правителя, — анализъ его личныхъ пороковъ и добродѣтелей. И какъ комендантъ павшей крѣпости или командиръ затонувшаго судна подлежитъ суду невзирая на стихійность бѣдствія и личный героизмъ, — такъ и представитель погибшаго абсолютизма, хотя бы онъ самъ былъ искренне убѣжденъ, что за благополучіе «своей» державы онъ отвѣчаетъ только «предъ собой и Богомъ», „il ne tient son royaume que de Dieu et de son épée," хотя бы онъ лично прошелъ сквозь физическія муки и смерть, — не можетъ не быть въ отвѣтѣ не только передъ судомъ исторіи, но и передъ своими современниками.

Послѣднія годы принесли новыя публикаціи исторически необычайно цѣннаго матеріала, касающагося личности послѣднихъ представителей русскаго обсолютизма и исторіи паденія стараго режима. Здѣсь, наряду съ совершенно незамѣнимыми документами — письмами, записками, телеграммами, дневниками, ежегодными «памятными книгами» самихъ самодержцевъ и лицъ царствовавшаго дома, имѣются воспоминанія и дневники наиболѣе приближенныхъ къ нимъ людей, игравшихъ, иногда въ теченіе десятилѣтій, активную и руководящую роль въ направленіи политики императорской Россіи. Достаточно назвать имена Побѣдоносцева, Витте, Куропаткина, Извольскаго, Сазонова, Сухомлинова, Янушкевича, государственнаго секретаря Половцева, Шванебаха, Гурко, Лопухина, Курлова, Бѣлецкаго, А. Н. Хвостова, — чтобы понять историческую цѣн-

ность уже опубликованнаго матеріала, часто самымъ небрежнымъ образомъ собраннаго и очень далекаго отъ того, чтобы быть полнымъ. Кромѣ мемуаровъ и переписки непосредственныхъ проводниковъ царской политики, имѣются свидѣтельства и показанія компетентныхъ наблюдателей со стороны. Сюда можно отнести: воспоминанія французскаго и англійскаго пословъ Палеолога и Бьюкенена, состоявшихъ при россійскомъ дворѣ въ самый моментъ крушенія абсолютизма; страницы жизни А. А. Вырубовой; близкой къ нѣсколькимъ поколѣніямъ Романовыхъ графини Клейнмихель; дневникъ редактора вліятельнаго русскаго оффиціоза А. С. Суворина; своеобразные мемуары б. директора императорскихъ театровъ кн. Волконскаго; супруги б. вел. кн. Павла Александровича, княг. Палѣй-Гогенфельзенъ-Пистолькорсъ; камергера высочайшаго двора б. предсѣдателя 1У Думы Родзянко; б. предсѣдателя одного изъ провинціальныхъ отдѣловъ Союза русскаго народа В. В. Шульгина; дневникъ В. М. Пуришкевича; предисловіе къ нему В. А. Маклакова; открытыя письма б. вел. кн. Александра Михайловича, кн. Ф. Ф. Юсупова и т. д. и т.д.

Сколь ни различны названные авторы по своему историческому калибру, политическому вліянію, душевной настроенности и литературному дарованію; какъ ни разноцѣнны отдѣльные дневники, письма, записки, мемуары; — всѣ они имѣютъ между собою то существенное общее, что исходятъ отъ апологетовъ стараго порядка, отъ ревнителей существовавшаго государственнаго строя, отъ завистливыхъ часто, но всегда преданныхъ слугъ, если не одного царя, то другого, — словомъ, отъ вѣрноподданныхъ монархистовъ. Здѣсь о н и — властители старой Россіи, хозяева жизни, повѣствуютъ, характеризуютъ, дѣлаютъ выводы о себѣ, своимъ, о своемъ. Это — писаніе не «съ того берега» враговъ и

разрушителей царской Россіи, ослѣпленныхъ ненавистью «клеветниковъ». Этотъ матеріалъ показательнѣе всякаго другого. Его надо только читать и читать. Въ этомъ объясненіе, почему съ такимъ рвеніемъ, на спѣхъ, съ непростительными редакціонными промахами и погрѣшностями, съ нудными и никчемными предисловіями къ каждому изданію все того же совѣтскаго Карамзина М. Н. Покровскаго, печатаютъ и распространяютъ царскія грамоты и литературу о нихъ нынѣшніе держатели власти въ Россіи. При отсутствіи доводовъ въ пользу существующаго строя лучшій методъ пропаганды — аргументація отъ противнаго, доводами противъ строя существовавшаго. И монархисты, не романтически воздыхающіе о мифическомъ царѣ Берендѣѣ, а уповающіе на реальное утвержденіе новаго царя, должны бы всячески уничтожать, сжигать и по вѣтру развѣивать написанное рукой царей и царедворцевъ. То, что вскрылось въ этихъ матеріалахъ, во много разъ превзошло худшее изъ того, что о монархіи и династіи могли «измыслить» самые закоренѣлые ихъ противники, самые неисправимые «заводчики» революціи.

Изъ двухъ типовъ монарховъ, имѣвшихъ дѣло съ революціей — вѣрнѣе, съ которыми имѣла дѣло революція, — русскій самодержецъ подходитъ ближе къ французскому, нежели къ англійскому (или неаполитанскому) типу. Этотъ типъ характеренъ тѣмъ, что по натурѣ своей онъ не золъ, можетъ быть и мягкимъ, даже обворожительнымъ въ своей мягкости, — но фактически бываетъ и злымъ, безнадежно равнодушнымъ къ чужому страданію, и жестокимъ — по слабости или по упрямству, отъ испуга или дурно понятаго интереса. Когда его застигаютъ непредвидѣнныя имъ событія, онъ теряется. Когда, подчиняясь чужому давленію, онъ идетъ на уступки, — онъ серьезно убѣжденъ, что уступ-

ки даны добровольно и искренне. Когда же приходилось нарушать свои обѣщанія и отступать отъ своихъ словъ, съ тѣмъ же безмятежнымъ спокойствіемъ даже не замѣчалось ни собственное отступничество, ни вѣроломство. Всѣ злоключенія самодержца такого типа протекали на фонѣ благодушной оторванности отъ жизни и цѣломудреннаго непониманія ни того, что кругомъ происходитъ, ни того, къ чему идутъ время, страна, люди. Характеризуя классическаго представителя монарховъ этого типа, Людовика XVI, историки говорятъ, что его растерянность и нерѣшительность сначала его мучили, но потомъ, какъ бы окончательно убѣдившись въ невозможности что-либо понять и кому-либо довѣриться, Людовикъ XVI замкнулся въ броню апатіи и равнодушія, впалъ въ своего рода душевное онѣмѣніе.

Черты, характерныя для послѣднихъ 3½ лѣтъ жизни Людовика XVI, характерны для всего — свыше двадцати двухъ лѣтъ — царствованія Николая II.

Николай II былъ человѣкъ весьма ограниченныхъ возможностей. Положительныя его качества не выходили за предѣлы домашняго очага. Онъ почиталъ своихъ родителей. Интересовался дѣтьми. Неугасимо - вѣрной любовью пламенѣлъ къ своей невѣстѣ и женѣ: «nuits d'amour» послѣ 20 лѣтъ»,— справедливо писалъ онъ въ письмахъ къ ней. Возвращаясь послѣ кратковременной отлучки для свиданія съ Вильгельмомъ II въ Бьерке, Николай II отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Радостно было увидѣть дѣтей, но не министровъ». Здѣсь положенъ точный раздѣлъ между радостями и печалями царя. Радость — это дѣти, домъ, жена. Печаль — это министры, государственныя дѣла, функціи царя. Это ощущеніе не покидало Николая II съ первыхъ же дней его внезапнаго, для него и для его окружающихъ, воцаренія. Подводя итоги

году воцаренія, царь записываетъ въ дневникѣ: «... для меня худшее случилось, именно то, чего я такъ боялся всю жизнь». И позднѣе, до самаго конца, царствуя и управляя, Николай II все же не пріобрѣлъ вкуса къ власти. Отвращеніе къ государственному управленію, отвлекавшему отъ болѣе для него дорогого семейнаго уюта, сохранилось до самаго отреченія. Царя утомляютъ доклады, ему нестерпимо надоѣдаютъ министры, представляющіяся придворныя дамы, военные, иностранные дипломаты, наѣзжающіе въ Россію иноземные монархи. «Отвѣчать приходится на всякую всячину вопросовъ, такъ что совсѣмъ теряешься и съ толку сбиваешься»; «28 человѣкъ военныхъ представлялось. Совсѣмъ одурѣлъ»; «Вечеромъ пришлось долго читать, отъ всего этого окончательно ослабъ головою». Такого рода сѣтованіями испещренъ почти весь дневникъ царя.

Царь интересовался военнымъ дѣломъ. И кавалерійскимъ полкомъ онъ командовалъ съ гораздо большей охотой, нежели управлялъ великой имперіей. У него накопилось съ годами не мало свѣдѣній, но не было никакихъ знаній. Онъ владѣлъ иностранными языками, но ошибался въ русскомъ. Онъ преодолѣлъ, правда, непреодолѣнныя Александромъ III трудности употребленія злополучной буквы «ять», но отъ варваризмовъ, главнымъ образомъ, англиканизмовъ онъ такъ и не сумѣлъ отдѣлаться. Напоминая неправильными оборотами рѣчи своего дѣда Александра II, послѣдній русскій самодержецъ писалъ: «Былъ мѣшанный спектакль французскихъ оперетокъ»; «Всталъ сѣрой, но теплой погодой»; «Всталъ поздно съ чуднымъ днемъ»; «Наслаждался грести»; «Милая мама удивительно беретъ на себя и не падаетъ духомъ» и т. п.

Объ умственномъ уровнѣ и духовныхъ запросахъ

царя можно судить не только по тому, что съ «Войной и Миромъ», напримѣръ, онъ впервые ознакомился лишь въ Тобольскѣ, уже переставъ быть царемъ. О нихъ можно судить по записямъ въ дневникѣ Николая II, отпечатлѣвшемъ унаслѣдованныя привычки царя. Его отецъ и братъ — Георгій—въ своихъ дневникахъ отмѣчали съ рѣдкой добросовѣстностью ежедневную температуру воздуха. Николай II менѣе педантиченъ и довольствуется краткими характеристиками: «холодно»; «день пасмурный»; «вечеромъ шелъ снѣгъ». Весь дневникъ — утомительнѣйшая регистрація времяпрепровожденія, погоды, костюма, присутствующихъ за столомъ, обѣдомъ, ужиномъ, чаемъ, — сколько, кто, что ѣли, пили; когда встали, легли спать, гуляли; съ кѣмъ, сколько, когда, какъ: пѣшкомъ, верхомъ, въ шарабанѣ, на велосипедѣ, шлюпкѣ, байдаркѣ и т. д. и т. д. Александръ III подробно учитывалъ версты, пройденныя имъ въ теченіе мѣсяцевъ, года, трехлѣтія; число петербургскихъ пожаровъ; число лицъ, завтракавшихъ и обѣдавшихъ у него въ Гатчинѣ и Петербургѣ за день, за годъ, за 9 лѣтъ (28.784 человѣка); рыбу — щукъ, окуней, плотву, язей, — пойманную въ Гатчинѣ. Николай II съ неменьшей тщательностью велъ статистику убитой дичи—глухарямъ, тетеревамъ, чернышамъ, бѣлкамъ, лисицамъ и, любовнѣе всего... воронамъ. Бить изъ ружья воронъ было любимымъ времяпрепровожденіемъ царя. Онъ находитъ для него досугъ даже въ самые тревожные дни своего царствованія. Образъ россійскаго вѣнценосца, стрѣляющаго воронъ и регистрирующаго въ «Дневникѣ» свои птичьи трофеи въ дни Мукдена и Цусимы — на границѣ шекспировской жути...

Только въ качествѣ исключенія въ писаніяхъ Николая II встрѣчаются мысли и сужденія не личнаго и не

протокольнаго, а «государственнаго» значенія. «Дядя Владимиръ завтракалъ съ нами. Имѣлъ съ нимъ разговоръ относительно Кирилла*), — онъ настаивалъ на необходимости для него отдыха и заграничнаго лѣченія. Это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе; уѣзжать теперь заграницу!». «Сегодня только (на второй день послѣ полученія телеграммы отъ Витте) началъ осваиваться съ мыслью, что миръ будетъ заключенъ и что это вѣроятно хорошо, потому что такъ должно быть». Или 17 октября 1905 г.: «Подписалъ манифестъ въ 5 час. Послѣ такого дня голова стала тяжелой, и мысли стали путаться. Господи, помоги намъ, усмири Россію». Ровно черезъ годъ, когда Господь помогъ и Россія были «усмирена»: «пріѣхалъ въ Царское Село съ другими мыслями, чѣмъ при отъѣздѣ 26 апрѣля» (наканунѣ открытія Государственной Думы). Или тогда же въ письмѣ къ матери: «Треповъ для меня незамѣнимый своего рода секретарь. Онъ опытенъ, уменъ и остороженъ въ совѣтахъ. Я ему даю читать толстыя записки отъ Витте, и затѣмъ онъ мнѣ ихъ докладываетъ скоро и ясно. Это, конечно, секретъ для всѣхъ!» Или въ письмѣ къ женѣ отъ 23 іюня 1915 года: «Если бы въ теченіе мѣсяца не было боевъ, наше положеніе было бы куда лучше. Разумѣется, это только тебѣ сообщается, не разсказывай объ этомъ, душка».

Пусть характеристика, которую даютъ Николаю II его бывшіе сотрудники, — среди нихъ, въ первую очередь, Витте, — пристрастна, какъ отзвукъ личныхъ счетовъ опальныхъ, уязвленныхъ въ своемъ самолюбіи сановниковъ. Возьмите другія наблюденія, — со стороны прямымъ образомъ не заинтересованнаго въ той или

*) Бывшій вел. кн. Кирилъ Владиміровичъ, нарекшійся "блюстителемъ престола", а затѣмъ и "Императоромъ Всероссійскимъ".

иной оцѣнкѣ русскаго царя, Палеолога. Французскій посолъ находился въ двухъ шагахъ отъ Николая II во время посѣщенія послѣднимъ Государственной Думы въ февралѣ 16-го года. «Царь страшно блѣденъ, ротъ его ежеминутно подергивается, какъ будто онъ дѣлаетъ усилія, чтобы проглотить...Слова съ трудомъ вылетаютъ изъ его сдавленнаго горла. Онъ запинается послѣ каждаго слова; лѣвая рука лихорадочно дрожитъ; правая судорожно уцѣпилась за поясъ». Палеологъ описываетъ свою послѣднюю аудіенцію у царя въ день Рождества 16 года. Уже не предъ большимъ и торжественнымъ собраніемъ, въ части недружелюбно настроеннымъ въ отношеніи къ нему, — а съ глазу на глазъ: «Императоръ по свойственной ему робости и неловкости не находитъ что отвѣтить. Тяжелое молчаніе давитъ насъ обоихъ». Но стоитъ Николаю II перестать быть царемъ, выйти изъ круга, въ который его поставили случайности рожденія и смерти, и онъ тотчасъ же находилъ себя, къ нему возвращается «обычное обаяніе, онъ расточаетъ улыбки, пожимаетъ руки»...

Какъ человѣкъ, при всей своей ограниченности, Н. А. Романовъ былъ обходителенъ, мягокъ, очарователенъ. Какъ царь, онъ былъ застѣнчивъ, скрытенъ и коваренъ; хитрилъ и лицемѣрилъ. Кн. Волконскій описываетъ, какъ за завтракомъ Государь получилъ телеграмму о паденіи Портъ-Артура. Кладя телеграмму въ карманъ, онъ сказалъ: «интересно, долго ли продержится Стессель?» Безконечное число аналогичныхъ эпизодовъ, — особенно при увольненіи министровъ: Витте, Самарина, Кауфмана, Поливанова, Горемыкина въ 16 г. и друг. — приводятъ почти всѣ мемуаристы. Одновременно съ милостивымъ личнымъ пріемомъ у царя министры въ порядкѣ письменномъ оповѣщались о своемъ увольненіи:

самодержецъ не имѣлъ мужества выразить лично свое мнѣніе и отношеніе. Родзянко съ умиленіемъ описываетъ, какъ послѣ одного изъ докладовъ во время войны Николай II всталъ, «взялъ мою руку въ свои обѣ руки и смотря мнѣ прямо въ глаза своими влажными, добрыми глазами, сталъ крѣпко жать руку и сказалъ —; Благодарю Васъ за Вашъ прямой, искренній и смѣлый докладъ». А два года спустя Родзянкѣ былъ предъявленъ сенаторомъ Таганцевымъ документъ, датированный тѣмъ же маемъ 15 года. На оборотной сторонѣ «пасквиля» министра внутреннихъ дѣлъ Н. Маклакова, рукой императора была начерчено: «Дѣйствительно, время настало сократить Государственную Думу. Интересно, какъ будутъ при этомъ себя чувствовать гг. Родзянки и К°». При всемъ своемъ вѣрноподданничествѣ Родзянко не могъ все таки не замѣтить, что «по числамъ эта помѣтка совпадала съ тѣмъ временемъ, когда государь шелъ на встрѣчу работѣ Думы и общественныхъ организацій и обсуждалъ вмѣстѣ со мной проектъ созданія Особаго Совѣщанія по оборонѣ»...

Николаю II было далеко до предѣльныхъ степеней романовской жестокости — до Петра, собственноручно рубившаго головы своимъ стрѣльцамъ, или Павла, выдергивавшаго усы у своихъ гренадеръ. Не тотъ былъ характеръ, да и не то было время. Жестокость, умѣряемая равнодушіемъ, гораздо больше гармонировала съ духомъ и стилемъ николаевскихъ эпохъ. И все же кое-что отъ своего пращура унаслѣдовалъ и Николай II...Когда министръ Полиціи Треповъ сообщаетъ въ письменномъ докладѣ царю, что казаки, сопровождавшіе арестованныхъ въ Большаковскомъ уѣздѣ врачей-забастовщикамъ, «къ сожалѣнію, нанесли имъ нѣсколько ударовъ нагайками», царь ставитъ знакъ вопроса пе-

редъ «къ сожалѣнію» и надписываетъ: «очень хорошо сдѣлали». Когда въ прибалтійскомъ краѣ руководитель карательнаго отряда ген. Хоруженковъ внялъ мольбамъ жителей г. Тукума и, подъ условіемъ сдачи оружія, прекратилъ военныя дѣйствія противъ города, Николай II высказываетъ недовольство: «Это не причина. Надо было разгромить городъ»...

«Не однимъ жидамъ пришлось плохо, досталось и русскимъ агитаторамъ, инженерамъ, адвокатамъ и всякимъ скверным людямъ (въ Томскѣ, Симферополѣ, Твери и Одессѣ)», — почти торжествующе сообщаетъ онъ матери въ Копенгагенъ...

Николай II врядъ ли вѣровалъ въ колдуновъ и старцевъ съ такою же непосредственностью, какъ вѣрила Александра Федоровна въ нихъ и въ магическую силу всякихъ амулетовъ — въ палку, до которой дотронулся Mr. Philippe, въ гребенку Григ. Распутина или въ яблоко Новгородской старицы Маріи Михайловны. Но. что «Нашъ Другъ», т. е. Распутинъ, воздѣйствовалъ на Николая и непосредственно, а не только черезъ царицу, что «Другъ» былъ, по его собственноой аттестаціи, «министромъ души» не только царицы, но и царя, — тому не мало свидѣтельствъ въ письмахъ Николая II. Какъ многимъ слабовольнымъ людямъ, Николаю II не были чужды рѣдкія вспышки необычайнаго упрямства и гнѣва. Но основной чертой его характера была пассивная покорность судьбѣ. Сазоновъ, какъ то на прогулкѣ по Крестовскому, передалъ Палеологу автохарактеристику Николая, сдѣланную послѣднимъ въ одной изъ бесѣдъ съ beau-frère'омъ Сазонова — Столыпинымъ. «Мнѣ не удается ничего изъ того, что я предпринимаю, Петръ Аркадьевичъ. Мнѣ не везетъ... Къ тому же человѣческая воля такъ безсиль-

на... 6-ое мая (день рожденія царя) — день Іова Многострадальнаго... Сколько разъ примѣнялъ я къ себѣ слова Іова : ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ».

Николай II не вѣрилъ въ себя. Тѣмъ менѣе вѣрилъ онъ въ другихъ. Онъ не имѣлъ достаточно характера, чтобы осуществлять непреклонно свою волю, но у него хватало упрямства не подчиняться открыто никому. Его ближайшіе же сотрудники отмѣчаютъ, — чѣмъ дольше работалъ Николай II съ кѣмъ либо, тѣмъ менѣе дружественно онъ къ нему начиналъ относиться и тѣмъ охотнѣе съ нимъ разставался. Онъ не довѣрялъ никому, былъ подозрителенъ по отношенію ко всѣмъ, къ имъ же избраннымъ министрамъ такъ же, какъ и къ членамъ царской фамиліи. Одной лишь «Аликсъ», которую онъ беззавѣтно любилъ, — онъ вѣрилъ и подчинялся, какъ рабъ, какъ дитя, какъ покорный любовникъ. Николай II имѣлъ свои взгляды. Идеаломъ царя, по Николаю II былъ «Папа», Александръ III, и тишайшій царь ХУП-го вѣка Алексѣй Михайловичъ. Александра Федоровна имѣла убѣжденія. Она выполняла при Николаѣ II роль Побѣдоносцева при Александрѣ III, роль царицы Натальи Нарышкиной при Алексѣѣ Михайловичѣ. «Невидимые штаны», въ которыхъ она себя ощущала, по ея собственному признанію, символизировали ея мужественную энергію «Всегда нужно, чтобы позади тебя была женка, которая бы тебя подталкивала», — пишетъ она всероссійскому самодержцу. «Я являюсь какъ бы твоей живой записной книжкой»; «твоей охраной, твоимъ глазомъ и ухомъ въ тылу»; «какъ мнѣ хотѣлось бы влить въ твои жилы мою волю».

«Бѣдная Россія! На тронѣ вмѣсто коронованныхъ головъ нынѣ лишь коронованные дураки», — записы-

ваетъ въ свой дневникъ 6. I. 1887 г. русскій министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Ламздорфъ. Это было наканунѣ воцаренія Николая II. А въ зенитѣ его царствованія уже гр. Витте записывалъ: «Какой маленькій — великій, благочестивѣйшій, самодержавнѣйшій императоръ Николай II-ой!».. («Воспоминанія» т. 2-ой, стр. 31).

Личная трагедія Н. А. Романова, — одной изъ наиболѣе патетическихъ фигуръ въ исторіи, по выраженію Бьюкенена, — состояла въ томъ, что капризъ исторіи и случайности рожденія сдѣлали его самодержцемъ обширной имперіи въ критическую эпоху ея существованія, тогда, какъ самъ носитель власти не могъ — да и не хотѣлъ — быть правителемъ. Трагедія же Россіи состояла даже не въ томъ, что обворожительный человѣкъ былъ «никакой царь», являлъ собою «пустое мѣсто», по выраженію Волконскаго, а въ томъ, что въ послѣдній періодъ русскаго абсолютизма царь былъ, и въ то же время его не было. Былъ номинально. Не было фактически. Была видимость царя — человѣкъ на тронѣ, для осуществленія функцій власти приводимый въ движеніе со стороны, когда лаской жены, когда лестью царедворца, когда предостерегающей угрозой — «ради самого себя, твоего сына и Россіи», — а чаще всего ссылкой на божью благодать или божій перстъ.

Въ представительницѣ болѣзненно - дегенеративнаго гессенскаго дома, въ былой провинціальной нѣмецкой принцессѣ сосредоточилась и конденсировалась вся волевая мощь россійскаго самодержавія наканунѣ его паденія.

3.

Николай II не только не считался съ той статьей своей «конституціи», которая требовала отъ него осуще-

ствленія законодательной власти «въ единеніи» съ новыми законодательными учрежденіями, въ частности, съ Государственной Думой. Онъ нарушилъ свой же собственный и старый, и новый основной законъ, согласно предусматривавшій, что «верховная самодержавная власть (въ доконституціонныхъ законахъ: «верховная и самодержавная власть») принадлежитъ Государынѣ Императрицѣ, когда наслѣдство Престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго». Въ порядкѣ, для сего установленномъ, «наслѣдство Престола» до Александры Федоровны не дошло, а фактически вся верховная самодержавная власть въ ея рукахъ оказалась.

Версію о невмѣшательствѣ царицы, Вырубовой и Распутина въ направленіе государственной политики Россіи можно было защищать лишь до опубликованія переписки Александры Федоровны съ Николаемъ II. Послѣ ея опубликованія — воспоминанія Вырубовой, Мордвинова, Романова, Руднева *) и другихъ, отчасти Кур-

*) Романовъ и Рудневъ, два прокурора царскаго времени, напечатали въ издававшемся треповскимъ "Русскимъ Очагомъ" журналѣ статьи, въ которыхъ имѣютъ смѣлость утверждать, что "во всей обширной перепискѣ (Государыни съ Государемъ) почти нѣтъ никакихъ указаній или разсужденій на политическія темы". Тамъ же опровергается "легенда" о вліяніи на царя и царицу "темныхъ силъ" и берется косвенно подъ защиту Григорій Распутинъ "типичный русскій крестьянинъ, богоискатель, сектантъ, способный на подвиги аскетизма..., ликомъ святого обращенный къ Царской семьѣ". — Оба прокурора заслуживаютъ вниманія не только по исключительному неуваженію, съ которымъ они обошлись, ужъ не говорю съ историческими фактами, а со священными для нихъ письмами покойныхъ вѣнценосцевъ. Они и раньше получили нѣкоторую извѣстность благодаря участію въ "Комиссіи для разслѣдованія дѣйствій бывшихъ министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ". Принявъ приглашеніе Временнаго Правительства вступить въ составъ этой Комиссіи, оба прокурора сыграли въ ней впослѣдствіи роль спартанцевъ во чревѣ троянскаго коня, — подвергнувъ "разслѣдованію" не столько дѣйствія министровъ, сколько дѣйствія членовъ Комиссіи.

лова — представляютъ собой поучительный образецъ неудавшейся фальсификаціи прошлаго, по счастливой случайности быстро и автентично разоблаченной навсегда. Достаточно сопоставить уговоры, предостереженія и предложенія царицы съ рѣшеніями, назначеніями, увольненіями и т. д. царя, чтобы провести знакъ тождества между ея словами и его дѣлами.

Императрица вмѣшивается во всѣ дѣла. Она увольняетъ министровъ, назначаетъ адмираловъ и митрополитовъ, смѣщаетъ и назначаетъ Верховнаго Главнокомандующаго, одобряетъ текстъ манифеста 18 февраля 1905 года, утверждающаго незыблемость самодержавія, аннулируетъ синодскія постановленія, прославляетъ новыхъ святыхъ, снимаетъ «шитые мундиры» и возвращаетъ придворныя званія, проектируетъ желѣзнодорожный заемъ, направляетъ слѣдственныя дѣйствія, воздѣйствуетъ на ходъ стратегическихъ операцій на сушѣ и на морѣ, ратуетъ за сохраненіе 5-тикопѣечной оплаты проѣзда на городскомъ трамваѣ, вмѣшивается въ дипломатическіе переговоры, заботится о распространеніи дубровинскаго «Русскаго Знамени» на фронтѣ и съ тѣмъ же рвеніемъ руководитъ чтеніемъ своего супруга, выбираетъ и систематически снабжаетъ его книгами.

Ей не чужда и углубленная постановка вопроса о томъ, куда идетъ человѣчество. «Уже давно нѣтъ великихъ писателей, — пишетъ она въ апрѣлѣ 1916 г., — въ другихъ странахъ также нѣтъ, какъ нѣтъ больше знаменитыхъ артистовъ или композиторовъ — странный недостатокъ! Живутъ слишкомъ скоро, впечатлѣнія быстро смѣняются — машины и деньги управляютъ міромъ, уничтожаютъ всякое искусство, а тѣ, кто считаютъ себя даровитыми, у тѣхъ больная психика. — Что то будетъ послѣ того, какъ кончится эта великая война,

будетъ ли пробужденіе и возбужденіе во всемъ — будутъ ли еще идеалы, станутъ ли люди чище и поэтичнѣе, или они останутся сухими матеріалистами, такъ хотѣлось бы знать. Но эти страшныя страданія, которыя перетерпѣлъ весь міръ, должны очистить сердца и умы, и застоявшіеся мозги, и спящія души».

За то философія управленія у нея болѣе чѣмъ элементарна — она вся пропитана инстинктомъ жены и матери, съ ревнивымъ раздраженіемъ оберегающей наслѣдство своего сына. «Ради Бэби мы должны быть тверды, такъ какъ иначе онъ получитъ страшное наслѣдіе и съ его характеромъ не подчинится другимъ, а будетъ самъ себѣ хозяиномъ, какъ слѣдуетъ быть въ Россіи, пока народъ еще такъ необразованъ, — м-ье Филипъ и Григорій тоже такъ говорили». — Еще болѣе элементаренъ рекомендуемый царицей методъ дѣйствій. «Будь тверже и авторитетнѣе, моя душка, покажи кулакъ»... «Нужно, чтобы они (Николай Николаевичъ и его сторонники) дрожали передъ своимъ государемъ — будь увѣреннѣе въ себѣ — Богъ тебя поставилъ (это не гордость), и ты помазанникъ, они не смѣютъ это забывать. Надо, чтобы чувствовали твою власть, уже пора, ради спасенія твоей страны и престола твоего сына». «Будь Петромъ Великимъ, Іоанномъ Грознымъ, императоромъ Павломъ — раздави ихъ всѣхъ подъ собой». Революція у воротъ, а Александра Федоровна, какъ завороженная, твердитъ — 22 февраля 17 г. — все о томъ же: «кажется, дѣла поправляются. Дорогой, будь твердъ, покажи властную руку, вотъ что надо русскимъ. Ты никогда не упускалъ случая показать любовь и доброту, — дай имъ теперь почувствовать порой твой кулакъ. Они сами просятъ объ этомъ, — сколь многіе недавно говорили мнѣ: «намъ нуженъ кнутъ». Это стран-

но, но такова славянская натура: величайшая твердость, жестокость даже и — горячая любовь»...

Царица была гораздо болѣе жестока и мстительна, нежели царь. «Какъ ледъ, распространяла она вокругъ себя холодъ». Она преисполнена недобрыхъ чувствъ не только къ Гучкову: — «Тяжелое желѣзнодорожное несчастье, отъ котораго онъ одинъ бы только пострадалъ, было бы заслуженнымъ наказаніемъ отъ Бога». Ей «такъ хотѣлось бы отхлестать почти всѣхъ министровъ». Она клеймитъ «идіотами», «мерзавцами», «скотами» не только членовъ Думы, но и преданнаго ей дворцоваго коменданта Воейкова, «рамольную тряпку въ должности министра двора» Фредерикса и т. д. Она «готова повѣсить» не только «думскаго Кедринскаго», не только Родзянко или А. Ф. Трепова, — но даже родную тетку царя «Минхенъ» (жену вел. кн. Владимира). И въ то же время, когда околѣваетъ маленькій англійскій терріеръ «Эрнъ», императрица горько плачетъ. Она ненавидитъ острой ненавистью всѣхъ родичей царя, ближайшихъ и отдаленныхъ, начиная съ «мамаши» (б. императрица Марія Федоровна) и сестеръ и кончая «Михайловичами» (Николаемъ, Александромъ, Сергѣемъ). Вырубова передаетъ, что, когда ихъ величества принимали зятя государя, вел. кн. Александра Михайловича, — въ сосѣдней комнатѣ долженъ былъ оставаться флигель-адъютантъ Линевичъ «на тотъ случай, если бы такъ обострились отношенія великихъ князей къ ея величеству». Особенную непріязнь въ Александрѣ Федоровнѣ возбуждали «черногорки» (Анастасія и Милица Николаевны) и «Николаша» (Николай Николаевичъ) съ «предательской Ставкой».

Въ своемъ православномъ прозелитизмѣ Александра Федоровна не знала удержу; въ своей экзальтиро-

ванной религіозности она доходила до уподобленія Распутина Христу...

Описывая «Маленькій Анинъ домикъ» (въ одной изъ книгъ «Соврем. Записокъ»), З. Н. Гиппіусъ приводитъ «фактъ, не всѣмъ, можетъ быть, извѣстный, но достовѣрный: въ Петербургѣ имѣлась очень серьезная нѣмецкая организація — изъ русскихъ состоящая. Люди достаточно тонкіе, чтобы употребить на пользу и Распутина». Эти люди умѣли узнавать отъ Распутина все, что зналъ онъ. «Треть его рѣчи была чепухой, треть бахвальствомъ, но треть, случалось, шла на пользу». Съ другой стороны, — не влагались ли кой-какія слова «въ уши пьянаго бахвала, гдѣ-нибудь въ «Виллѣ Родэ» подъ утро? Не внушены ли, съ незамѣтной ловкостью, грозному внушителю?».

Чтобы убѣдиться въ обоснованности такихъ сомнѣній, достаточно перечесть внимательно переписку царицы съ царемъ.

21-го мая 1916 г. царица приписываетъ въ концѣ письма: «Говорятъ, что Китченеръ пріѣзжаетъ 28-го сюда въ Ставку». Черезъ три дня, 24 мая, крейсеръ, на которомъ шелъ Китченеръ, затонулъ близъ Оркнейскихъ острововъ. Черезъ нѣсколько дней царица сообщаетъ утѣшительный отзывъ Распутина: «Другъ говоритъ, что для насъ хорошо, что Китченеръ погибъ, такъ какъ позже онъ надѣлалъ бы Россіи вреда, и что это не жалко, что съ нимъ погибли документы».

Царица запрашиваетъ: «когда приблизительно начнется наступленіе гвардіи?» Отвѣта, повидимому, нѣтъ, и черезъ нѣсколько дней повторный запросъ: «Принимаетъ ли гвардія участіе или все еще нѣтъ»? На ряду съ этимъ: — «Только скажи мнѣ, когда начнется наступленіе, чтобы Онъ могъ особенно тогда помолиться;

это имѣетъ такое огромное значеніе»... «Другъ проситъ, чтобы мы пока не наступали слишкомъ усиленно на сѣверѣ, потому что, по его словамъ, если мы будемъ продолжать имѣть успѣхъ на югѣ, они сами отступятъ на сѣверѣ или предпримутъ тамъ наступленіе, и тогда ихъ потери будутъ очень велики, — если мы тамъ начнемъ наступать, наши потери будутъ очень тяжкими» (26. У. 916). Черезъ два мѣсяца: — «Онъ (Распутинъ) находитъ, что было бы лучше не наступать слишкомъ настойчиво, такъ какъ потери будутъ чрезмѣрно велики». 24-го сентября Александра Федоровна сообщаетъ: «Душка, нашъ Другъ очень недоволенъ тѣмъ, что Брусиловъ не послушался твоего приказанія остановить наступленіе». Черезъ день — о томъ же: «Ахъ, отдай опять приказаніе Брусилову остановить эту безполезную бойню... Твои планы были такъ мудры, ихъ одобрилъ нашъ Другъ». Та же просьба въ письмѣ отъ 12 октября. И т. д.

Теперь факты другого порядка.

17-го апрѣля 1915 г. царица сообщаетъ царю, что получила «длинное, милое письмо отъ Эрни»,—ея брата Эрнста-Людвига, великаго герцога гессенскаго. Великій герцогъ «крѣпко тебя цѣлуетъ» и пишетъ, что « у нихъ возникъ планъ послать частнымъ образомъ довѣренное лицо въ Стокгольмъ, которое встрѣтилось бы тамъ съ человѣкомъ, посланнымъ отъ тебя (частнымъ образомъ), и они могли бы помочь уладить многія временныя затрудненія. Планъ его основанъ на томъ, что въ Германіи нѣтъ настоящей ненависти къ Россіи. Я немедленно послала отвѣтъ (все черезъ Дэзи)... Я хотѣла кончить съ этимъ дѣломъ до твоего возвращенія, такъ какъ знала, что тебѣ это было бы непріятно. В. (Вильгельмъ II), конечно, ничего абсолютно объ этомъ не знаетъ.

Эрни пишетъ, что они стоятъ твердой стѣной во Франціи и, по словамъ его друзей, также на югѣ и въ Карпатахъ. Они думаютъ, что у нихъ 500.000 нашихъ плѣнныхъ. Все письмо очень милое и любящее. Оно меня очень обрадовало...». — Въ концѣ 1915 г. фрейлина Александры Федоровны княг. М. А. Васильчикова, застрявшая заграницей въ моментъ объявленія войны, привезла отъ того же гессенскаго герцога два собственноручныхъ письма царю и царицѣ и «ноту» для министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова. А незадолго до того, тоже въ самый разгаръ русскихъ неудачъ на фронтѣ, министръ двора гр. Фредериксъ получилъ по городской почтѣ дружественное письмо отъ занимавшаго аналогичную должность при Вильгельмѣ II гр. Эйленбурга. Германскій гофмаршалъ предлагалъ — «во имя долга передъ Богомъ, передъ нашими государями и отечествами сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы вызвать между обоими нашими императорами сближеніе».

Эти письма и предложенія не дали желанныхъ для ихъ авторовъ результатовъ. Но для соблазна и подозрѣній они дали достаточно солидныя основанія. Броская формула П. Н. Милюкова — «глупость или измѣна» получила широкую популярность благодаря хорошему резонансу Государственной Думы, гдѣ она была произнесена. Но до Милюкова Гучковъ въ закрытомъ засѣданіи Особаго Совѣщанія по оборонѣ сказалъ въ сущности то же, говоря: «Если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей арміи руководилъ германскій генеральный штабъ, то, вѣроятно, онъ не создалъ бы ничего, кромѣ того, что создала наша русская правительственная власть». А наканунѣ революціи, въ письмѣ, которое писалось отъ 25. XII 916 до 4.II. 917 гг., вел. князь Александръ Михайловичъ указывалъ «дорогому Никѣ»,

что «можно подумать, что какая то невидимая рука направляетъ всю политику такъ, чтобы побѣда стала немыслимой». Изъ переписки генераловъ Сухомлинова и Янушкевича видно, что еще въ маѣ 1915 г., о томъ же и въ тѣхъ же, «милюковскихъ», выраженіяхъ писалъ изъ Ставки военному министру помощникъ Верховнаго Главнокомандующаго: «М. В. Р. (Родзянко) показалъ мнѣ копіи прямо возмутительныхъ документовъ г. а. у. (главнаго артиллерійскаго управленія). Просто волосы дыбомъ становятся. Что же это? Измѣна, панама, идіотизмъ?».

Одинъ изъ свидѣтелей со стороны — ген. Деникинъ, «переживая памятью минувшее», удостовѣряетъ: «Въ артиллеріи громко, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, шли разговоры о настойчивомъ требованіи императрицей сепаратнаго мира, о предательствѣ ея въ отношеніи фельдмаршала Китченера, о поѣздкѣ котораго она, якобы, сообщила нѣмцамъ и т. д.». А ген. Алексѣевъ уже послѣ революціи, весною 17-го года, «неопредѣленно и нехотя» такъ разъяснилъ Деникину его «мучительныя» сомнѣнія: «При разборѣ бумагъ императрицы нашли у нея карту съ подробнымъ обозначеніемъ войскъ всего фронта, которая изготовлялась только въ двухъ экземплярахъ — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатлѣніе. Мало ли кто могъ воспользоваться ею»...

Вел. кн. Михаилъ говорилъ Родзянкѣ почти наканунѣ революціи: «Вся семья сознаетъ, насколько вредна Александра Федоровна. Брата и ее окружаютъ только измѣнники. Всѣ порядочные люди ушли».

Измѣны могло не быть во дворцѣ — она могла исходить изъ ближайшаго окруженія. Могло не быть измѣны прямой и преднамѣренной — она могла быть

объективно, какъ послѣдствіе «глупости», преступнаго легкомыслія и небрежности.

4.

Личность послѣдняго русскаго самодержца въ значительной мѣрѣ опредѣлила судьбы русскаго самодержавія. Вся его жизнь въ такой же мѣрѣ служила во вредъ монархіи, въ какой его смерть пошла — и идетъ — тому же дѣлу на пользу. Даже преданные абсолютизму и лично Николаю II не рискуютъ это отрицать. Въ эвфемической формѣ В. І. Гурко склоняется, въ сущности, къ тому же мнѣнію, когда трагедію Россіи онъ усматриваетъ въ несоотвѣтствіи «между той формальной властью, которой обладалъ покойный государь, и той внутренней органической силой, которая была ему присуща». Однако, какъ бы высоко — или низко — ни расцѣнивали роль послѣдняго самодержца для судебъ возглавлявшагося имъ строя, — главная причина крушенія этого строя не здѣсь, не во «внутреннихъ органическихъ» свойствахъ самодержца. Главное — въ неограниченности той «формальной власти», которую представляетъ всякій самодержавный строй.

Самодержавный строй обреченъ потому, что современная государственность не можетъ не считаться съ правомъ, не руководиться хотя бы въ основныхъ своихъ линіяхъ закономъ. Самодержавіе же не способно слѣдовать даже собственному праву, не можетъ не нарушать своихъ же, даже основныхъ, законовъ, не вмѣшиваться въ администрацію, не руководить судомъ, не заводить «кондуитныхъ списковъ» для якобы несмѣняемыхъ судей, вообще — не руководиться политической цѣлесообразностью, при которой «соображенія

юридическія, конечно, отпадали», — по признанію главы судебнаго вѣдомства Щегловитова.

Даже по собственному желанію избранныхъ министровъ самодержецъ склоненъ былъ отстранять отъ наиболѣе отвѣтственныхъ рѣшеній. Такой вѣрный слуга самодержавія, какъ Плеве, удостовѣряетъ, что изданіе важныхъ актовъ безъ посредства министровъ — черта общая всѣмъ русскимъ государямъ, начиная съ Александра I. Гурко, считаетъ, что «склонность къ произволу» Николай II унаслѣдовалъ отъ своего пращура — Павла I. «Самодержцы по наружности выслушиваютъ своихъ министровъ, наружно соглашаются съ ними, но почти всегда люди со стороны находятъ легкій доступъ въ ихъ сердца или вселяютъ государямъ недовѣріе къ своимъ министрамъ, представляя ихъ покусителями на самодержавныя права». Это говоритъ Плеве!

Современное государство не терпитъ длительнаго хаоса въ управленіи, оно не терпитъ, чтобы каждый предсѣдатель совѣта министровъ имѣлъ въ карманѣ одновременно три высочайшихъ указа безъ обозначенія даты — указъ о полномъ роспускѣ парламента, указъ о роспускѣ до окончанія войны и на неопредѣленный срокъ. Оно не терпитъ рѣшенія государственныхъ вопросовъ по методу рѣшенія Николаемъ II вопроса объ учрежденіи папской нунціатуры въ Россіи, когда незначительные промежутки времени раздѣлили три одинаково непреложныя высочайшія резолюціи: «Нахожу желательнымъ», «Нахожу преждевременнымъ», «Нахожу нежелательнымъ». Оно не можетъ терпѣть, чтобы колебанія государственной воли, олицетворенной самодержцемъ, доходили въ своемъ произволѣ до того, что послѣ двухъ противорѣчивыхъ рѣшеній, третье сопровождалось бы спеціальной оговоркой: «Это мое послѣднее непреклонное желаніе». Ибо

даже средневѣковая идеологія Сипягиныхъ и Мещерскихъ —«всякое желаніе государя подлежитъ безпрекословному исполненію, будучи выраженіемъ божественной благодати, отъ помазанника божія исходящимъ» — даже она оказывается въ тупикѣ при множественности противорѣчивыхъ «желаній».

Въ прежніе вѣка такое положеніе — tel est notre bon plaisir — сходило безъ послѣдствій и въ странахъ Запада. Въ новѣйшее время даже Востокъ отказывается съ нимъ мириться.

Характерный эпизодъ , восходящій еще къ 1897 г., передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Витте. Въ качествѣ министра финансовъ, онъ получилъ черезъ министра двора, высочайшее повелѣніе о порядкѣ включенія смѣты министерства двора въ общегосударственную роспись. Повелѣніе это «отмѣняло законъ». При этомъ государь потребовалъ, чтобы «сіе высочайшее повелѣніе не распубликовывалось, дабы не возбуждать толковъ», и лишь при печатаніи новаго изданія законовъ «соотвѣтствующія статьи были соотвѣтственно измѣнены», — втихомолку, безъ шума *). «Такихъ высочайшихъ повелѣній въ Россіи не было со времени Павла, — замѣчаетъ Витте, — да и онъ (Павелъ), вѣроятно, не предлагалъ бы незамѣтно фальсифицировать новое изданіе законовъ».

Если припомнить реальный планъ Павла I — упразднить всѣ государственныя учрежденія и сосредоточить въ рукахъ самого государя даже всю администрацію, — можно считать, что Витте нѣсколько идеализи-

*) Пристрастіе къ секретнымъ указамъ Николай II сохранилъ и въ "конституціонный" періодъ своего царствованія. Такимъ указомъ въ 1916 г. былъ выдѣленъ изъ Совѣта Министровъ такъ называемый Малый Совѣтъ министровъ. Секретнымъ же указомъ были предоставлены исключительныя права предсѣдателю Совѣта министровъ — Штюрмеру.

руетъ Павла. Но вотъ уже не Павелъ I и не Николай II, а самъ Витте... Свою денежную реформу онъ провелъ путемъ прямого и открытаго нарушенія закона. И если при этомъ онъ противозаконно отнялъ у Государственнаго Совѣта его права, то въ другомъ случаѣ онъ столь же противозаконно сообщилъ законодательныя права другому учрежденію — Комитету по сооруженію сибирской желѣзной дороги. Витте не разъ подчеркивает, что онъ предвидѣлъ и предупреждалъ о возможности конфликта съ Японіей. Но, съ другой стороны, никто другой, какъ именно Витте, первый захватилъ у Китая часть Манджуріи, послужившей поводомъ къ осложненіямъ на Дальнемъ Востокѣ. Витте съ полнымъ удовлетвореніемъ описываетъ, какъ ему удалось «заинтересовать» въ своей операціи китайскихъ сановниковъ за невысокую плату въ 500 и 250 тыс. рублей, — стоившихъ впослѣдствіи Ли - Хунъ - Чангу потери престижа, а Чанъ - Инъ - Хуану и Сюнъ - Кингъ - Шену жизни... Враги Витте справа, выискивая всюду вліяніе личныхъ мотивовъ, склонны самый «конституціонализмъ» Витте объяснять тѣмъ, что Витте на личномъ опытѣ «дважды испыталъ непрочность своего служебнаго положенія, если оно всецѣло зависитъ отъ единоличной воли монарха». Во всякомъ случаѣ, либерализмъ и «конституціонализмъ» Витте не шелъ дальше замѣны варварской формы абсолютизма абсолютизмомъ болѣе прикровеннымъ, «просвѣщеннымъ», — если не руководимымъ, то осуществляемымъ самимъ Витте. Развѣ не характерно, что даже самый либеральный, дальновидный и просвѣщенный министръ самодержавнаго строя не можетъ не дѣйствовать безъ нарушенія закона. Даже для преданнаго самодержавію министра, если онъ дѣятеленъ и болѣе или менѣе дальновиденъ, — абсолютизмъ оказывается, въ концѣ концовъ, «невыгод-

нымъ» и непереноснымъ. Болѣе ловкимъ самодержцамъ удается продлить вѣкъ абсолютизма. Менѣе удачливые, наоборотъ, ускоряютъ его конецъ, дѣлаютъ его гибель болѣе безславной, обнажающей до дна накопившуюся въ вѣкахъ муть.

Защитники и сторонники абсолютизма, отыскивая причины его крушенія, находятъ ихъ въ перемѣнѣ военнаго счастья, въ неудачѣ японской кампаніи, въ коварствѣ Витте, въ интригахъ Гучкова, въ «зажигательныхъ лозунгахъ» соціалистовъ, въ «кадетствующемъ чиновничествѣ», въ упрямствѣ или, наоборотъ, уступчивости царя и т. д. Такого рода объясненія явно скользятъ по поверхности. Но любопытно, что такія объясненія даютъ не только Вырубова или Курловъ. Ихъ даютъ и Гурко съ Шульгинымъ. Послѣдній не такъ уже давно, со всей присущей ему искренностью, повѣдалъ, что стоило Николаю II назначить кн. Львова предсѣдателемъ совѣта министровъ не послѣ своего отреченія, а на 3-4 мѣсяца раньше, «ну хоть до послѣдняго созыва Думы», и, кто знаетъ, можетъ быть, «обошлось бы».

Всѣ эти объясненія грѣшатъ тѣмъ, что они обходятъ вопросъ, не отвѣчаютъ на основное сомнѣніе, почему самодержавіе проиграло и японскую, и міровую войну? Почему явились «зажигательные лозунги»? Почему даже среди великихъ князей, не то, что среди министровъ и октябристовъ, появились недруги царя и стараго режима? Почему Николай II не назначилъ кн. Львова предсѣдателемъ ни 17 октября 1905 г., ни послѣ военныхъ пораженій 1915 г., ни послѣ образованія въ Думѣ такъ наз. прогрессивнаго блока — «послѣдней попытки спасти монархію», по свидѣтельству П. Н. Милюкова, — ни до послѣдняго созыва Думы, ни послѣ убійства Распутина? И т. д. и т. п.

Историки французской революціи, въ ихъ числѣ и Жоресъ, единодушно отмѣчаютъ, что Бурбоны уже послѣ конфликта съ страной должны были совершить рядъ новыхъ ошибокъ, одна другой непоправимѣе, для того, чтобы окончательно погибнуть. Примѣнившись къ обстоятельствамъ, ставъ искренне и послѣдовательно на путь уступокъ, они сохранили бы власть. Но могли ли Бурбоны сдѣлать то, что имъ рекомендовали не только историки революціи, а и современные имъ политики? Могли ли Бурбоны, Стюарты, Романовы не дѣлать ошибокъ, одна другой непоправимѣе, даже послѣ во внѣ обнаружившагося столкновенія власти съ народомъ?

Пусть захватъ Манчжуріи — необходимость или случайность! А Ляодунскій полуостровъ, захватъ Портъ - Артура и Да - Лянь - Ваня (Дальній)?... А приготовленія къ захвату Босфора въ 1896 г., въ періодъ полнаго международнаго мира?... А «грандіозные планы въ головѣ нашего государя», о которыхъ упоминаетъ военный министръ Куропаткинъ въ записи отъ 16 февраля 1903 г. — «идти къ присоединенію Кореи,... подъ свою державу взять и Тибетъ... взять Персію, захватить не только Босфоръ, но и Дарданеллы»?...

Развѣ можно объяснить случайностью тотъ подборъ министровъ, которымъ въ теченіе десятилѣтій довольствовались русскіе самодержцы. Не одинъ Витте, а почти всѣ, рискующіе касаться этого ранящаго иногда самихъ мемуаристовъ пункта, удостовѣряютъ крайнюю бездарность при огромномъ честолюбіи, чванливости, часто корыстолюбіи высшихъ царскихъ сановниковъ. «Можно спросить, есть ли у правительства друзья? И отвѣтить совершенно увѣренно: нѣтъ. Какіе же могутъ быть друзья у дураковъ и олуховъ, у грабителей и воровъ». «Самодержавіе сдѣлалось въ послѣднее время

девизомъ для всякихъ искателей собственнаго благополучія». Обѣ эти характеристики б. государственнаго секретаря А. А. Половцева относятся не къ кануну паденія абсолютизма, а еще къ 1901 году. Даже такой пламенный сторонникъ абсолютной монархіи — «единственной формы правленія, соотвѣтствующей характеру русскаго народа» не только въ прошломъ, но и въ будущемъ, — какъ Курловъ, и тотъ нашелъ только одного «безстрашнаго русскаго витязя» — своего патрона Столыпина. Всѣ другіе — «пигмеи бездарные, безвольные, сами не знавшіе, въ какую сторону имъ надо итти».

Когда въ лихоимствѣ уличаютъ, — въ частности, А. С. Суворинъ, — не одного вел. кн. Александра Михайловича, а почти всѣхъ дядьевъ и родственниковъ самодержца (вел. кн. Владимира, Алексѣя, Сергѣя, Петра Николаевича, Дмитрія Константиновича и т. д.), — что это «акциденція» самодержавнаго строя, или неизбѣжный его придатокъ? Случайность ли, что «одна изъ самыхъ крупныхъ фигуръ бюрократіи крайняго монархическаго направленія» В. І. Гурко, который, по утвержденію его почитателей, «могъ бы сыграть очень серьезную роль, если бы остался въ рядахъ правительства», — въ рядахъ правительства не остался, а очутился на скамьѣ подсудимыхъ? Остроумный ли анекдотъ только — запись въ дневникѣ Половцева отъ 4 апрѣля 1902 г., въ день отпѣванія тѣла убитаго Сипягина: «Между всѣми присутствующими держится слухъ, что министромъ внутреннихъ дѣлъ будетъ назначенъ Бобриковъ. Подхожу къ Горемыкину и спрашиваю его: — Sera-ce pour longtemps ?

Отвѣтъ: pour 6 ou 8 mois.

Я: Après quoi il volera en l'air et toute la différence sera qu'il volera en l'air seul ou avec nous.

Горемыкинъ: Dans tous les cas il volera, mais pas en l'air».

Одинъ Штюрмеръ еще могъ быть исключеніемъ и случайностью. Но Штюрмеръ и Хвостовъ — это уже правило. А если къ нимъ придать Горемыкина, Протопопова, Н. Маклакова, Трепова, Голицына и т. д., — получается система. Одинъ Распутинъ могъ быть случайностью, патологическимъ исключеніемъ, сквернымъ анекдотомъ. Но если поставить съ нимъ рядомъ — M. Philippe, Митю Колябу, красавца - инока Мардарія, старицу Марію Михайловну, Пашу изъ Дивѣева, босоножку Олега, Василія и т. д. — получается цѣлая галлерея. Другая галлерея получается, если рядомъ съ Распутинымъ поставить Бадмаева, кн. Андронникова, Манасевича - Мануйлова, Иліодора, Бѣлецкаго, Хвостова, Вырубову, Воейкова и т. д. Когда съ Распутинымъ ищетъ свиданія Протопоповъ или Штюрмеръ, это естественно и можетъ быть объяснено личными, случайными качествами неудачныхъ министровъ. Но когда съ этимъ «мужикомъ - эротоманомъ, съ грязными руками, черными ногтями и запущенной бородой» ищутъ свиданія Столыпинъ, Коковцевъ, Щегловитовъ и даже самъ авторъ приведенной только что характеристики, французскій посолъ при россійскомъ самодержцѣ, Морисъ Палеологъ, — тогда, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ одной изъ реальныхъ движущихъ силъ всей системы самодержавной власти.

Русскій абсолютизмъ въ своемъ паденіи превзошелъ всѣ извѣстные до него образцы. Если французскій абсолютизмъ опустился до кардинала де-Рогана, абсолютизмъ русскій дошелъ до «божьяго человѣка» Григорія. Тонкая нить соединяла вершину государственной власти съ самыми низинами народной тьмы и суевѣрія. Вся страна, весь основной массивъ населенія находился внѣ этой линіи, соединявшей обѣ крайнія точки, — онъ стоялъ въ прямой оппозиціи къ ней. Отъ Керенскаго и

до Пуришкевича съ Шульгинымъ, одни, топя монархію, другіе, жертвуя монархомъ, чтобы «спасти монархію», — земства, города, армія, церковь, совѣтъ объединеннаго дворянства, великіе князья — всѣ отошли отъ воплощавшаго въ себѣ абсолютизмъ монарха. Здѣсь наглядно обнаружилась изолированность старой власти, ея полная ненужность ни для кого, единственно оставшееся у нея основаніе для существованія — сила инерціи.

И, въ самомъ дѣлѣ, чему бы русское самодержавіе ни было обязано своимъ историческимъ возникновеніемъ — Золотой Ордѣ, Византіи ли, Церкви ли, борьбѣ за территорію, — всѣ «причины» давно уже отпали, русскій абсолютизмъ къ XX вѣку давно уже превратился въ пережитокъ географическій, правовой, культурно - бытовой.

«Страшно слушать умныхъ людей, которые могутъ серьезно говорить о представительномъ началѣ въ Россіи, точно заученныя фразы, вычитанныя ими изъ нашей паршивой журналистики и бюрократическаго либерализма», — писалъ Александръ III 21 апрѣля 1881 г. наставнику и политическому руководителю всей его жизни Побѣдоносцеву. «Я слишкомъ глубоко убѣжденъ въ безобразіи представительнаго выборнаго начала, — возвращается онъ къ той же темѣ въ письмѣ отъ 12 марта 1882 г., — чтобы когда - либо допустить его въ Россіи въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ во всей Европѣ». Александръ III свое слово сдержалъ — представительнаго начала въ Россіи не допустилъ. Его преемникъ всячески старался остаться вѣрнымъ завѣтамъ отца и Побѣдоносцева. Николай II по воцареніи тотчасъ же публично провозгласилъ, что будетъ «охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно», какъ охранялъ его «незабвенный, покойный родитель». Въ октябрѣ 1904 г. Николай II завѣрялъ Витте: «я никогда

ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на представительный образъ правленія, ибо я считаю его вреднымъ для ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа». Кн. Палѣй разсказываетъ, какъ 3 декабря 1916 года вел. кн. Павелъ отправился къ царю «почтительно просить его величество даровать конституцію». И черезъ 11 лѣтъ послѣ манифеста 17 октября, ровно за 3 мѣсяца до паденія абсолютизма, самодержецъ отвѣтилъ, что это невозможно, такъ какъ онъ присягалъ самодержавію. Все же Николаю II свое слово сдержать не удалось.

Среди апологетовъ монархіи распространено мнѣніе, что монархію погубила слабость послѣдняго монарха. Будь на престолѣ Александръ III, русскій абсолютизмъ былъ бы живъ и по сей день. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить, что противоположное мнѣніе начинаетъ теперь встрѣчать сторонниковъ даже среди бывшихъ министровъ покойнаго царя. Такъ его б. министръ иностранныхъ дѣлъ Извольскій справедливо отмѣчаетъ, что революціонное движеніе, проявлявшееся съ особой силой во время японской войны, на самомъ дѣлѣ имѣло гораздо болѣе отдаленные корни, восходившіе къ предшествующему царствованію — мы бы сказали; еще раньше, — къ «революціонной эрѣ», открытой Александромъ II. Подавляемое въ теченіе 13 лѣтъ Александромъ III, оно кончило бы тѣмъ, въ концѣ концовъ, что вспыхнуло бы и подъ его желѣзнымъ режимомъ. Когда оно вспыхнуло при болѣе хиломъ управленіи Николая II, послѣдній, подчиняясь неизбѣжному, «заклялъ» катастрофу манифестомъ 17 октября. Непреклонная воля Александра III, вѣроятно, не склонились бы передъ событіями, которыя кончились бы тѣмъ, что ее сокрушили. Какъ въ баснѣ о дубѣ и тростинкѣ, слабый сумѣлъ выпрямиться тамъ, гдѣ сильный долженъ былъ подломиться. «Выпрямившись», Николай II въ теченіе

еще 12 лѣтъ пробовалъ одолѣть тѣ силы, которыя принудили его капитулировать въ пятомъ году и которымъ суждено было ниспровергнуть абсолютизмъ уже окончательно — въ семнадцатомъ.

Не отъ революціи пятаго года пришло русское нестроеніе. А отъ нестроенія русской жизни пришла русская революція. Оправданность революціи пятаго года — въ революціи 17-го года, въ повторномъ свидѣтельствѣ ея исторической необходимости. И оправданность революціи 17-го года въ незавершенности первой революціи.

Русскіе военноначальники понимали, что въ 1914 г. нельзя вести войну методами отечественной войны, что сомкнутый строй и наступленіе колоннами должны уступить мѣсто строю разсыпному, наступленію «цѣпью», «перебѣжками по одному», «примѣняясь къ мѣстности». Но русскіе правители, увы, не поняли, что одного механическаго подчиненія и слѣпого повиновенія въ войнѣ народовъ, а не однихъ только профессіональныхъ кадровъ, — недостаточно. Они думали, что сумѣютъ попрежнему обойтись одними бармами и шапкой Монамаха и тогда, когда необходимо было довѣрчивое, — хотя бы пассивно - сочувственное отношеніе народа къ власти.

Въ 16-омъ вѣкѣ Ивану Грозному можно было хвалиться (передъ Стефаномъ Баторіемъ), что онъ царь «по божьему изволенію, а не по многомятежному человѣчества хотѣнію». Въ 20-мъ вѣкѣ, послѣ трехвѣкового царствованія Романовыхъ, воцарявшихся и низлагавшихся откровенной силой «многомятежнаго человѣчества хотѣнія», — при которомъ роль «человѣчества» иногда исполняли всего 360 преображенцевъ, — объ этомъ говорить уже не приходится. Въ «мистику царственнаго происхожденія» или въ «природнаго» царя

Кирилла Владимировича можно только дѣлать видъ, что вѣришь. Послѣ опыта прошлаго, кто не хочетъ компрометировать «вѣры и отечества», тотъ не можетъ уже сливать ихъ въ нераздѣльную формулу съ «царемъ»; кто дорожитъ «православіемъ и народностью», — долженъ откинуть «самодержавіе».

Только вѣря въ «геній императора», что особенно трудно въ свѣтѣ новѣйшихъ революцій — русской и германской; только обожествляя мvропомазанника, можно увѣровать въ праведность монархическаго начала. Раціонально, здраво, большимъ или малымъ Разумомъ оправдать его нельзя. Монархія можетъ сохраниться какъ пережитокъ, но возсоздать ее, какъ осмысленный институтъ въ XX-мъ вѣкѣ, уже невозможно.

5.

Тѣ, кто задолго предсказывали неминуемость насильственнаго измѣненія существующаго строя, и тѣ, кто, какъ могъ, способствовалъ, — въ концѣ концовъ весьма малоуспѣшно, — народной революціи, — вовсе не потому «постулировали» и «дѣлали» революцію, что были такими страстными любителями насилія, крови и разрушенія. Нѣтъ, — они не видѣли другого исхода. Со смертью очереднаго самодержца и воцареніемъ новаго, наиболѣе авторитетные представители «партіи революціи» обращались со словами просьбы и увѣщанія къ каждому вновь вступавшему на престолъ. Возьмите воцареніе Александра II и признаніе Герцена: «Мы, со страхомъ гадая, обращали взглядъ нашъ на молодого человѣка, шедшаго занять упраздненное мѣсто на желѣзномъ тронѣ». Вспомните его апофеозъ Александра III — «столь же наслѣдника 14 декабря, какъ Николая»,

— «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ». Вспомните готовность Герцена «при изгнанникахъ всѣхъ странъ, при людяхъ какъ Маццини и Луи Бланъ, при звукахъ Марсельезы» поднять стаканъ и «предложить неслыханный при такой обстановкѣ тостъ за Александра II, освободителя крестьянъ». И если рука Герцена опустилась, стаканъ не былъ поднятъ, причина, какъ извѣстно, была не въ предвзятой непримиримости Герцена, а въ дѣйствіяхъ Александра II — : «черезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тостъ не могъ итти»...

Возьмите другой примѣръ. Не «сентиментальный» индивидуалистъ и полулибералъ — теперь бы сказали: «соглашатель» — Герценъ, а боевой, законспирированный коллективъ — Исполнительный Комитетъ «Народной Воли». Черезъ 10 дней послѣ того, какъ двухлѣтнія его усилія привели къ цѣли — къ смѣнѣ самодержца — казавшійся грознымъ Комитетъ писалъ Александру III: «Мы не ставимъ условій Вамъ. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ ихъ, а только напоминаемъ». «Народная Воля» заявляла «торжественно передъ лицомъ родной страны и всего міра», что она «безусловно подчинится» «и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ. Итакъ, Ваше Величество, рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родной страной».

Непререкаемое убѣжденіе, что Россіи не выйти на

путь мирнаго и правильнаго развитія иначе, чѣмъ вышли передовыя страны Европы; сознаніе неминуемости революціи — питали тотъ пафосъ, который въ теченіе десятилѣтій воодушевлялъ «партію переворота» и не одного политическаго борца побудилъ къ подвижнической жизни и къ смерти за идею и убѣжденія.

Теперь post factum черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ революціи, невелика мудрость признать, что «при опредѣляющихъ настроеніяхъ правительства, общества и народа» война сдѣлала революцію «неизбѣжной». Теперь — правда, по спеціальному поводу — даже богословъ Карташевъ сочувственно говоритъ о «культѣ героевъ - тираноубійцъ» и «апофеозѣ въ историческомъ сознаніи человѣчества нѣкоторыхъ праведныхъ возстаній народовъ противъ узаконенныхъ до времени режимовъ». Но тогда, но прежде, до того, какъ праведное возстаніе противъ самодержавнаго режима стало фактомъ, — «тираноубійцы» третировались не какъ герои, а какъ убійцы и вредители поступательнаго хода прогресса; тогда въ оправданныхъ жизнью прозорливцахъ видѣли лишь безумцевъ и иллюминатовъ.

Смѣшно говорить, что революцію сдѣлали или подготовили революціонеры своими «зажигательными лозунгами». Вышедшіе за послѣдніе годы мемуары активныхъ участниковъ революціи не оставляютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Особенно въ этомъ отношеніи убѣдительны факты, сообщенные А. Ф. Керенскимъ въ его бѣглыхъ воспоминаніяхъ о канунахъ революціи (Въ «Дняхъ» № 28 за 924 г.). Какъ одинъ изъ участниковъ московскаго полуконспиративнаго собранія «лѣвой» во второй половинѣ января 1917 г., о которомъ разсказываетъ Керенскій, я, съ своей стороны, удостовѣряю фактъ неожиданности революціи для тѣхъ, кто революціи ждалъ и ее предвидѣлъ. Революціоне-

ровъ революція захватила врасплохъ отчасти потому, что наиболѣе дѣятельными агентами революціи были не столько они сами, сколько не въ мѣру услужливые партизаны абсолютизма. Это — не запоздалая попытка самооправданія и снятія съ себя отвѣтственности. Это сознавали — и признавали — и отдѣльные представители династіи. Въ упоминавшемся уже нами историческомъ письмѣ вел. кн. Александра Михайловича, которое онъ писалъ полтора мѣсяца, съ 25 XII по 4. II. 917 г., царь могъ прочесть: «Какъ это ни странно, но правительство есть сегодня тотъ органъ, который подготовляетъ революцію; народъ ея не хочетъ, но правительство употребляетъ всѣ возможныя мѣры, чтобы сдѣлать какъ можно больше недовольныхъ, и вполнѣ въ этомъ успѣваетъ. Мы присутствуемъ при небываломъ зрѣлищѣ революціи сверху, а не снизу»...

Русскую революцію сдѣлали не русскіе революціонеры. Ее сдѣлала русская исторія и прежде всего, — исторія русской самодержавной власти. Для многихъ, революціонеровъ революція никогда не была желаннымъ днемъ. Она была для нихъ, какъ и для Герцена, роковымъ днемъ, «отчаяннымъ средствомъ»; какъ для Жореса, — варварской, но неизбывной формой прогресса. И въ этомъ была правда, высшее жизненное оправданіе «партіи революціи», или соціалистическихъ партій, — ибо несоціалистическихъ революціонныхъ партій, если не считать окраинно-національныхъ, до революціи не было. Жизнь подтвердила ихъ убѣжденіе въ томъ, что никакимъ угашеніемъ духа, уступчивостью или лояльностью, низведеніемъ себя на уровень оппозиціи его величества или маневрированіемъ прогрессивнаго блока не удастся предотвратить неизбѣжное. Русская революція оказалась сильной тѣмъ, чѣмъ, по слову Бисмарка, сильна всякая революція: не экс-

цессами и насиліемъ, а правдой, вложенной въ ея «идею».

Теперь, наряду со многимъ, что было когда-то тайнымъ, становится явнымъ и то, что ощущеніе глубокаго неблагополучія, вулканичности политической подпочвы и неувѣренности въ ближайшемъ будущемъ не было чуждо самымъ неподатливымъ бюрократамъ, самымъ непримиримымъ врагамъ революціонеровъ.

«Наступаютъ времена, записываетъ Половцевъ въ 1901 году, когда все разсказанное Шильдеромъ (объ убіеніи Павла I) можетъ повториться». — Или одинъ изъ вождей крайней правой Борисъ Никольскій пишетъ въ 1905 г. своему единомышленнику епископу Антонію (Храповицкому): — «Истребленіе династіи становится такою неизбѣжностью, что каждый русскій человѣкъ долженъ предусматривать и обдумывать послѣдствія этого событія, чтобы оно не застало врасплохъ, по крайней мѣрѣ, хоть людей нашего образа мыслей». И т. д.

Чѣмъ ближе къ 17-ому году, тѣмъ явственнѣе подземный гулъ и прямые толчки. Причитанія и увѣщанія переходятъ въ требованія и угрозы — Пуришкевича, Родзянко, великихъ князей, а затѣмъ — и въ прямыя дѣйствія. Убійство Распутина было первымъ по счету. Внезапный приходъ революціи въ февралѣ прервалъ цѣлый рядъ другихъ начинаній. Атмосфера Петрограда наканунѣ революціи была полна слуховъ о заговорахъ. Дѣлались и реальныя приготовленія къ дворцовому перевороту.

Въ предисловіи къ французскому переводу извлеченій изъ дневника Пуришкевича объ убійствѣ Распутина („La Revue de Paris“ отъ 15-XI-1923) В. А. Маклаковъ приводитъ для иллюстраціи рядъ любопытныхъ эпизодовъ. У своего книгопродавца въ Петро-

градѣ Маклаковъ вдругъ замѣтилъ цѣлую коллекцію книгъ объ убійствѣ Павла, и книгопродавецъ объяснилъ: «съ нѣкотораго времени публика усиленно спрашиваетъ книги объ этомъ событіи; писатели и издатели пользуются своими запасами». Въ другой разъ, провожая начальника военно-инженернаго управленія, расположеннаго въ Михайловскомъ дворцѣ, Маклаковъ спросилъ его, существуетъ ли еще историческая комната, черезъ которую проникли убійцы Павла I. Генералъ отвѣтилъ: «странно, съ нѣкотораго времени десятки людей ежедневно являются во дворецъ ее осматривать»...

Даже французскій посолъ Палеологъ не остается чуждъ повѣтрію — интересу къ событію 11 марта. Онъ разсказываетъ, какъ былъ прерванъ неожиданно завтракъ у Маріи Павловны (супруги вел. кн. Владимира Александровича) въ самомъ концѣ 16 года, изъ-за экстреннаго совѣщанія членовъ императорской фамиліи о коллективномъ выступленіи предъ царемъ. «Что же, — спросилъ Палеологъ хозяйку, — это выступленіе будетъ только платоническимъ...? Она догадывается, что я имѣю въ виду то, что случилось съ Павломъ, а потому отвѣчаетъ мнѣ съ жестомъ ужаса: «Боже мой! Что теперь случится!» Проектъ «уничтожить» императрицу развивала великая княгиня и передъ предсѣдателемъ Государственной Думы, который предложилъ Марьѣ Павловнѣ считать ея разговоръ съ нимъ «какъ бы не бывшимъ». Во главѣ одного изъ заговоровъ, предполагавшагося къ осуществленію въ мартѣ 17 года, стояли А. И. Гучковъ, генер. Крымовъ и М .И. Терещенко. О другомъ планѣ сообщаетъ Палеологъ: три «Владимировича» (вел. кн. Кириллъ, Борисъ и Андрей) разсчитывали, при помощи четырехъ гвардейскихъ полковъ, «захватить Царское Село, заставить отречься им-

ператора, заточить въ монастырь императрицу и провозгласить царемъ Алексѣя, а Николая Николаевича регентомъ». Во главѣ войскъ долженъ былъ стать Дмитрій Павловичъ, — будущій соучастникъ въ убійствѣ Распутина. Но онъ, въ концѣ концовъ, отказался, — не желая «нарушить присягу»...

Переворотъ сверху запоздалъ. Революція пришла снизу раньше, чѣмъ ее въ это время ждали. Предопредѣленное крушеніе самодержавія стало свершившимся фактомъ. Не переставъ быть самодержавной, власть не могла предотвратить своей гибели. Это былъ не ею установленный законъ, который она вольна была нарушить по собственному усмотрѣнію, — это былъ общій, «соціологическій» законъ паденія абсолютизма. Абсолютизмъ гибнетъ, но не сдается, не приспосабливается, не м о ж е т ъ приспособиться къ окружающимъ условіямъ. Гармоническое развитіе, вровень съ вѣкомъ и требованіями жизни противорѣчитъ природѣ и смыслу абсолютизма. Абсолютизмъ отстаетъ отъ темпа жизни, утрачиваетъ способность учитывать вѣсъ и значеніе событій. Иллюстрація къ тому — послѣдніе годы и мѣсяцы, дни и даже часы русскаго абсолютизма. Поэтому-то разрѣшеніе конфликта — между требованіями жизни и домогательствами абсолютизма — почти всегда т р а г и ч н о. И выходъ изъ трагедіи, пережитой недавно Россіей, по примѣру западныхъ странъ, — тотъ же, что и во всякой трагедіи, личной или коллективной: въ смиреніи передъ рокомъ, въ примиреніи съ случившимся, въ забвеніи — не прошлаго, о, нѣтъ, въ памяти о прошломъ предостереженіе будущему, — а въ забвеніи личныхъ винъ, обидъ и грѣховъ.

О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, — КАНУНЫ И СВЕРШЕНІЯ

Воспоминанія В. А. Маклакова — авторъ называетъ ихъ не «простыми мемуарами» и въ то же время не «историческимъ изслѣдованіемъ» — посвящены едва ли не наиболѣе волнующему вопросу современности — истокамъ русской революціи, причинамъ, предопредѣлившимъ, по убѣжденію автора, ея срывъ. Вопросъ формально и по заданію ставится не въ личной, а въ общей формѣ, психологически и политически очень подкупающей.

Авторъ рѣшительно отметаетъ привычную «условную ложь» оффиціальныхъ партійныхъ версій и бюллетеней, заранѣе отказывается отъ защиты „à outrance" прежнихъ положеній». Онъ убѣждаетъ признать свои ошибки и «правоту у враговъ», призываетъ «отказаться отъ претензіи на непогрѣшимость; напротивъ, намъ самимъ нужно искать своихъ ошибокъ, какъ ищутъ именно ихъ при анализѣ проигранной шахматной партіи». Справедливо указывая на сомнительное преимущество того, что «обличеніе нашихъ ошибокъ предоставлять только нашимъ старымъ врагамъ, да ренегатамъ», онъ остроумно аргументируетъ, — «если мы и сейчасъ, послѣ 1917 г., станемъ доказывать, что ни въ чемъ не ошибались, что все предвидѣли и обо всемъ предупреждали, намъ все равно не повѣрятъ. Такой пози-

ціей мы только увеличимъ кредитъ тѣхъ нашихъ противниковъ, отъ которыхъ намъ нечего ждать ни правды, ни пониманія». А, главное, — этого требуютъ интересы дѣла, которое мы защищаемъ и отъ защиты котораго мы не отказываемся. «Если-бы намъ удалось убѣдить, что мы всегда поступали такъ, какъ поступать были должны, мы дискредитировали бы самое дѣло».

Нельзя не признать исключительной цѣнности и интереса за такимъ подходомъ къ познанію причинъ русской революціи. Вполнѣ сочувствуя именно такой постановкѣ вопроса, мы — скажемъ тутъ же — весьма далеки отъ тѣхъ выводовъ и заключеній, къ которымъ В. А. Маклаковъ приходитъ. Больше того — позволяемъ себѣ утверждать, что поставленное себѣ заданіе авторъ отчасти не выполнилъ, отчасти, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, — и не могъ выполнить.

Позволительно говорить о выводахъ и заключеніяхъ, хотя воспоминанія В. А. Маклакова еще не закончились печатаніемъ, потому что авторъ своему описанію «нѣкоторыхъ моментовъ изъ прошлаго, которые при видѣ того, что теперь происходитъ, приходятъ на память», счелъ нужнымъ предпослать особое Предисловіе съ изложеніемъ своей общей «точки зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на наше прошлое».

Вотъ эта-то общая и исходная точка зрѣнія, которая намъ представляется итогомъ пережитого опыта, среды, симпатій и т. д., и которая остается себѣ равной, о чемъ бы ни вспоминалъ В. А. Маклаковъ, — и составляетъ предметъ нашего вниманія и критики.

Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота...

А. Блокъ.

1.

В. А. Маклаковъ видитъ преимущество нашего поколѣнія въ томъ, что ему дано было жить въ двухъ эпохахъ — въ настоящемъ и въ прошломъ, — между которыми провела грань революція. Авторъ полагаетъ, что не только ему самому, но и всему современному поколѣнію дано «сочетать въ себѣ безпристрастіе историка съ освѣдомленностью современника, быть историкомъ современныхъ событій».

Такъ ли это?

Кого не соблазняла мысль быть собственнымъ своимъ — и своего времени — историкомъ? Политическіе дѣятели рѣдко располагаютъ досугомъ вести дневники, регистрировать свои «точки зрѣнія» на событія въ моментъ или въ процессѣ ихъ совершенія. Когда же эти дѣятели перестаютъ «дѣлать исторію», по тѣмъ или инымъ основаніямъ выходятъ въ тиражъ и обрѣтаютъ досугъ, — имъ кажется малозначительнымъ, а иногда и малодостойнымъ занимать общественное мнѣніе своимъ личнымъ и прошлымъ, безвозвратно минувшимъ. Возникаетъ непреодолимое желаніе выйти за предѣлы

только субъективной оцѣнки. И пишутъ «исторію современныхъ событій», не собираясь писать «историческаго изслѣдованія» или даже не называя написаннаго исторіей. Достиженія испытанныхъ ученыхъ, историковъ-профессіоналовъ, въ такихъ случаяхъ не болѣе плодотворны, чѣмъ достиженія диллетантовъ въ исторической наукѣ. Дефектъ здѣсь не въ лицахъ, а въ заданіи и предметѣ.

Кому не приходилось отмѣчать этотъ общій дефектъ. И сейчасъ приходится отвергнуть тѣ особыя права и преимущества, которыя всему современному поколѣнію, и въ томъ числѣ себѣ, присваиваетъ В. А. Маклаковъ. Предисловіе къ его воспоминаніямъ, несмотря на всю осторожность и оговорки автора, его діалектическое искусство и литературное мастерство, раздѣляетъ общую всѣмъ подобнымъ попыткамъ судьбу.

Первичный порокъ всего построенія заключается въ качествѣ матеріала, въ природѣ тѣхъ «вещей», на которыхъ покоится «точка зрѣнія» Маклакова. Отвлеченно разсуждая, онъ отлично сознаетъ, что «причинъ, которыя съ разныхъ сторонъ приводили къ одному и тому же концу — крушенію русскаго государства», было много, очень много и самыхъ разнообразныхъ. Онъ самъ подчеркиваетъ и въ началѣ и въ концѣ Предисловія, что причины крушенія — «не только чужія ошибки». Но страннымъ образомъ все Предисловіе звучитъ обвиненіемъ противъ другихъ, правда не только «чужихъ», но и «своихъ», — «своихъ» даже больше всего, поскольку эти «свои» находились въ общей съ Маклаковымъ общественной и партійно-политической группировкѣ и слѣдовали не съ нимъ и не

з а н и м ъ. Словомъ, В. А. Маклаковъ пишетъ не о с в о и х ъ ошибкахъ, а объ ошибкахъ «своихъ», какъ и онъ принадлежавшихъ къ «либеральной общественности» и к.-д.-ской партіи. Онъ пишетъ о чужихъ, о другихъ, о «своихъ», но только н е о с е б ѣ.

Пусть читатель просмотритъ написанное В. А. Маклаковымъ съ учетомъ только что сказаннаго, и онъ самъ убѣдится, что мое замѣчаніе вызвано не полемическимъ увлеченіемъ, а объективно неоспоримымъ фактомъ. Тѣмъ самымъ и разсужденія В. А. Маклакова, сохраняя весь свой интересъ и значеніе въ качествѣ одного изъ множества другихъ политическихъ процессовъ, которые ведутъ и долго еще будутъ вести передъ Исторіей заинтересованныя стороны и ихъ будущіе наслѣдники, утрачиваютъ право на признаніе ихъ выраженіемъ объективной истины. Работа В. А. Маклакова этимъ не умаляется. Она только вводится въ законныя рамки и масштабы.

Какъ ни скучна всякая «методологія», приходится, однако, остановиться еще на двухъ пунктахъ, существенныхъ — на нашъ взглядъ, даже рѣшающихъ — для всего построенія В. А. Маклакова.

Авторъ оперируетъ все время со слишкомъ общими и суммарными категоріями: «старая Россія», «революціонная демократія», «либеральная общественность», — не расчленяетъ этихъ понятій. Только это и позволяетъ ему считать опредѣляющимъ признакомъ, напримѣръ, «революціонной демократіи» ея ненависть къ «старой Россіи». Это невѣрно ни въ отношеніи къ революціонной демократіи, въ «гротескѣ» взятой, ни въ отношеніи обратной характеристики не-революціонной, а «либеральной общественности». Что «въ старой Россіи было много безсмысленнаго, жестокаго и даже

гнуснаго», признаетъ и Маклаковъ; этого не отрицаютъ и самые стойкіе почитатели и охранители низвергнутыхъ устоевъ. Но что въ Россіи далеко не все было дурно, а много было и цѣннаго и великаго, этого не рискуютъ отрицать цѣликомъ даже ни передъ какимъ отрицаніемъ не останавливающіеся большевики. И они — даже они — признаютъ великое прошлое за русской культурой, искусствомъ, наукой, активностью русскаго рабочаго класса и т. д., отрицая насплошь политическое прошлое Россіи. Тѣмъ съ меньшимъ основаніемъ можно приписать революціонной демократіи въ цѣломъ «глобальную ненависть» ко всему, что было въ старой Россіи. Старымъ режимомъ не исчерпывалась прежняя Россія такъ же, какъ нынѣшнимъ совѣтскимъ не исчерпывается и по-революціонная. Нежеланіе видѣть «въ качествѣ главы государства члена исторической династіи вмѣсто Калинина» отнюдь не свидѣтельствуетъ о «недостаточной ненависти» къ нынѣшней власти. И обратно: отъ нежеланія видѣть въ качествѣ главы государства Калинина отнюдь нельзя заключать, по примѣру большевиковъ, о симпатіяхъ къ членамъ исторической династіи. Слишкомъ, казалось бы, очевидно, что одно понятіе — режимъ — не покрываетъ другого — Россія.

Второй изъянъ въ «методологіи» Маклакова состоитъ въ томъ, что онъ наотрѣзъ отказывается говорить о неизбѣжности революціи, о томъ, что «никакое искусство революцію остановить не могло». По его мнѣнію, такъ ставить вопросъ нельзя потому, что такое утвержденіе нельзя провѣрить, «его нельзя ни доказать, ни отвергнуть». Онъ рекомендуетъ намъ «спрашивать себя только: все ли было сдѣлано либеральной общественностью, чтобы Революцію предотвратить? Всегда ли она поступала такъ, какъ должна

была поступать по своей и д е о л о г і и партія «эволюціи», какъ этого отъ нея требовала та р о л ь, которую на нее возложила исторія и на которую она сама претендовала»?

Отрицаемая Маклаковымъ постановка вопроса намъ представляется правильной, утверждаемая же имъ формулировка — недостаточной.

Вѣдь считаетъ же онъ возможнымъ утверждать, что «можно быть совершенно увѣреннымъ, что если бы не было войны, то уступки, сдѣланныя въ 1905 г. и выразившіяся въ конституціи 1906 года, оказались бы вполнѣ достаточными, чтобы надолго, если не на всегда, п р е д о т в р а т и т ь опасность новой Революціи». А развѣ это можно «доказать? Или «отвергнуть»?

В. А. Маклаковъ правъ, когда онъ ставитъ т а к ъ вопросъ въ отношеніи къ революціи 1905 г., и онъ непослѣдователенъ и неправъ, когда отрицаетъ возможность такой постановки вопроса въ отношеніи къ революціи 1917 года.

«Всегда» ли поступала та или иная партія, какъ она «должна была поступать», — представляетъ интересъ второстепенный и спеціальный. Даже и большевики не отрицаютъ, что они и въ 17-мъ году, и раньше, и позже поступали далеко не всегда такъ, какъ они должны были бы поступать согласно своей идеологіи и роли, которую на нихъ возложила исторія и на которую они сами претендовали. Еще съ большей легкостью и охотой признаютъ это, конечно, всѣ другіе, побѣжденные. Но какое можетъ имѣть значеніе такое позднее признаніе, не всегда даже сопровождаемое раскаяніемъ?

Именно т а к ъ ставить вопросъ нельзя, не имѣетъ никакого смысла прежде всего потому, что здѣсь нѣтъ для насъ никакого вопроса, — ни въ отношеніи себя,

ни въ отношеніи другихъ, будь то враги, друзья. друго-враги, «революціонная демократія» или «либеральная общественность». Всѣ ошиблись и не всегда дѣлали то, что каждому надлежало бы дѣлать согласно его роли. Герценъ правильно замѣтилъ, что «Исторія не имѣетъ libretto, которое превратило бы исторію въ «театральную пьесу съ заранѣе извѣстной развязкой»

Это разногласіе въ постановкѣ вопроса вводитъ насъ и въ самое существо спора о революціи и распредѣленіи за нее отвѣтственности. Самая формулировка того, какъ надлежитъ ставить вопросъ, скрываетъ въ себѣ уже отвѣтъ по существу. Разъ «мы можемъ спрашивать себя только: все ли было сдѣлано либеральной общественностью, чтобы революцію предотвратить», — очевидно, что предотвратить революцію можно было, сдѣлать это либеральная общественность могла и могла это сдѣлать именно либеральная общественность.

2.

Отвѣтственность за революцію В. А. Маклаковъ распредѣляетъ между «революціонной демократіей», которая, коротко говоря, была разрушительной ex professo, какъ бы по призванію, и между «либеральной общественностью», совершавшей преступленія, говоря тоже коротко, — по неизъяснимой глупости.

Отдѣльные отряды «революціонной демократіи» сознательно или безсознательно, слѣдуя логикѣ или только сантиментамъ, явно или скрыто, въ большей или меньшей мѣрѣ, но готовя революцію, желая ея, идя на нее, всѣ одинаково совершали преступленіе по от-

ношенію къ россійской государственности и русской исторіи. Въ лучшемъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ не понимали того, что такое революція. Въ худшемъ — они намѣренно потворствовали большевикамъ, предвидя, что подставляютъ для нихъ плечи.

«Либеральная общественность» и, въ частности и въ особенности, к.д-ская партія, не желая революціи и всячески отъ нея отталкиваясь, фактически совершала не преступленіе, а худшее — глупость, ничѣмъ не оправдываемую и неизъяснимую. Она вступила въ непримиримое противорѣчіе съ самой собой, со своимъ прошлымъ и будущимъ, съ идеологіей и ролью, которую на нее возложила исторія и на которую она сама претендовала. Она «можетъ на своей сторонѣ считать одни пораженія. Основныя идеи либерализма осмѣяны и растоптаны и возродятся не скоро... Если «революціонная демократія», даже проклиная большевиковъ, можетъ все-таки привѣтствовать Февраль, который осуществилъ ея пожеланія, можетъ находить въ революціи не одно горе, но и «завоеванія», — то о какой «побѣдѣ» и какихъ «завоеваніяхъ» могъ бы говорить либерализмъ, если только онъ не измѣнилъ себѣ, своимъ заявленіямъ и всей своей прежней идеологіи».

«Либеральная общественность» вѣдь не была «безотвѣтственной оппозиціей». Ея претензія стать властью внѣ революціи ее обязывала «считаться не только со своимъ идеаломъ, но и съ возможностью его проведенія въ жизнь безъ потрясенія народнаго организма», возлагала на нее долгъ «всѣми мѣрами стараться не открывать дверей революціи» и «помогать власти во всѣхъ ея попыткахъ двигаться въ лучшую сторону, какъ бы ни было это движеніе незначительно, если оно все-таки вело къ улучшенію». «Партіи «эволюціи» над-

лежало избѣгать всякаго шага, который могъ бы толкать къ тупику, изъ котораго не было другого выхода, кромѣ общаго взрыва».

Если по отношенію къ «революціонной демократіи» Маклаковъ еще склоненъ искать смягчающія ея вину обстоятельства — и находитъ ихъ въ закоренѣломъ невѣжествѣ и профессіонально - преступной средѣ — то для «либеральной общественности» онъ даже и не ищетъ — и не даетъ ей — никакого снисхожденія.

Справедливы ли эти обвиненія В. А. Маклакова?

Остановимся прежде всего на томъ, чѣмъ объясняются его упрощенія и преувеличенія.

Автору открываются только два прямолинейныхъ пути: путь эволюціи, или «соглашательства» со старой властью во что бы то ни стало, и путь революціи, неизбѣжно ведущій, хотя и съ проклятіями, но все же къ пріятію Октября. Такое геометрически-прямолинейное построеніе исторически неправильно и жизненно нереально. Оно не считается съ тѣмъ фактомъ, что и въ «революціонной демократіи» всегда существовало — отъ Герцена и до Чайковскаго и Брешковской — теченіе, которое вовсе не было энтузіастомъ революціи во что бы то ни стало. Это теченіе предвидѣло революцію, считало ее неотвратимой, но признавало ее не желаннымъ днемъ, а днемъ роковымъ, отчаяннымъ средствомъ; хотя и неизбѣжной, но варварской формой прогресса. Для «партіи революціи» стало своего рода обыкновеніемъ со смертью очереднаго самодержца обращаться къ его преемнику со словами просьбы и увѣщанія. Вспомните мольбы Герцена, обращенныя къ Александру II. Вспомните знаменитое письмо «Исполнительна-

го Комитета Народной Воли» Александру III. Или то была не «революціонная демократія»?

Не считается прямолинейное построеніе Маклакова и съ тѣмъ фактомъ, что путемъ «соглашательства» съ властью во что бы то ни стало «партіи эволюціи» пытались итти и шли долго и упорно. Чтобы не осложнять спора, не будемъ доказывать, что и тактика той партіи, къ которой принадлежалъ В. А. Маклаковъ, страдала чаще, на нашъ «революціонно - демократическій» взглядъ, чрезмѣрной законопослушностью, а не излишнимъ радикализмомъ. Но одной к.-д.-ской партіей не исчерпывалась вся «либеральная общественность». И то самое, что сейчасъ защищаетъ Маклаковъ въ качествѣ потенціально - должной тактики к.-д. въ прошломъ, было на опытѣ испробовано, продѣлано другими «партіями эволюціи».

Пусть требованіе о созывѣ Учредительнаго Собранія для выработки конституціи — требованіе, представленное Витте делегатами бюро съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей кн. Г. Е. Львовымъ, А. Ф. Головинымъ и Ф. Ф. Кокошкинымъ, — теперь кажется наивнымъ и утопическимъ. Не надо, однако, забывать, что когда въ прошлое переносятъ нынѣшнюю обстановку и психологію, совершаютъ ошибку исторической перспективы. Въ данномъ же случаѣ эта обычная ошибка осложняется еще другой — фактической неточностью. Конфликтъ между властью и либеральной общественностью проходилъ въ 1905 году вовсе не по линіи требованія Учредительнаго Собранія, а по линіи недвусмысленнаго признанія элементарныхъ основъ конституціонализма.

И сейчасъ же послѣ изданія манифеста 17 октября, и до и послѣ роспуска первой Думы представите-

ли власти — и Витте, и Столыпинъ, и самъ царь — не разъ бесѣдовали съ представителями либеральной общественности о выходѣ изъ создавшагося тупика. Бесѣдовали съ кадетами, бесѣдовали и съ болѣе умѣренными политическими и общественными дѣятелями, съ мирнообновленцами и октябристами. Да и лидеръ к.-д.-ской партіи, какъ онъ самъ же разсказалъ въ цитируемыхъ В. А. Маклаковымъ «Трехъ Попыткахъ» («Къ исторіи русскаго лже-конституціонализма»), былъ болѣе чѣмъ умѣренъ въ томъ «частномъ совѣтѣ», который онъ далъ «высшему представителю власти» Витте. Произнесите слово: конституція, — убѣждалъ П. Н. Милюковъ Витте. «Для ускоренія дѣла позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русскій языкъ бельгійскую или, еще лучше, болгарскую конституцію, завтра поднесите ее царю для подписи и послѣ завтра опубликуйте. Это будетъ конституція октроированная, и васъ будутъ бранить за такой образъ дѣйствій, но потомъ успокоятся, и все войдетъ въ норму. Нельзя говорить, что мы русскіе не доросли до этого, разъ я вамъ ссылаюсь на такую страну, какъ Болгарія».

Какъ видите, это очень далеко отъ непримиримости и требованія Учредительнаго Собранія, во что бы то ни стало, даже со стороны наиболѣе радикальныхъ либераловъ.

Не большую требовательность проявилъ, конечно, лидеръ к.-д.-ской партіи и при своихъ «секретныхъ» встрѣчахъ и бесѣдахъ «за свой страхъ» съ Треповымъ и Столыпинымъ!

Но вотъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, въ февралѣ 1906 г., собрался первый съѣздъ «Союза 17-го октября», и такой сдержанный общественный дѣятель,

какъ М. А. Стаховичъ, пророчески предостерегалъ старую власть: — «правительство само расшатываетъ и какъ бы хочетъ опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовитъ себѣ гибель всей Россіи». Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ и П. А. Гейденъ резюмируетъ Д. Н. Шипову смыслъ всѣхъ переговоровъ о привлеченіи его съ Шиповымъ въ составъ правительства: — «Очевидно насъ съ вами приглашали на роли наемныхъ дѣтей при дамахъ легкаго поведенія». А самъ Шиповъ, славянофильствующій и толстовствующій, противникъ всякаго обостренія политической борьбы, приходитъ къ окончательному выводу — «Было вполнѣ очевиднымъ, что никакія соглашенія съ властью, пріемлемыя для общественнаго сознанія, невозможны и что для перехода отъ стараго государственнаго строя къ новому остается обществу и населенію одинъ путь, — путь политической борьбы съ властью». (Д. Н. Шиповъ: «Воспоминанія и Думы о пережитомъ». — 1918. Москва. — Стр. 417, 473, 511).

Въ другомъ мѣстѣ *) В. А. Маклаковъ разсказалъ о свиданіи, которое онъ, вмѣстѣ съ Струве, Челноковымъ и Булгаковымъ, имѣлъ со Столыпинымъ въ ночь съ 2-го на 3-ье іюня 1907 г. Цѣлью свиданія было — убѣдить Столыпина взять обратно предложеніе о лишеніи депутатскихъ полномочій 35 членовъ соц.-демократической фракціи Думы. Столыпинъ интересовался при этомъ, — можетъ ли Дума сдѣлаться «работоспособной», т. е. законопослушной. —«Возможно ли выдѣлить, изъ нея правое большинство и, главное, одобритъ ли это большинство его крестьянскіе зако-

*) «La chute du Tsarisme». Interrogatoires. — Préface de V. Maklakov. — Paris. Edit. Payot, 1927.

ны. Мы не отнимали надежды на это, — «страна образумится». Но Столыпинъ, съ своей стороны, долженъ былъ ей помочь на этомъ пути; «не провокаціей можно завоевать общественное мнѣніе: она отбрасываетъ страну налѣво» и т. д. Притворялся ли онъ, — но моментъ, казалось, онъ колебался. Если это такъ, сказалъ онъ намъ, почему вы не хотите, вы, кадеты, мозгъ страны, порвать съ революціонерами. Голосуйте за мое предложеніе, освободите Думу отъ соціалъ-демократовъ; вы увидите, какъ мы станемъ работать съ вами. Это предложеніе было морально и политически невозможно. Страна бы насъ оттолкнула. «Я на крайней правой кадетовъ, отвѣтилъ ему я, и буду голосовать противъ вашего предложенія». «Тогда ничего не подѣлаешь, сказалъ онъ, но это вы распускаете Думу». Онъ не могъ отвѣтить иначе; онъ уже былъ связанъ и только стремился переложить отвѣтственность за свой актъ. Мы разстались на зарѣ». Переворотъ 3 іюня произошелъ.

В. А. Маклаковъ и сейчасъ не думаетъ, что это онъ и его три спутника распустили 2-ую Думу и вызвали переворотъ. Онъ и сейчасъ не думаетъ, что предложеніе Столыпина, невозможное «морально и политически», все же слѣдовало принять. Къ чему же въ такомъ случаѣ, по примѣру Столыпина, перекладывать отвѣтственность за революцію съ тѣхъ, кто ее вызвалъ — и вмѣстѣ со своей гибелью вызвалъ «гибель династіи и всей Россіи», — на тѣхъ, кто революціи никакъ не хотѣлъ и всячески отъ нея отталкивался?

Воскрешать ли изъ забвенія «работоспособность» столыпинской III-ей Думы, чтобы получить право утверждать, что считавшая себя либеральной русская

общественность можетъ быть обвинена въ чемъ угодно, но только не въ недостаткѣ уступчивости, а иногда и прямой угодливости передъ властью? Октябрьская ли Дума не старалась «не открывать дверей революціи»? Она ли не «помогала власти во всѣхъ ея попыткахъ двигаться въ лучшую сторону, какъ бы ни было это движеніе незначительно»? Она ли не избѣгала «всякаго шага, который могъ толкать къ тупику, изъ котораго не было другого выхода, кромѣ общаго взрыва». И къ чему привелъ этотъ путь эволюціи во что бы то ни стало? Къ тому, что не менѣе III-ей Думы законопослушная и патріотическая IУ-ая Дума возглавила не ею подготовленный, а ею всячески приглушавшійся «общій взрывъ»!

Личная судьба руководитей III-ей Думы октябриста Гучкова и націоналиста Шульгина, вынесенныхъ исторіей на роль активныхъ посредниковъ по ликвидаціи самодержавной власти, жестоко, но символически точно воспроизводитъ кривую, описанную русской политической исторіей на протяженіи всего одного десятилѣтія. Эта же судьба опытнымъ путемъ вскрываетъ мнимость всѣхъ предположеній о томъ, что «отъ отношенія либеральныхъ партій къ ихъ врагамъ (у которыхъ была власть), могъ зависѣть ходъ развитія государственной жизни».

Если-бы даже всѣ кадеты перестали быть кадетами, а стали октябристами, — взрывъ не былъ бы предотвращенъ. Это не фаталистическая гипотеза, отрицающая роль сознательнаго вмѣшательства въ ходъ жизни. Это — доказуемое эмпирическими фактами утвержденіе. Взрывъ 17-го года былъ, дѣйствительно, всеобщимъ. И въ немъ такъ или иначе приняли участіе не только «революціонная демократія», но и сановная и

придворная бюрократія, министры, архіереи, почти вся царская фамилія...

Путь, пройденный Россіей за 12 лѣтъ, отдѣлявшихъ первую революцію отъ второй, хорошо символизируется эволюціей, продѣланной «монархистами по крови» и «природными черносотенцами», по авто-аттестаціи Шульгина, которые въ пятомъ году тронъ «спасали» — и временно его спасли, — а наканунѣ семнадцатаго года «въ безсонную ночь» уже мечтали о томъ, что «быть можетъ, пожертвовавъ монархомъ, удастся спасти монархію». А еще черезъ нѣсколько недѣль, когда революція стала фактомъ, уже на яву потребовали отъ самодержца отречься отъ престола въ интересахъ трона и Россіи. «Всѣ стихіи народа русскаго отшатнулись отъ монархіи, почувствовавъ въ ней народную гибель, — писалъ тогда въ «Новомъ Времени» Меньшиковъ. Монархъ царствовалъ не на славу намъ, а на безславіе, не на страхъ врагамъ, а на нашъ собственный страхъ. Мы должны быть благодарны судьбѣ, что столѣтія измѣнявшая народу монархія, наконецъ, измѣнила себѣ и сама надъ собой поставила крестъ».

Если искать причинъ срыва революціи и неудачъ ея перваго возглавленія, ихъ надо искать не тамъ, гдѣ ихъ ищетъ В .А. Маклаковъ, а какъ разъ въ противоположномъ направленіи — не въ недостаточной гибкости либеральныхъ партій передъ властью, а въ избыточности ихъ оппортунизма и приспособляемости. За это-то ихъ и «оттолкнула страна», какъ выразился Маклаковъ въ бесѣдѣ со Столыпинымъ.

Однимъ изъ многочисленныхъ, осложнившихъ ходъ русской революціи обстоятельствъ было то, что революцію возглавили, вулканическое изверженіе пыта -

лись канализировать, какъ разъ тѣ, кто своимъ прошлымъ отношеніемъ къ революціи меньше всего могли внушить довѣріе главному дѣйствующему лицу революціи — народу, массамъ, низамъ, — несущественно какимъ словомъ назвать фактъ преображенія вульгарнаго возстанія или бунта въ революцію. Отсюда и «двоевластіе», которое возникаетъ съ перваго же часа революціи, та безмѣрная подозрительность, которую предъявляютъ представители возставшихъ и проведшихъ революцію народныхъ низовъ по отношенію къ возглавившимъ не свое дѣло "верхамъ»: къ Временному Комитету Государственной Думы, а потомъ къ большинству членовъ и Временнаго Правительства. Отсюда и претензіи «революціонной демократіи», непредставленной или едва-едва представленной въ Думѣ, Комитетѣ и Правительствѣ и тутъ же сорганизовавшейся въ самочинные Совѣты.

Однимъ изъ многихъ проклятій русской политической исторіи было то, что и конституціоналистами у насъ становились по высочайшему повелѣнію, — какъ остроумно замѣтилъ о себѣ и Д. Н. Шиповѣ будущій предсѣдатель 3-ей Думы Н. А. Хомяковъ, — и революціонерами становились не всегда по собственной волѣ, а волею революціи, уже происшедшей. Уже покинувъ постъ революціоннаго министра, очутившись вновь на правомъ флангѣ русской либеральной общественности, А. И. Гучковъ все же имѣлъ мужество признать — : «Вина, если говорить объ исторической винѣ русскаго общества, заключается именно въ томъ, что русское общество, въ лицѣ своихъ руководящихъ круговъ, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его въ свои руки, предоставивъ

слѣпымъ силамъ, не движимымъ опредѣленнымъ планомъ, выполнять эту болѣзненную операцію».

Да, въ этомъ были и вина, и бѣда. Когда зрячіе отказывались вести, повлекли слѣпыя силы. Чтобы признать такую неотвратимость, вовсе не надо принадлежать къ «революціонной демократіи», какъ показываетъ примѣръ Гучкова. Достаточно слышать, не скажу музыку революціи, но гулъ и шумы, предвѣщающіе ея приближеніе. И эти шумы ловилъ не только настороженный «революціонно-демократическій» слухъ. Ихъ улавливали и тугіе на ухо сановные бюрократы: Витте, П. Н. Дурново, Н. В. Муравьевъ, статсъ-секретарь Половцевъ и другіе. И чѣмъ ближе къ 17-му году, тѣмъ шумы становились все явственнѣе.

Невозможно заподазривать въ добрыхъ чувствахъ къ революціи В. Д. Набокова, писавшаго свои «Воспоминанія» въ апрѣлѣ 1918 г, «въ Крыму, завоеванномъ нѣмцами, переживъ всѣ горькія разочарованія, всѣ ужасы, все униженіе и весь позоръ этого кошмарнаго года, стоя у разбитаго корыта истерзанной, загаженной, расчлененной Россіи». Однако же и въ такомъ настроеніи, вспоминая предреволюціонное прошлое, Набоковъ писалъ: «Къ веснѣ 1915 г. обнаружилось, что поддерживать Сухомлинова, Маклакова (Н. А.) и Щегловитаго значило вести Россію сознательно къ пораженію и къ катастрофѣ... Съ каждымъ днемъ наростало сознаніе какой-то неизбѣжной катастрофы... Постепенно выяснилось, что безуміе нашей внутренней политики, тотъ духъ безотвѣтственнаго авантюризма, полнаго пренебреженія къ интересамъ родины, которымъ вѣяло вокругъ трона, вполнѣ отчужденнаго отъ всей страны, занятаго слабымъ, ничтожнымъ человѣкомъ — все это должно было повести либо къ необхо-

димости заключить сепаратный миръ, либо къ перевороту. И передовое русское общественное мнѣніе, давно извѣрившись въ Николаѣ II, постепенно пришло къ сознанію, что, какъ краснорѣчиво выразился Кокошкинъ въ своей рѣчи о республикѣ и монархіи, нельзя одновременно быть съ царемъ и быть съ Россіей, — что быть съ царемъ значитъ быть противъ Россіи».

Можно привести еще болѣе разительное свидѣтельство. Убѣжденный защитникъ абсолютизма, бравшій въ свое время сторону Плеве противъ Витте, исполненный піэтета къ погибшей царской семьѣ В. І. Гурко въ своемъ этюдѣ «Царь и Царица» *) увѣренно утверждаетъ, что «и безъ происшедшаго, благодаря Распутину, рѣзкаго измѣненія путей и способовъ достиженія власти, крушеніе русской государственности при нравственномъ разложеніи правящаго слоя было не за горами».

А В. Маклаковъ и сейчасъ «совершенно увѣренъ», что, не будь войны, уступки, сдѣланныя въ 1905 г. и выразившіяся въ «конституціи» 1906 г., оказались бы вполнѣ достаточными, чтобы предотвратить случившуюся 12 лѣтъ тому назадъ революцію! Впрочемъ, В. А.

---

*) Выпущенный въ 1927 г. издат. "Возрожденіе" этюдъ В. І. Гурко былъ, на мой взглядъ, недостаточно оцѣненъ русской общественностью. — Долженъ съ удивленіемъ констатировать, что при всемъ различіи въ подходѣ, за исключеніемъ отдѣльныхъ частностей, общая характеристика и режима, и царя, и царицы, которую даетъ Гурко на основаніи личнаго своего знакомства и опыта, почти полностью совпадаетъ съ тѣмъ, что я писалъ нѣсколькими годами раньше въ "Современныхъ Запискахъ".

Маклаковъ достаточно опытенъ и остороженъ, чтобы оговорить: — жажда революціоннаго переворота, какъ единственной гарантіи серьезнаго, не фиктивнаго улучшенія жизни, была создана «прежде всего виною и ошибками самого стараго строя»; это настроеніе «было и главной предпосылкой для Революціи».

Несмотря на «прежде всего» и «главное», логическій центръ и политическій смыслъ всего построенія Маклакова — не въ нихъ.

3.

Психологическое наблюденіе Пушкина надъ тѣмъ, что, если «настоящее уныло», то сердце начинаетъ жить будущимъ и утѣшаться тѣмъ, что «все мгновенно, все пройдетъ», а «что пройдетъ, то будетъ мило», — имѣетъ универсальную значимость. Даже въ политикѣ. И въ политикѣ «что пройдетъ» — быстро и легко пріобрѣтаетъ «милыя» черты.

В. А. Маклаковъ отлично знаетъ, — частично и самъ упоминаетъ о томъ, — почему «конституція» 1906 г. вызвала «негодованіе и протесты» со стороны даже либеральной общественности, не говоря уже о «партіяхъ революціи». Тѣмъ не менѣе онъ поминаетъ «добрымъ словомъ» неоправдавшую себя «конституцію»: «Эти (основные) законы при всѣхъ своихъ несовершенствахъ были все-таки такимъ огромнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ эпохой легальнаго самодержавія, что они и сами по себѣ заслуживали лучшаго пріема».

Мы никакъ не можемъ раздѣлить мнѣніе автора. И не только потому, что оно искажаетъ историческую перспективу, переноситъ въ «прекрасное далеко», въ эпоху подъема и расцвѣта освободительнаго движенія,

нынѣшнія настроенія упадка и разложенія. Оно не соотвѣтствуетъ и существу тѣхъ актовъ, которые, якобы отмѣнивъ «легальное самодержавіе», еще цѣлыхъ 11 лѣтъ отстаивали неотмѣнимость самодержавія «легально», тому же способствуя и практически. Основные законы, которые, вслѣдъ за П. Б. Струве и Б. Э. Нольде, хочетъ взять подъ свою защиту В. А. Маклаковъ, самъ же Струве называлъ «ублюдочной политической формой конституціоннаго самодержавія». Самое названіе — «лжеконституціонализмъ» представляется сейчасъ Маклакову пристрастнымъ и неосновательнымъ. Между тѣмъ, если лже-конституціонализмъ есть та первая дань лицемѣрія, которую порочный абсолютизмъ приноситъ «добродѣтельному» освободительному движенію, то русскій лже-конституціонализмъ и этимъ не грѣшилъ. Въ немъ слишкомъ много было лжи и слишкомъ мало конституціи.

Самое слово «конституція» не было произнесено ни въ манифестѣ 17 октября, ни въ самой «конституціи» шестого года. «Я не могу говорить о конституціи, потому что царь этого не хочетъ», — сказалъ Витте Милюкову. «У насъ, слава Богу, нѣтъ парламента!» — не парламентаризма, а парламента! — подтверждалъ съ кафедры Думы нѣсколько лѣтъ спустя Коковцевъ. «Думаете ли вы, что я долженъ заслужить довѣріе моего народа или что народъ долженъ заслужить мое довѣріе?» — спрашивалъ Николай II англійскаго посла Бьюкенена 12 января 1917 г. Отвѣтъ на вопросъ, поставленный русскимъ самодержцемъ уже былъ данъ, уже произошла революція, а главный совѣтчикъ и руководитель царя продолжаетъ его предостерегать отъ «конституціи или какого-нибудь ужаса въ этомъ родѣ... Если тебя принудятъ къ уступкамъ, то ты ни въ ко-

емъ случаѣ не обязанъ ихъ выполнять, потому что они были добыты недостойнымъ путемъ... Два теченія — Дума и революціонеры — двѣ змѣи, которыя, какъ я надѣюсь, отгрызутъ другъ другу головы». (Письмо Александры Федоровны отъ 2 марта). «Я знаю, что ты не могъ подписать противнаго тому, въ чемъ ты клялся на своей коронаціи», — пишетъ она 3 марта.

Николай II никогда не считалъ, что манифестомъ 17 октября или новыми основными законами ограничивалась въ чемъ-либо его самодержавная власть, врученная ему отъ Бога. Незадолго до войны царь писалъ своему министру внутреннихъ дѣлъ: «Считаю необходимымъ и благовременнымъ немедленно обсудить въ совѣтѣ министровъ мою давнишнюю мысль объ измѣненіи статьи Учрежденія Государственной Думы, въ силу которой, если Дума не согласится съ измѣненіями Государственнаго Совѣта, то законопроектъ уничтожается. Это, при отсутствіи у насъ конституціи, есть полная безсмыслица. Предоставленіе на выборъ и утвержденіе государя мнѣнія большинства и меньшинства будетъ хорошимъ возвращеніемъ къ прежнему спокойному теченію законодательной дѣятельности и, при томъ, въ русскомъ духѣ» (Письмо Н. А. Маклакову отъ 18 октября 1913 г.). Гурко свидѣтельствуетъ, что — «игнорированіе закона, непризнаніе ни существующихъ правилъ, ни укоренившихся обычаевъ было одной изъ отличительныхъ чертъ послѣдняго русскаго самодержца». Мы лишены возможности воспроизвести даваемый здѣсь Гурко примѣрный перечень того, какъ Николай II не признавалъ до самаго конца своего царствованія, что онъ не въ правѣ поступать вопреки дѣйствующему закону и недонократно, по крупнымъ и мелкимъ пово-

дамъ, «нарушалъ установленные законы и правила». И царь и царица «были искренне убѣждены, что законы обязательны лишь для подданныхъ русскаго царя, но до него самого никакого касательства не имѣютъ» *). Придерживаясь теоріи Николая II, даже по мнѣнію Гурко, «оставалось признать, что неизбѣжное во времени измѣненіе формы правленія можетъ произойти въ Россіи только насильственнымъ путемъ, но этимъ самымъ какъ бы узаконивались и оправдывались всякія революціонныя дѣйствія» (стр. 47).

Я ограничиваюсь этими политическими замѣчаніями. Ихъ, разумѣется, можно увеличить въ числѣ. Ихъ можно и пополнить замѣчаніями юридическаго порядка.

Прежде всего — самое утвержденіе новыхъ основныхъ законовъ единственною властью монарха уже составляло прямое нарушеніе порядка, возвѣщеннаго

---

*) Психологическіе истоки такого **принципіальнаго** беззаконія вскрываются дневникомъ статсъ-секретаря Половцева въ записи отъ 12 апрѣля 1902 г. — "Сипягинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него Мещерскій, убѣдили государя, что люди не имѣютъ вліянія на ходъ человѣческихъ событій, что всѣмъ управляетъ Богъ, коего помазанникомъ является царь; что царь не долженъ никого слушаться, ни съ кѣмъ совѣтываться, а слѣдовать исключительно божественному внушенію и если его распоряженія могутъ современнымъ очевидцамъ не нравиться, то это не имѣетъ никакого значенія, потому что результатъ дѣйствій, касающихся народной жизни и исторіи, даетъ результаты и получаетъ надлежащую оцѣнку лишь въ будущемъ болѣе или менѣе отдаленномъ. Согласно сему государь никого больше не слушаетъ и ни съ кѣмъ не совѣтуется". И дальше — : "Юнаго царя сбили съ толку негодяи, какъ Сипягинъ, Мещерскій и т. п., увѣрившіе его, что онъ, слѣдуя исключительно своему личному ощущенію, тѣмъ самымъ осуществляетъ велѣнія божескаго промысла".

въ манифестѣ 17 октября. Политикъ Милюковъ могъ пройти мимо этого, но законники-бюрократы не могли этого не замѣтить. И въ совѣщаніяхъ по пересмотру основныхъ законовъ, происходившихъ въ Царскомъ Селѣ 7-12 апрѣля 1906 г., на незакономѣрность проектируемой, а потомъ осуществленной процедуры обращали вниманіе и самъ Витте съ кн. А. Д. Оболенскимъ, и члены Государственнаго Совѣта И. Я. Голубевъ съ Э. В. Фришемъ, и статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ.

Ни въ одной изъ конституцій, самой умѣренной, «дуалистической», съ ярко выраженнымъ торжествомъ монархическаго принципа, полномочія «самодержавной власти» внѣ участія народнаго представительства не были закрѣплены въ такомъ широкомъ объемѣ, какъ въ «конституціи» русской. У Думы и Государственнаго Совѣта отнято было даже право ходатайства передъ самодержцемъ о пересмотрѣ тѣхъ или иныхъ законовъ. Не государь присягалъ основнымъ законамъ, а члены Думы и Совѣта торжественно обязывались вѣрностью, опять таки, не конституціи, а государю. Въ народномъ представительствѣ видѣли скорѣе новое вѣдомство, а не качественно отличное отъ другихъ учрежденіе; во всякомъ случаѣ его третировали какъ учрежденіе законосовѣщательное (по смыслу положенія отъ 6 августа), а вовсе не полномочное законодательствовать (по смыслу манифесту 17 октября). Независимость и безотвѣтственность правительства передъ народными представителями обезпечена была въ гораздо большей степени, нежели независимость народнаго представительства отъ правительства. Не только законодательное право (въ собственномъ смыслѣ) представительныхъ учрежденій было ограничено. Ограничено было и ихъ бюджетное право, — по

исчисленію министра финансовъ 40% бюджета были забронированы однѣми смѣтными правилами 8 марта 1906 г.

Изслѣдователь «Юридическихъ предпосылокъ русскихъ основныхъ законовъ», писавшій не въ горячую пору всеобщаго освободительнаго «безумія» и не въ состояніи аффекта и горечи отъ пережитыхъ неудачъ, а въ сравнительно спокойной атмосферѣ 1912 г., желая сблизить русскую «конституцію» съ аналогичными другими, вынужденъ обращаться не къ конституціи Австріи 1867 г. или Пруссіи 1850 г., а къ еще болѣе раннимъ конституціямъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ и даже къ французской хартіи 1814 г.

Русская «конституція» оставляла государственный строй Россіи безъ имени. Царь публично заявилъ: «самодержавіе мое остается при мнѣ, какъ и встарь». И растерявшіеся государствовѣды всего міра стали съ 1906 г. обозначать Россію по готскому альманаху, какъ „Empire constitutionnel sous un Tzar autocrate."

В. А. Маклаковъ сравниваетъ обновленный строй съ предшествовавшимъ ему «легальнымъ самодержавіемъ». Какой смыслъ въ такомъ сравненіи? И вообще, что такое «легальное самодержавіе»? Возможно ли для самодержавной власти самоограниченіе, хотя бы по формѣ, а не по объему власти? Существовало ли когда-либо «легальное самодержавіе»? *) Если бы

*) Въ своемъ историческомъ "Наказѣ" Екатерина II пытается доказать, что самодержавіе можетъ сочетаться съ началами законности и правопорядка. Она доказываетъ, что законность и правопорядокъ могутъ быть обезпечены особыми гарантіями — Екатерина насчитываетъ такихъ 8 гарантій, — которыя не ведутъ къ ограниченію власти самодержца. По этому поводу А. А. Кизеветтеръ, справедливо замѣчаетъ, что "при самодержавіи всѣ эти гарантіи висятъ въ воздухѣ, т. е. иначе говоря, вовсе не являются гарантіями, ибо всецѣло зависятъ отъ доброй воли само-

оно могло существовать, исчезъ бы вѣдь главный смыслъ — историческій и политическій — государства правового.

Уже Сперанскій зналъ и говорилъ о несовмѣстимости самодержавія не только съ верховенствомъ права, но и съ болѣе элементарной законностью. Уже онъ проводилъ различіе между самодержавной властью, облеченный «всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона» и оставляющей «въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія», и властью державной, учрежденной «на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ». Какъ бы предвосхищая историческій докладъ Витте 17 окт. 1905 г., Сперанскій еще въ 1809 г. (въ «Введеніи къ уложенію государствен. законовъ») писалъ: «Никакое право, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемощнаго ея дѣйствія устоять не можетъ»; «сколько бѣдствій, сколько крови можно было сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ, и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа».

державнаго монарха. Не даромъ Екатерина въ 512 ст. "Наказа" къ словамъ Монтескье: "есть случаи, когда власть должна дѣйствовать въ своихъ предѣлахъ", добавляетъ: "себѣ ею жъ самой положенныхъ". Екатерина не хочетъ замѣчать, что такое самоограниченіе равняется полной неограниченности, что и было подтверждено личнымъ опытомъ Екатерины". Столь же справедливы его слова: "Мысль о сочетаніи самодержавія съ началами правомѣрной свободы лежала въ основѣ многихъ русскихъ политическихъ проектовъ конца ХУШ и начала XIX ст.. И во второй половинѣ XIX ст. находились еще теоретики-государствовѣды, которые стремились прикрыть эти противорѣчія **паутиной хитросплетенныхъ юридическихъ софизмовъ".** См. А. А. Кизеветтера: "Замѣтки по исторіи политическихъ идей въ Россіи", въ Научныхъ Трудахъ Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ. 1928. Т. I., стр. 77.

Если исходить не изъ внѣшняго сравненія новыхъ основныхъ законовъ эпохи Николая II со старыми основными законами эпохи Николая I, а изъ существа — изъ «нарушеннаго равновѣсія между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни», какъ значилось во всеподданнѣйшемъ докладѣ Витте, — тогда едва ли можно согласиться съ Маклаковымъ будто новые основные законы были «огромнымъ шагомъ впередъ». Они могли еще казаться такими до того, какъ они показали себя на дѣлѣ. Ихъ не приходится поминать добромъ послѣ того, какъ они не только не преобразовали «легальнаго самодержавія» въ «строй правовой на основѣ гражданской свободы», какъ намѣчалось въ докладѣ Витте, — а въ еще большей мѣрѣ нарушили и безъ того нарушенное равновѣсіе между идейными стремленіями даже «либеральной общественности» и внѣшними формами русской жизни.

Въ этомъ приговоръ — имъ и, вмѣстѣ съ ними, приговоръ — либерализму, поскольку онъ, по словамъ Маклакова, дѣйствительно, былъ и остается «привязанъ къ закону и праву». Ибо законъ и право далеко не всегда совпадаютъ. Они почти никогда не совпадаютъ въ самодержавномъ строѣ, гдѣ всегда наступаетъ моментъ, когда быть съ правомъ значитъ быть противъ закона, — какъ быть съ самодержавіемъ, значитъ быть противъ страны и государства. Въ правѣ государственность распускается, цвѣтетъ и зрѣетъ. Въ законѣ, оформляясь и ограничиваясь, государственность зачастую коснѣетъ и костенѣетъ.

Даже въ западной Европѣ либерализмъ страннымъ

образомъ не всегда отчетливо различалъ между правомъ и легальностью. Въ самодержавной Россіи это привело къ тому, что уже въ теченіе трехъ четвертей вѣка слово «либералъ» звучало неуважительно и одіозно. Даже и сейчасъ либералъ Маклаковъ за этотъ «терминъ не стоитъ». Существеннѣе, однако, что и въ нынѣшнихъ условіяхъ существованія большевицкой власти въ Россіи Маклаковъ продолжаетъ стоять на томъ, что «свалить власть» или «смести ненавистный порядокъ» значитъ нарушить не только законность, но и «свободу и право». Законности и праву онъ ведетъ одинъ общій счетъ. Только это и позволило В. А. Маклакову сказать «доброе слово» по отношенію къ основнымъ законамъ шестого года, потому что они законы, — отнестись болѣе чѣмъ снисходительно къ «формально-легальному» акту роспуска 1-ой Думы и болѣе чѣмъ сурово осудить революцію за ея «незакономѣрность».

Между тѣмъ и при роспускѣ Думы были допущены нарушенія закона. Актъ о роспускѣ не былъ контръассигнованъ, а если и былъ контрассигнованъ, какъ увѣряли впослѣдствіи, значитъ, — былъ опубликованъ не въ своемъ подлинномъ видѣ, а въ измѣненномъ; при роспускѣ не былъ указанъ срокъ новыхъ выборовъ; и, наконецъ, роспускъ произведенъ былъ въ такое время, что разсмотрѣніе и утвержденіе бюджета не могло быть проведено въ сроки, указанные основными законами и Учрежденіемъ Государственной Думы; иначе говоря, въ первый же годъ дѣятельности народнаго представительства оно было лишено основной своей прерогативы. Вѣроятно, это и побудило даже такого умѣреннаго дѣятеля, какъ Шипова, въ бесѣдѣ

со Столыпинымъ, назвать актъ роспуска не только не закономѣрнымъ, но и преступнымъ.

Съ другой стороны, и революцію можно расцѣнивать какъ угодно и разсматривать ее можно съ многихъ сторонъ. Менѣе всего, однако, цѣлесообразно подходить къ революціи съ мѣриломъ формальной законности, разсматривать революцію съ точки зрѣнія ея несоотвѣтствія существующему закону и нарушенія преемственности власти.

4.

Исторіософское построеніе Маклакова беретъ все въ рельефѣ, статически и въ «сгущенномъ видѣ». Ему чужды переходные тона и краски. Въ немъ не чувствуется ни движенія, ни перспективы. Ни психологической «атмосферы», ни историческаго «воздуха», ни политической «обстановки». Оно насквозь раціоналистично, пронизано юридическимъ раціонализмомъ.

И право не укладывается цѣликомъ въ раціоналистическія рамки. Тѣмъ труднѣе это для политики, для процессовъ становленія права, его разрушенія и преобразованія. И право не составляетъ законченнаго и завершеннаго, самочиннаго и замкнутаго микрокосма. Тѣмъ менѣе является имъ политика. И В. А. Маклаковъ, конечно, знаетъ, что въ основѣ правового лежитъ не только фактическое, но зачастую фактически беззаконное, что беззаконное владѣніе временемъ освящается и превращается въ право собственности, а «необходимая оборона» и «крайняя необходимость» снимаютъ съ преступленія его противозаконныя черты. Но въ гораздо большей и глубокой мѣрѣ такія превраще-

нія происходятъ въ области публичнаго, спеціально-государственнаго права.

Такой выдающійся юристъ и въ то же время весьма умѣренный политикъ, какъ «націоналъ-либералъ» Г. Еллинекъ убѣдительно показалъ, почему «чуждое пробѣловъ» государственное право принципіально невозможно. Конфликтное и юридически безвыходное положеніе является для государства обычной и до конца никакъ неустранимой возможностью. Революціи и нарушенія конституціи всегда являются исходнымъ пунктомъ новыхъ правовыхъ образованій. Больше того. Вся исторія права является исторіей переворотовъ въ правѣ, разрывовъ съ преемствомъ и незаполненныхъ правовымъ содержаніемъ промежутковъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ правопорядковъ и рядомъ съ ними.

Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуетъ и исторія императорской Россіи. Только путемъ фикціи, по своей необоснованности неуступающей самымъ смѣлымъ естественно-правовымъ спекуляціямъ, можетъ еще юриспруденція сохранить видимость сплошной непрерывности права, — утверждаетъ Еллинекъ.

Именно на этотъ путь фикцій и становится В. А. Маклаковъ. Онъ не допускаетъ, чтобы революція явилась исходнымъ пунктомъ новаго правового образованія. Не пріемлетъ онъ революціи не потому, что она аномальная и экстраординарная форма преобразованія права и государственности. Даже не потому только, что она беззаконная форма, — беззаконенъ, экстраординаренъ и анормаленъ и государственный перево-

ротъ, и «дворцовый». Маклаковъ не отказывается отъ переворота и не пріемлетъ революціи потому, что при государственномъ переворотѣ беззаконіе совершается органами самой государственной власти, «тщательно скрывающей свой беззаконный характеръ» и «сознательно поддерживающей фикцію преемственности стараго и новаго порядка», тогда какъ при революціонномъ беззаконіи происходитъ разрывъ въ преемственности, и новая власть «смотритъ на старую какъ на побѣжденнаго, иногда какъ на преступника, и искренне или притворно доказываетъ, что своимъ появленіемъ она выражаетъ истинную волю страны».

Врядъ-ли возможно болѣе выразительно подчеркнуть сверхъ-раціоналистическое представленіе о революціи.

Самое бытіе революціи ставится въ зависимость отъ того, какъ смотритъ возникшая изъ революціи власть и какъ доказываетъ она свое право на существованіе: скрываетъ ли свой беззаконный характеръ и поддерживаетъ сознательно явную фикцію или выражетъ только свои предположенія и чаянія. Въ уничтоженіи фикціи преемственности двухъ порядковъ и видитъ Маклаковъ главный признакъ и главное зло революціи. Какъ ни громадна была перемѣна, происшедшая въ Россіи въ 1905 г., она была, по мнѣнію Маклакова, только большой реформой потому, что сдѣлана она была законной русской властью. Въ 17-мъ же году произошла революція, потому что самозванные органы власти отвергли свою преемственность отъ низвергнутой и побѣжденной старой власти.

Маклаковъ не довольствуется историческимъ, по-

литическимъ или обычнымъ «житейскимъ» опредѣленіями революціи. Онъ ищетъ — и, что удивительнѣе, находитъ — опредѣленіе не «въ переносномъ смыслѣ слова», а въ «техническомъ» и подлинно-юридическомъ. Однако, то, къ чему приходитъ легистъ Маклаковъ въ итогѣ своихъ исканій, соприкасается вплотную съ легитимизмомъ, т. е. наиболѣе отвлеченнымъ и безжизненнымъ отождествленіемъ законности съ правомъ.

Революція, по Маклакову, совершается не тогда, когда фактическое прерываетъ законное и народъ выходитъ на улицу, чтобы устранить пережившій себя правопорядокъ, а тогда, когда законная власть разрываетъ послѣднія фикціи. Въ старой и законной власти и ея отношеніи видитъ Маклаковъ опредѣляющій моментъ и признакъ революціи. И потому русская революція для В. А. Маклакова началась — точно! — «въ тотъ роковой для Россіи день 3 марта, когда Михаилъ по совѣту Комитета Государственной Думы не принялъ престола, объявилъ тронъ вакантнымъ и когда назначенный государемъ предсѣдатель совѣта министровъ пренебрегъ такимъ назначеніемъ, не захотѣлъ быть законной властью, а предпочелъ свое происхожденіе вести отъ Временнаго Комитета Государственной Думы и даже Совѣта Рабочихъ Депутатовъ».

Получается странное положеніе: чтобы начаться, революція потребовала опредѣленнаго акта, своеобразной санкціи со стороны той власти, противъ которой революція направлена, — революція происходитъ съ высочайшаго разрѣшенія... Революція уже успѣла побѣдить, и отказъ отъ престола Михаила Александровича явился заключительнымъ, едва ли не послѣднимъ звеномъ, закрѣплявшимъ одержанную побѣду, а В. А.

Маклаковъ наблюдаетъ только начало революціи. Совсѣмъ какъ, такъ называемая, формалистическая школа въ правовѣдѣніи, которая придавала главенствующее значеніе въ изданіи законовъ послѣдней стадіи — не почину, не обсужденію, не вотированію, а санкціи закона главой государства.

Если съ отказа великаго князя революція началась, то, спрашивается, когда она кончилась?.. Когда можетъ она кончиться, если въ разрывѣ преемственности власти существо революціи, а законный правопреемникъ физически не существуетъ? *) Въ объективной невозможности отвѣтить на этотъ вопросъ — одно изъ основаній къ признанію несостоятельности предложеннаго Маклаковымъ пониманія революціи. Разъ возникшую революцію онъ

---

*) Въ упомянутой уже нами статьѣ В. А. Маклакова на французскомъ языкѣ приводится описаніе эпизода, необычайно характернаго для "легитимизма" автора. Эпизодъ относится къ днямъ выступленія ген. Корнилова. Маклакова вызвалъ къ себѣ въ поѣздъ ген. Алексѣевъ. — "Вопреки мнѣ, генералъ думалъ, что часы правительства сочтены. По его мнѣнію, оставалось лишь рѣшить, что надлежитъ дѣлать Корнилову послѣ побѣды. По этому-то вопросу и запрашивалъ Алексѣевъ мое мнѣніе". Маклаковъ не раздѣлялъ "оптимизма" Алексѣева. Тѣмъ не менѣе "давно уже сложившееся" у него мнѣніе высказалъ. "Если-бы Корниловъ случайно оказался сильнѣе правительства и ему удалось бы совладать съ революціей, онъ прежде всего долженъ былъ бы вернуться къ "законности". Она была отброшена въ моментъ, когда заставили вел. кн. Михаила отречься; слѣдовало бы, поэтому, вернуться къ **этому исходному пункту.** Пусть Корниловъ держится манифеста объ отреченіи императора Николая, который былъ **послѣднимъ законнымъ актомъ;** пусть онъ возстановитъ монархію, конституцію, народное представительство и пусть управляетъ въ подлинно-конституціонномъ духѣ!.. Алексѣевъ оказался изумленнымъ. "Какъ! Вы хотите возстановить монархію? Это невозможно!" "Если это дѣйствительно невозможно, — отвѣтилъ я ему, — тогда всякая попытка Корнилова безполезна; нѣтъ никакого интереса "побѣдить" революцію, чтобы ее снова "установить".

запираетъ въ тупикъ беззаконія на вѣчныя времена, исключаетъ для нея навсегда возможность выхода на путь пореволюціоннаго права и закона.

Надо еще имѣть въ виду, что самая передача престола Николаемъ II была противозаконна, противорѣчила основнымъ законамъ. Престоломъ Николай II владѣлъ не на правѣ частной собственности и ни отрекаться отъ него за другого, хотя бы то былъ его сынъ, ни уступать его, хотя бы собственному брату, онъ, конечно, не былъ правомоченъ. Какъ правильно замѣтилъ одинъ изъ составителей акта объ «Отказѣ отъ престола», никакого юридическаго титула для Михаила незаконная передача престола не создавала *). И Михаилъ самъ не хотѣлъ исходить изъ фикціи хотя бы кратковременнаго существованія «Божьей милостью Михаила I, императора и самодержца Всероссійскаго». Какъ указываетъ другой составитель акта Б. Э. Нольде, великій князь «не хотѣлъ, чтобы актъ говорилъ о немъ, какъ о вступившемъ на престолъ монархѣ». И въ актѣ, подписанномъ Михаиломъ, этой фикціи нѣтъ. Другія же фикціи еще менѣе устраиваютъ Маклакова. Мы говоримъ объ облеченіи Временнаго Правительства «всей полнотой власти», введенной

---

*) См. "Воспоминанія" В. Д. Набокова, стр. 18. — Набоковъ спрашивалъ себя: "Не было ли больше шансовъ на благополучный исходъ, если-бы Михаилъ Александровичъ принялъ корону изъ рукъ царя? Надо сказать, что изъ всѣхъ возможныхъ "монархическихъ" рѣшеній это было самымъ неудачнымъ". Даже если "формальная сторона дѣла (о незаконности передачи престола) была бы оставлена безъ вниманія", если допустить, что "преемственность аппарата власти и его устройства" были сохранены, "переворотъ былъ бы введенъ въ извѣстныя границы" и т. д., и т. п., все же — по оцѣнкѣ Набокова въ 18 году — "вся совокупность условій была такова, что принятіе престола было невозможно. Говоря тривіальнымъ языкомъ, изъ него бы "ничего не вышло".

въ актъ объ отказѣ отъ престола по предложенію Набокова, и о возникновеніи Временнаго Правительства «по почину Государственной Думы», устанавливавшей, по предложенію Шульгина, ту самую фикцію — преемственности власти, которой придаетъ столь рѣшающее значеніе Маклаковъ.

Такое тяготѣніе къ однѣмъ фикціямъ и отталкиваніе отъ другихъ врядъ ли объяснимо одними объективно-юридическими соображеніями, чуждыми политической субъективности. Во всякомъ случаѣ построеніе Маклакова должно быть отнесено къ тому направленію юридической мысли, которое видитъ въ законѣ высшій источникъ права, которое самую нашу эпоху называетъ «законодательной фазой въ правѣ» (выраженіе Оріу). Это направленіе, если и не отрицаетъ, то весьма мало считается съ существованіемъ въ правѣ подъ-, сверхъ- и до-законныхъ нормъ, которыми опредѣляется и внѣзаконное возникновеніе, и противозаконное преобразованіе права. И не только въ революціи сказываются эти процессы. Ихъ можно прослѣдить при государственныхъ новообразованіяхъ и внѣ революціи, — напримѣръ, при отдѣленіи Бельгіи отъ Голландіи въ 1830 г., при образованіи власти сѣверо-германскаго союза въ 1867 г., при расторженіи шведо-норвежской уніи въ 1905 г., при образованіи власти въ новой Польшѣ или Чехо-Словакіи и т. п.

Въ традиціонной странѣ переворотовъ и революцій, во Франціи, этотъ порядокъ считается почти нормальнымъ. Извѣстный авторитетъ публичнаго права во Франціи Гастонъ Жэзъ называетъ его — «принципомъ публичнаго права, освященнымъ многочисленными прецедентами». Этотъ принципъ, въ формулировкѣ Жэза, состоитъ въ томъ, что «лица, завла-

дѣвшія властью вслѣдствіе революціи и взявшія на себя управленіе государствомъ, находятъ требуемую для законности ихъ актовъ инвеституру въ почти всеобщемъ одобреніи (l'assentiment) и въ фактѣ мирнаго осуществленія ими ихъ полномочій». Каково бы ни было происхожденіе фактическаго правительства, — всеобщее его пріятіе (l'acceptation générale) является основаніемъ врученной имъ власти. Этотъ титулъ и инвеститура явно необычны, но они достаточны, поскольку признаніе всеобще *). Революціонная драма состоитъ обычно изъ трехъ дѣйствій: силовой ударъ (coup de force), образованіе фактическаго правительства и превращеніе его въ правительство регулярное.

Что ближе къ реальности и правдѣ: искусственно оторванное отъ политики и соціальныхъ факторовъ революціи м н и м о-правовое построеніе Маклакова или откровенно-п о л и т и к о-п р а в о в о е построеніе Жэза?

5.

Объ историко-политическомъ построеніи В. А. Маклакова можно сказать, что у него не только исторія безъ народа, но и — р е в о л ю ц і я б е з ъ н а р о д а. Въ его исторіи революціи фигурируетъ царь, престолопреемникъ, общественыя и партійно-политическія группировки, но главное дѣйствующее лицо и «дѣятель» ре-

*) Для любителей отечественной старины и въ доказательство, что и Россія рождала "быстрыхъ разумомъ Невтоновъ", можно напомнить, что историкъ Татищевъ, авторъ одного изъ 12 проектовъ, выработанныхъ русскимъ шляхетствомъ въ противовѣсъ планамъ верховниковъ, доказывалъ еще въ первой половинѣ 18-го вѣка, что когда государя нѣтъ, то перемѣнить законъ или порядокъ можетъ только "общенародное соизволеніе". — Подъ "народомъ" тогда разумѣлось, конечно, только дворянство.

волюціи отсутствуетъ. Народъ даже не упоминается. Упоминается лишь «воля народа», какъ метафизическая категорія и интеллигентскій «кумиръ».

Маклаковъ видитъ въ революціи одну только глупость и преступленіе, сплошное отрицаніе и забвеніе свободы и права. Онъ не допускаетъ, чтобы и другіе могли смотрѣть на революцію иначе. Вѣрный своему отождествленію права съ законностью, онъ утверждаетъ, что «и въ Россіи, какъ вездѣ (!), стимуломъ революціи была не жажда народа свободы и права, а желаніе его смести старый ненавистный порядокъ, разрушить какъ можно полнѣе традиціи прошлаго». Маклаковъ полагаетъ, что трагическая сторона революціи въ томъ, что къ преобразованію страны на основахъ права и свободы нельзя итти революціоннымъ путемъ, что это — квадратура круга.

Въ этомъ разсужденіи, на нашъ взглядъ, скрыто не одно, а нѣсколько недоразумѣній.

Начать съ того, что именно такимъ, революціоннымъ путемъ пошли и въ конечномъ счетѣ пришли къ преобразованію строя на основахъ права и свободы почти всѣ страны: Англія въ 17 столѣтіи, Франціи въ 18 и 19, Германія и Австрія въ 19 и 20 и т. д. Трагедія, дѣйствительно, въ томъ, что безъ революціи людямъ никакъ не удается водворить у себя даже элементарныя начала свободы и права. Но въ этомъ — трагедія человѣческой исторіи, въ частности, и исторіи русской. Есть своя трагедія и у всякой революціи. Но не въ томъ, въ чемъ ее видитъ Маклаковъ. Ея трагедія въ томъ, что она требуетъ отъ народа перенапряженія его душевныхъ силъ, требуетъ желѣзной, нечеловѣческой воли, нуждается въ заговорѣ, тайнѣ, подпольѣ, заставляетъ цѣлыя поколѣнія жить

какъ бы въ двухъ планахъ. Это не всегда выдерживаютъ и закаленныя души, и героическія организаціи, и привыкшія къ лишеніямъ массы. Когда «сила вся души великой» уходитъ на низверженіе существующаго, иногда только по инерціи, порядка, на положительное творчество у измотаннаго въ конецъ побѣдителя силъ часто уже не хватаетъ. Достаточно было бы Маклакову вскрыть понятіе «ненавистный» — почему ненавистный, что ненавистно, какія «традиціи прошлаго», — и онъ самъ бы увидалъ на оборотной сторонѣ «традиціоннаго» утѣсненія земельнаго, политическаго, національнаго, соціальнаго столь рѣшительно отвергаемую имъ жажду свободы и права, исканіе «праведной земли», не всегда, можетъ, точно оформленное стремленіе къ «улучшенію пріемовъ управленія государствомъ»

Изъ мало извѣстной записки, представленной Витте по личной иниціативѣ 9 октября 905 г., и царь узналъ, что «не годъ назадъ зародилось нынѣшнее освободительное движеніе. Его корни въ глубинѣ вѣковъ — въ Новгородѣ и Псковѣ, въ Запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ, въ бунтѣ декабристовъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго, въ великомъ актѣ 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, въ природѣ всякаго человѣка. Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ. Человѣкъ культурный — къ свободѣ и праву: къ свободѣ, регулируемой правомъ и правомъ обезпечиваемой» (См. «Красный Архивъ № 11-12)...

В. Маклаковъ готовъ допустить, что безъ Октября Февраль самъ по себѣ былъ бы и хорошъ, но особаго смысла не имѣлъ, революціонеры были бы разочарова-

ны. Ибо — «тогда въ результатѣ революціи получилось бы только то, къ чему Россія шла и безъ того эволюціоннымъ путемъ, къ чему она и безъ революціи все равно пришла бы хотя и позднѣе, но зато гогораздо болѣе вѣрнымъ путемъ и съ безконечно меньшими жертвами»...

Въ этомъ сказывается все тотъ же раціонализмъ Маклакова. Исторія, какъ и право, представляется ему завершеннымъ, логически послѣдовательнымъ цѣлымъ, которое движется иногда замедленнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ путемъ, на которомъ прямая линія всегда составляетъ кратчайшее разстояніе между двумя точками. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ исторія, какъ и политика, менѣе всего подчинена законамъ геометріи. Она почти никогда не выбираетъ прямого и непремѣнно вѣрнаго пути, не движется вовсе «все впередъ и выше» и менѣе всего считается съ количествомъ жертвъ. Она бредетъ, какъ придется, когда по цѣлинѣ, когда по буеракамъ, впередъ и вспять, а чаще всего въ стороны, когда прыжками, когда скачками. Что потеряно ею во времени, она силится наверстать въ темпѣ. За собственное запозданіе мститъ обостреніемъ и углубленіемъ процесса наверстанія. «Правда принадлежитъ человѣку, ошибка — времени», — говорилъ Гете.

Въ русской исторіи это повелось давно, еще съ московской Руси. Вся наша исторія запоздала по сравненію съ исторіей прочей Европы. «Введеніе добрыхъ порядковъ», какъ выражался Петръ, отставало и отъ внутреннихъ нуждъ и развитія русской жизни, и отъ аналогичнаго «введенія добрыхъ порядковъ» на Западѣ. Къ ускоренію и спѣшности толкали Россію всѣ прошлыя стадіи и процессы ея развитія. Что удалось во времени и въ тем-

пѣ наверстать Петру *), — его преемники и преемники Екатерины II вновь упустили, упустили и темпъ, и сроки. И объективную неизбѣжность русской революціи исторіософская «вульгата», признанная не только въ кругахъ «революціонной демократіи», но и весьма правой «либеральной общественностью», правильно объяснять двумя роковыми просрочками: запоздалой и неполной ликвидаціей крѣпостного права въ 61-мъ году и пересрочками, вплоть до самого 17-аго года, въ ликвидаціи самодержавія. Связь между этими двумя «параллельными силами» была кровная.

«Кровнымъ» было и желаніе освободиться отъ того и другого ига. Ибо, говоря словами прозрѣвшаго Витте, — «Человѣкъ всегда стремится къ свободѣ, Человѣкъ культурный — къ свободѣ и праву»... Отрицать эту волю къ свободѣ только на томъ основаніи, что она была недостаточно оформлена и осознана или что по результатамъ она оказалась «безразсудной», можетъ только раціоналистъ, раціоналистъ - доктринеръ или оппортунистъ.

В. А. Маклаковъ полагаетъ, что празднованіе годовщины февральской революціи такой же диссонансъ (почти «моветонъ»), какимъ для побѣжденныхъ было бы празднованіе дня объявленія несчастной войны.

Аналогія эта совсѣмъ неудачна, потому что «день объявленія» войны не празднуютъ и побѣдители. Одержанная же побѣда остается побѣдой, даже если въ ко-

---

*) Писатель екатерининскаго времени пытался учесть хронологически личную роль Петра I. По его расчету, — лѣтъ черезъ 100 - 200 Россія пришла бы къ тому же, къ чему ее насильственно привелъ Петръ. Но при такомъ срокѣ преобразованіе прошло бы безъ рѣзкаго разрыва съ прошлымъ и безъ морей крови и слезъ, которыми сопровождалась петровская "реформа".

нечномъ счетѣ война оказывается и несчастной. Праздновали же въ Россіи взятіе Плевны, хотя итоги войны съ Турціей были плачевны. Праздновали мы и день освобожденія крестьянъ, и день введенія судебныхъ уставовъ тогда, когда освободительная эпоха смѣнилась реакціей, а реформы были извращены и отняты, — праздновали часто въ пику, изъ протеста, для «демонстративнаго» сравненія нынѣшняго времени и минувшаго. И сейчасъ нѣмцы празднуютъ день Ютландскаго боя, хотя въ итогѣ войны потеряли весь свой флотъ. Празднуютъ они и день своей революціи 9-го ноября, хотя послѣ него пришло и національное униженіе въ Версалѣ, и оккупація, и репараціи, и инфляція. Можетъ ли народъ не чтить въ своемъ прошломъ то, что достойно почитанія?

Какъ въ старой Россіи далеко не все было плохо, и режимъ не покрывалъ Россіи, такъ и въ пореволюціонной Россіи однимъ «режимомъ», хотя бы и на 13 лѣтъ затянувшимся, Россія не исчерпывается. Какъ радикалы въ старой Россіи, отказываясь праздновать трехсотлѣтіе романовской династіи, не отказывались вмѣстѣ со всей Россіей, въ томъ числѣ и съ бюрократически - казенной, чествовать, напримѣръ, столѣтнюю годовщину со дня рожденія Пушкина, — такъ и сейчасъ, есть-ли «диссонансъ» въ томъ, что побѣжденные Октябремъ поминаютъ добромъ его политическую антитезу — Февраль? Вопросъ о празднованіи Февраля сводится къ тому же вопросу о пріемлемости революціи, къ спору о томъ, была ли она исторически неизбѣжнаи или политически сдѣлана безотвѣтственными преступниками и глупцами?

Слѣдуя своему пониманію революціи, какъ отказу отъ фикціи преемственности власти, Маклаковъ считаетъ Ок-

тябрь второй революціей 17-го года. При этомъ позиція недостаточно отчетливаго качественнаго противоположенія Октября Февралю становится, на нашъ взглядъ, особенно легко уязвимой. «Житейски» еще можно не различать между обѣими революціями, можно всю пореволюціонную исторію сводить къ тому, что, когда «царя не стало», не стало и житья: деньги подешевѣли, имѣнія отняли, пенсіи упразднили, «и пошло, и пошло». Но даже юридически — а тѣмъ болѣе политически и исторически — революція не растворима въ Октябрѣ и не сводима къ Октябрю. Такая исторіософія опрокидываетъ сама себя. Слѣдуя ей, пришлось бы признать и самодержавіе только прологомъ и прелюдіей къ Февралю, какъ своему «естественному и логическому» завершенію... Но этого вѣдь Маклаковъ не признаетъ! Слишкомъ элементарно, что послѣдовательность не есть еще зависимость, и преемство во времени не равнозначно причинной обусловленности. Если Октябрь пришелъ послѣ Февраля это еще не значитъ, что онъ произошелъ вслѣдствіе Февраля.

Наше коренное расхожденіе съ Маклаковымъ въ томъ, что для него Февраль непріемлемъ и ненавистенъ не столько даже за то, что онъ оказался предтечей Октября, а самъ по себѣ, за то, что онъ былъ революціей, за то, что 3 марта порвалось преемство государственной власти. Для насъ Февраль благо, потому что, каковы бы ни были его политическія послѣдствія, исторически именно тогда свершилось «великое и священное», какъ выразился В. Д. Набоковъ, — народъ сбросилъ вѣковыя цѣпи самодержавія. Плохо и невыразимо горестно, что порванныя цѣпи уже черезъ 8 мѣсяцевъ были смѣнены еще на болѣе мучительныя. Это, конечно, омрачаетъ радость воспоминаній, но не устраняетъ ни права, ни долга чтить свѣтлый день въ

нашемъ мрачномъ прошломъ, неотмѣнимый день паденія самодержавія. Именно это и побудило, вѣроятно, единомышленника Маклакова, травимаго въ петропавловской крѣпости большевиками Шингарева, сказать передъ смертью, что, несмотря на пережитыя разочарованія, если бы пришлось начать сызнова, онъ пошелъ бы все-таки прежнимъ путемъ...

А какимъ путемъ пошелъ бы В. А. Маклаковъ?

Къ В. А. Маклакову полностью примѣнимо то самое, что онъ подмѣтилъ у Толстого. Заимствуя его образъ изъ блестящаго этюда о Толстомъ, мы скажемъ — «бредущій по склону Эльбруса можетъ думать, что Эльбрусъ и есть та тропинка, которую онъ топчетъ ногами. Да, конечно, Эльбрусъ есть и эта тропинка, — но тропинка еще не Эльбрусъ. Это случилось съ Толстымъ».

Это же случилось и съ Маклаковымъ.

Онъ шелъ по склону огромной горы — революціи — и ея вершины не видѣлъ. За то онъ могъ наблюдать то, что издали недоступно: «и ручей, и обрывъ, и прелесть горной тропинки». Онъ видѣлъ эти детали, но для него скрытъ видъ всей горы. «Оцѣнка подробностей есть долгъ именно современниковъ; только они могутъ ихъ дать, — справедливо замѣчаетъ по поводу Толстого Маклаковъ, — они должны это сдѣлать, чтобы помочь и историкамъ».

Чрезвычайно интересны и цѣнны для насъ наблюденія Маклакова надъ «ручьемъ, обрывомъ и прелестью горной тропинки», которые ему попадались на его красочномъ жизненномъ пути, его «оцѣнки подробностей», которыя только современники и могутъ дать. Достойно всяческаго сочувствія и его желаніе — «помочь историкамъ» и разобраться въ общихъ ошибкахъ. Если

же Маклаковъ не всегда ищетъ ошибки тамъ, гдѣ ихъ надо искать, и потому мнимыя ошибки часто выдаетъ за дѣйствительныя; если, нарушая историческую перспективу, онъ слишкомъ отвлекается отъ единственно-данной обстановки 17 года и переноситъ въ нее свой позднѣйшій опытъ и настроенія, — мы склонны это въ значительной мѣрѣ объяснить тѣмъ, что, кто идетъ по склону горы, ея вершины не видитъ, физически не можетъ видѣть. Не можетъ быть человѣкъ и своимъ собственнымъ историкомъ, историкомъ того времени, въ которомъ онъ живетъ, творитъ и разрушаетъ.

Не дано было стать историкомъ своего времени и В. А. Маклакову. Не могъ онъ дать исторію современной ему революціи въ частности и потому, что хочетъ того сейчасъ Маклаковъ или не хочетъ, но и онъ вложился въ русскую революцію.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА ВЪ «ИСТОРІИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ» П. Н. МИЛЮКОВА.

1.

Русская революція не завершила еще своего бѣга. Не закончились еще ея corsi e ricorsi, не оформились результаты. Но и въ ходѣ еще незавершенныхъ процессовъ, въ самомъ теченіи того періода, которому только будущее призвано дать имя Эпохи Русской Революціи, уже собираются матеріалы и документы, составляются обвинительные акты и защитительныя рѣчи для грядущаго судьи — Исторіи.

На ряду со все возрастающими и со дня на день становящимися все менѣе удобо - обозримыми матеріалами мемуарнаго порядка, — уже сейчасъ, въ пылу еще неотшумѣвшихъ битвъ, дѣлаются попытки якобы объективнаго установленія фактовъ, ихъ группировки и объясненія. Появляются работы пытающіяся дать не только хронику русской революціи не только личныя о ней воспоминанія, но и ея исторію.

Наиболѣе значительной изъ такого рода работъ, посвященныхъ февральскому періоду русской революціи, является «Исторія (второй) русской революціи» П. Н. Милюкова въ трехъ томахъ-выпускахъ.

Уже больше двадцати лѣтъ, какъ этотъ выдающійся представитель исторической науки, слѣдуя примѣру многихъ русскихъ ученыхъ, изъ любви къ родинѣ, долгу гражданина и патріота принесъ тягчайшую для ученаго жертву — занятіе своей профессіей. Если нельзя говорить о полномъ вытѣсненіи научныхъ интересовъ Милюкова интересами политическими, то нельзя отрицать и того, что его активность сосредоточилась за послѣднія десятилѣтія преимущественно на политической борьбѣ. Только изрѣдка и урывками, въ промежуткѣ между двумя политическими кампаніями, удавалось П. Н. Милюкову выступить съ какой-нибудь лекціей или выпустить книгу, почти всегда носившую печать времени и цѣли, ради которой авторъ съ ней выступалъ. Обострявшаяся борьба и нужды дня все чаще заставляли русскаго ученаго смѣнять медлительную запись лѣтописца на скоропись публициста и журналиста.

Мы не будемъ расцѣнивать П. Н. Милюкова какъ политика. Но говоря о П. Милюковѣ, какъ авторѣ «Исторіи русской революціи», нельзя не оговорить все-таки того, что Милюковъ нынѣшній, радикалъ и республиканецъ 1921-1930 г. г., какимъ всѣ его знаютъ, — не тотъ Милюковъ, какимъ многіе его знали въ описываемый имъ періодъ февраль-октябрь 1917 года и, главное, какимъ онъ былъ въ моментъ написанія своей «Исторіи». Больше того: Милюковъ не оставался равенъ себѣ и за время, которое ему потребовалось, чтобы написать и выпустить въ свѣтъ свой трудъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сравнить самую «Исторію», написанную между ноябремъ 1917 и августомъ 1918 г. г., и Предисловіе къ «Исторіи», датированное 27 декабря 1920 г.

Назвавъ свой трудъ «Исторіей», П. Н. Милюковъ уже въ предисловіи къ нему оговаривается, что онъ

самъ «хорошо знаетъ, что для исторіи революціи въ строгомъ смыслѣ время не скоро настанетъ». Выбирая такое названіе, авторъ «хотѣлъ лишь сказать, что его цѣль идетъ дальше личныхъ «Воспоминаній». П. Н. Милюковъ считаетъ «и нескромнымъ, и черезчуръ субъективнымъ» вводить читателя въ «интимную атмосферу событій, доступную только для ихъ непосредственнаго участника». Ему кажется, что время еще не наступило для опубликованія воспоминаній о революціи, ибо — «дѣйствующія лица описываемой эпохи еще не сошли со сцены, вызванныя ихъ дѣятельностью чувства еще далеко не улеглись, ихъ интимные мотивы не сдѣлались достояніемъ гласности».

Авторъ утверждаетъ, что его «Исторія» «принципіально отказывается отъ субъективнаго освѣщенія». Субъективизму личныхъ воспоминаній авторъ — «историкъ по профессіи», какъ онъ подчеркиваетъ, предпочитаетъ «подлежащіе объективной провѣркѣ» факты. Поскольку вѣрны приводимые факты, постольку безспорны, по его мнѣнію, и вытекающіе изъ нихъ выводы. Авторъ знаетъ, конечно, что и самые факты не всѣ еще собраны съ надлежащей полнотой. Но все же онъ «льститъ себя надеждой», что и при дальнѣйшемъ накопленіи и изученіи фактовъ «не очень измѣнятся намѣчаемые имъ выводы». Ибо, оказывается, — и «фактическое изложеніе не составляетъ главной задачи «Исторіи». Оказывается, что въ «Исторіи» даны по преимуществу — «руководящія линіи, основные штрихи рисунка. Анализъ событій съ точки зрѣнія опредѣленнаго пониманія ихъ былъ той основной цѣлью, которая собственно и побудила автора взяться за составленіе «Исторіи». Изъ разсказа несомнѣнно вытекалъ опредѣленный политическій выводъ».

Въ этихъ словахъ к л ю ч ъ ко всей исторіи революціи, написанной Милюковымъ.

Авторъ хорошо сдѣлалъ, указавъ на него въ предисловіи къ своему труду, написанномъ послѣ самого труда. Къ тому же выводу приходитъ и читатель по ознакомленіи съ трудомъ. Конечно, «историка по профессіи» никто не заподозритъ въ томъ, что онъ завѣдомо «хотѣлъ подогнать факты къ выводамъ». Но онъ самъ признаетъ, что въ его «группировкѣ фактовъ уже данъ извѣстный комментарій къ событіямъ», что «опредѣленный политическій выводъ» в ы т е к а е т ъ изъ его «разсказа». Разсказъ же всегда субъективенъ, даже когда онъ не подбираетъ факты, а отбираетъ ихъ, «группируетъ» или анализируетъ «съ точки зрѣнія опредѣленнаго пониманія», — что, по словамъ Милюкова, и составляло основную цѣль его работы и что превращаетъ ее изъ работы исторической въ работу публицистическую, чтобы не сказать опредѣленнѣе — партійно - политическую.

Давно уже было замѣчено, что въ д ѣ л е н і и н а п е р і о д ы — весь смыслъ исторіи, какъ науки, вся философія исторіи, какъ ряда смѣняющихся фактовъ и явленій. Въ той разбивкѣ на періоды (періодизаціи), которой подвергаетъ событія февральской революціи Милюковъ, вскрывается съ полной ясностью весь политическій смыслъ его «Исторіи». Въ о г л а в л е н і и труда Милюкова уже намѣчены всѣ линіи и тенденціи его «Исторіи».

Первый выпускъ «Исторіи» говоритъ о «Противорѣчіяхъ революціи». Онъ распадается на три главы, отграниченныя хронологически. Въ первой, «предъисторической», подъ исторически н е в ѣ р н ы м ъ заголовкомъ — «Четвертая Государственная Дума низлагаетъ монархію», описываются событія 27 февраля — 2 мар-

та. Вторая глава — періодъ между 2 марта и 6 мая — озаглавлена «Буржуазная власть подчиняется цѣлямъ соціализма». Третья глава сводитъ смыслъ слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ революціи, 6 мая — 7 іюля, къ тому, какъ «Соціалисты защищаютъ буржуазную революцію отъ соціалистической». Весь второй выпускъ состоитъ изъ одной главы - вопроса: «Корниловъ или Ленинъ?». Третій и послѣдній выпускъ озаглавленъ: «Агонія власти». Онъ распадается на рядъ очерковъ съ почти кинематографическими подзаголовками: «Демократія» принципіально отвергаетъ коалицію съ «буржуазіей»; «Демократія» идетъ на компромиссъ съ «буржуазіей»; Сила и слабость третьей коалиціи; Послѣдній шансъ послѣдней коалиціи; «Національная политика» или «похабный миръ»; Большевики готовятся къ рѣшительному бою; Ликвидація сопротивленія большевиковъ подъ Петроградомъ и въ Москвѣ.

Послѣдній выпускъ сопровожденъ авторскимъ послѣсловіемъ. Въ немъ П. Милюковъ предвидитъ, что его фактическій разсказъ потребуетъ переработки по новымъ источникамъ. Но тутъ же «считаетъ нелишнимъ предупредить, что появившіеся въ печати матеріалы и изслѣдованія по исторіи второй революціи не измѣнили ни въ чемъ существенномъ его пониманія этой исторіи». Авторъ вновь повторяетъ, что онъ «не хотѣлъ быть только мемуаристомъ» и потому «добровольно отказывается отъ нѣкоторыхъ преимуществъ мемуарнаго изложенія, чтобы тѣмъ болѣе приблизиться къ выполненію задачи историка». Эту задачу, въ данномъ случаѣ, въ отличіе отъ всей своей прошлой дѣятельности историка, Милюковъ понимаетъ своеобразно. Онъ проводитъ рѣзкое различіе между будущимъ историкомъ, «которому предстоитъ выяснить неизбѣжный ха-

рактеръ послѣдовавшихъ событій, выведя его изъ трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенія къ практикѣ народовластія, изъ запоздалости національныхъ и соціальныхъ реформъ, изъ малокультурности и необразованности и т. п.», и между историкомъ - современникомъ, «ближайшимъ участникомъ событій, развертывавшихся въ центрѣ». Послѣдній «естественно будетъ смотрѣть на событія и оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія менѣе фаталистической... Ему трудно будетъ отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, если бы степень самосознательности и степень волевого напряженія у руководителей были иныя» (В. I, 56). Авторъ не хочетъ быть «философомъ исторіи русской революціи», обязаннымъ проникать во «всѣ глубокіе корни и нити, связывающіе вторую русскую революцію со всѣмъ ходомъ и результатомъ историческаго процесса». Какъ онъ подчеркиваетъ, его задача «гораздо проще. Мы ставимъ себѣ цѣлью — возможно точное и подробное фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ».

Я не думаю, чтобы такимъ образомъ поставленная цѣль именно въ данныхъ условіяхъ, когда фактическое описаніе совершившагося на нашихъ глазахъ исходитъ отъ лица, сыгравшаго одну изъ главныхъ ролей въ описываемыхъ событіяхъ, — была «проста». Во всякомъ случаѣ историкъ по профессіи вынужденъ былъ придать д в а смысла исторіи, вынужденъ былъ провести различіе между историкомъ будущимъ и современнымъ, прежде, чѣмъ назвать свое описаніе «Исторіей». Ближайшее участіе политика Милюкова въ событіяхъ февральской революціи отняло возможность у Милюкова-историка быть нелицепріятнымъ лѣтописцемъ и судьей описываемыхъ имъ событій. Оцѣнка «ближайшаго уча-

стника» событій очень рѣдко совпадаетъ съ приговоромъ не только «будущихъ историковъ», но и историковъ вообще. Врядъ - ли совпадаетъ эта оцѣнка и въ данномъ случаѣ. Ниже мы увидимъ, на конкретныхъ примѣрахъ, насколько автору было «трудно отказаться отъ убѣжденія, что все могло бы пойти иначе, еслибы»... еслибы революція произошла не въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она была дана исторически и произошла фактически, а — «по Милюкову» т. е., еслибы событія складывались не такъ «фаталистически», и дѣйствовавшіе на авансценѣ персонажи слѣдовали бы словамъ и указаніямъ автора «Исторіи».

2.

Когда началась революція? Кто «сдѣлалъ» ее? Что превратило «бунтъ» въ революцію? Какъ пало самодержавіе въ Россіи?

«Группировка фактовъ», отвѣчающихъ на эти первые и элементарные для исторіи революціи вопросы, убѣдительнѣе всего показываетъ, какъ рискованно для стороны въ дѣлѣ, даже когда онъ историкъ по профессіи, выступать въ роли судьи, тѣмъ болѣе — историческаго судьи.

Февральскую революцію П. Н. Милюковъ датируетъ шестнадцатымъ годомъ... Это не описка. Это — «опредѣленное пониманіе» революціи, своеобразное толкованіе историкомъ Милюковымъ событій, въ которыхъ участвовалъ Милюковъ политикъ. 1-го ноября 1916 года Милюковъ, въ числѣ другихъ ораторовъ, обличавшихъ старый режимъ — Маклакова, Керенскаго, Шульгина, Пуришкевича, произнесъ съ трибуны 4-ой Государственной Думы рѣчь, въ которой каждый изъ об-

личительныхъ пунктовъ заканчивался вопросительнымъ рефреномъ: «Глупость или измѣна?». «И хотя ораторъ, — пишетъ теперь въ своей «Исторіи» Милюковъ, — склонялся скорѣе къ первой альтернативѣ, аудиторія своими одобреніями поддерживала вторую». Рѣчи ораторовъ этого дня были запрещены для печати, что устроило имъ самую широкую рекламу. Эти рѣчи стали переписываться и размножаться по странѣ, въ тылу и на фронтѣ, въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Милюковъ правъ, когда говоритъ, что «этотъ отзвукъ явился краснорѣчивымъ показателемъ настроенія, охватившаго всю страну». Но онъ по меньшей мѣрѣ не точенъ, когда прибавляетъ: «теперь у этого настроенія былъ лозунгъ», не опредѣляя ближе содержанія этого лозунга. И онъ совершенно неправъ — и фактически и «философско - исторически», — когда приписываетъ не себѣ, а «общественному мнѣнію» Россіи, что оно «единодушно признало 1-ое ноября 1916 г. началомъ русской революціи».

Надо ли опровергать это утвержденіе? Надо ли спрашивать, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ Милюковъ увѣренность въ единодушномъ признаніи россійскимъ общественнымъ мнѣніи ноябрьской даты февральской революціи?... Надо ли указывать фактическую невязку: между моментомъ произнесенія рѣчи и «настроеніемъ, охватившимъ страну» подъ вліяніемъ этой рѣчи, все-таки протекъ извѣстный періодъ и, потому, уже во всякомъ случаѣ не 1 ноября датируется русская революція. Надо ли доказывать, что между «парламентскимъ словомъ» и возстаніемъ дистанція огромнаго размѣра, во всякомъ случаѣ — не меньшая, чѣмъ между бунтомъ и революціей, которой могъ не замѣтить Людовикъ ХУ1 изъ своего тюльерій-

скаго окошка, но которая легко уловима всякимъ современнымъ политическимъ окомъ, тѣмъ болѣе — историческимъ.

Нѣтъ нужды отвѣчать на эти вопросы, потому что у самого автора «Исторіи русской революціи» можно найти описаніе фактовъ, противорѣчащихъ только что приведенному «опредѣленному пониманію» имъ русской революціи.

«... 23 февраля появились первые признаки народныхъ волненій. 24-го мирные митинги уступили мѣсто первымъ вооруженнымъ столкновеніямъ съ полиціей, сопровождавшимся и первыми жертвами. 25-го работа фабрикъ и занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились: весь Петроградъ вышелъ на улицу. У городской думы произошло крупное столкновеніе народа съ полиціей, а на Знаменской площади, при такомъ же столкновеніи, казаки приняли сторону народа, бросились на конную полицію и обратили ее въ бѣгство. Толпа привѣтствовала казаковъ; происходили трогательныя сцены братанія. 26 февраля... въ громадномъ количествѣ толпа ходила по улицамъ, собиралась на митинги, вызвала столкновенія, при которыхъ правительствомъ были пущены въ ходъ пулеметы... 27-го утромъ уже начиналось форменное возстаніе въ казармахъ Волынскаго и Литовскаго полковъ. Движеніе началось среди солдатъ и застало офицеровъ совершенно неподготовленными: одиночныя попытки ихъ воспротивиться привели къ кровавымъ жертвамъ. Одновременно съ этимъ смѣшанныя толпы (солдатъ и штатскихъ) отправились къ арсеналу, заняли его и захватили оружіе, бросились къ тюрьмамъ освобождать арестованныхъ — не только политическихъ, но и уголовныхъ, подожгли Литовскій замокъ, окруж-

ной судъ, охранное отдѣленіе на Тверской улицѣ и т. д.».

Этотъ сухой, почти протокольный перечень событій, разыгравшихся всего въ одномъ, петроградскомъ углу Россіи, — типическая картина того, какъ происходятъ революціи во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. И революція имѣетъ свой штампъ. Былъ онъ и у февральской революціи, которой, конечно, никто не сдѣлалъ, которая сдѣлалась сама, вспыхнувъ въ столицѣ, перекинувшись мигомъ вглубь страны и на фронтъ и испепеливъ безъ остатка трехвѣковое самодержавіе. И когда Милюковъ озаглавливаетъ первую главу своей «Исторіи» — «Четвертая Государственная Дума низлагаетъ монархію», когда онъ утверждаетъ, что лишь вмѣшательство Государственной Думы дало уличному и военному «безформенному и безпредметному (!) движенію центръ», «дало ему знамя и лозунгъ и тѣмъ самымъ превратило возстаніе въ революцію» (В. 1, 39), когда онъ повторяетъ слова, сказанныя имъ въ августѣ 17-го года на московскомъ государственномъ совѣщаніи: «революція своей побѣдой обязана Государственной Думѣ, давшей санкцію перевороту» (В. II 143), когда онъ теперь удивляется — какъ удивлялся и въ 17 году, — что избранная въ 1912 году Дума была упразднена въ іюнѣ 17-го года, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ удивляться надо было обратному: какъ могла Дума просуществовать цѣлыхъ четыре мѣсяца послѣ революціи, — мы не можемъ признать правильными ни его представленіе о революціи вообще, ни его «группировку» фактовъ, касающихся спеціально начала революціи 17 года.

Представленіе Милюкова о революціи страдаетъ тою же рационализаціей, — внесеніемъ въ ис-

торическую стихію политическаго смысла и разума по образу и подобію того, что кажется осмысленнымъ Милюкову - историку и что казалось таковымъ еще въ въ 17 году Милюкову - политику. Отсюда и его «догадки» о томъ, что броженіе среди петроградскихъ рабочихъ создано въ значительной мѣрѣ объединенными усиліями германскаго генеральнаго штаба и провокаторовъ русскаго департамента полиціи; отсюда и то преувеличенное значеніе, придаваемое Милюковымъ-историкомъ событіямъ и учрежденіямъ, въ которыхъ руководящую и видную роль игралъ Милюковъ - политикъ: въ частности, — его собственнымъ словамъ и рѣчамъ 1 ноября, 17 декабря, 14 февраля, 1 марта, 2 марта, 3 марта, — въ Государственной Думѣ, въ бесѣдѣ съ представителями совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, при соприкосновеніи съ манифестирующей толпой, при свиданіи съ вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ, въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства и т. д. и т. п.

П. Милюковъ, конечно, лучше другихъ знаетъ, что вышедшія изъ столыпинскаго переворота Государственныя Думы были безсильнымъ «игралищемъ власти», не пользовавшимся почти никакимъ авторитетомъ въ широкихъ кругахъ общественнаго мнѣнія и тѣмъ болѣе въ народныхъ низахъ. Это не относится къ отдѣльнымъ членамъ Думы, которые пользовались чрезвычайной популярностью и до революціи. Но и они были популярны не потому, что состояли членами третьеіюньской Думы, а несмотря на то, или, точнѣе потому, что состояли въ крайней оппозиціи къ думскому большинству. Роль Думы еще можно считать сравнительно значительной въ предшествовавшіе революціи мѣсяцы. Въ февральскіе же и послѣдующіе

дни роль ея не могла не быть ничтожной. Дума, какъ учрежденіе, всегда была противъ революціи, не хотѣла ея, боялась и ненавидѣла ее. Ее замѣнилъ 12 - членный Временный Комитетъ, который не столько руководилъ событіями, сколько руководился ими.

Авторъ «Исторіи» самъ отмѣчаетъ, что съ большимъ трудомъ, въ частности трудами лидера конституціонно - демократической фракціи въ Думѣ Милюкова, созданное большинство Думы, — такъ назыв. «прогрессивный блокъ», — «до самого конца» боролось противъ революціи. «Но, — прибавляетъ онъ, — видя, что насильственный путь будетъ все равно избранъ и помимо Государственной Думы, оно стало готовиться къ тому, чтобы ввести въ спокойное русло переворотъ, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху».

Мы позволяемъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы думское большинство было столь макіавеллистически прозорливо въ то время, къ которому относятся приведенныя слова Милюкова. Но если большинство Думы и на самомъ дѣлѣ видѣло то, чего не видѣли другіе, какъ «лѣвые» представители соціалистическихъ партій (См. первый очеркъ), такъ и правые члены Государственной Думы (Ср. «Крушеніе Имперіи» В. М. Родзянко въ «Архивѣ русской революціи» т. 17), если оно дѣйствительно чувствовало, что революція уже надвинулась вплотную, — тогда тѣмъ болѣе неосмотрительно было съ его стороны успокоиться на подготовленіи къ тому, чтобы ввести переворотъ въ спокойное русло послѣ того, какъ онъ произойдетъ. «Предпочитая» переворотъ сверху, большинство Думы пропустило всѣ времена и сроки для него и фактически получило переворотъ снизу, какъ обычно, — стихійный, т. е., введе-

нію въ спокойное русло вообще не поддающійся. Это — не «лѣвое» пониманіе хода революціи. Это — объективное ея описаніе. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно знать мнѣніе такого умѣреннаго политика, какъ А. И. Гучкова. Не въ воспоминаніяхъ и не въ историческихъ изслѣдованіяхъ, а въ показаніяхъ передъ верховной слѣдственной комиссіей, образованной Временнымъ Правительствомъ для разслѣдованія дѣйствій министровъ и другихъ агентовъ царской власти, и не въ первые, весенніе дни революціи, а на ея закатѣ, 2 августа, когда Гучковъ давно уже покинулъ постъ революціоннаго министра и, затаивъ раздраженіе противъ революціи, снова очутился на привычномъ для него правомъ флангѣ русской общественности, онъ показывалъ: «Вина, если говорить объ исторической винѣ русскаго общества, заключается именно въ томъ, что русское общество, въ лицѣ своихъ руководящихъ круговъ, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его въ свои руки, предоставивъ слѣпымъ силамъ, не движимымъ опредѣленнымъ планомъ, выполнить эту болѣзненную операцію»...

Уже въ предыдущемъ очеркѣ нами отмѣчалось, что однимъ изъ многихъ, осложнявшихъ ходъ русской революціи факторовъ было то, что революцію возглавили, вулканическое изверженіе пытались канализировать какъ разъ тѣ, кто своимъ прошлымъ отношеніемъ къ революціи меньше всего могли внушить довѣрія главному дѣйствующему агенту революціи — народу, массамъ, низамъ. Отсюда то «двоевластіе», которое возникаетъ съ перваго же часа революціи, та безмѣрная подозрительность, которую проявляютъ представители возставшихъ и проведшихъ революцію народныхъ низовъ по отношенію къ возглавившимъ не свое дѣло

«верхамъ»: Временному Комитету Государственной Думы, а потомъ и къ большинству членовъ Временнаго Правительства. Отсюда и «претензіи» представлять «демократическіе классы рабочихъ, солдатъ, а затѣмъ и крестьянъ», которыя съ перваго же дня революціи начали заявлять непредставленныя или едва - едва представленныя въ Государственной Думѣ лѣвыя партіи и группы, тутъ же сорганизававшіяся въ петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ — а послѣ и крестьянскихъ — депутатовъ. Отсюда же и тотъ «испугъ», который не покидалъ большинства членовъ Временнаго Комитета и перваго Временнаго Правительства. Только испугомъ и умѣрялось, по классической формулѣ Гладстона, ихъ постоянное недовѣріе къ основному фактору революціи — къ народу. Въ «Исторіи» приводится не одинъ примѣръ того, какъ «напуганный возраставшей волной возбужденія» Временный Комитетъ Государственной Думы, а потомъ и Временное Правительство, — «молчаливо отрекались» отъ своихъ мнѣній.

Что и говорить, двоевластіе всегда, и особенно въ острый періодъ революціи — зло. Подозрительность и претензіи соціалистическихъ партій сплошь да рядомъ бывали фактически необоснованы, а испугъ членовъ Думы и правительства, какъ показали послѣдующія событія, болѣе чѣмъ основательны. Но исторически и то, и другое, и третье, очевидно, было одинаково обусловлено и въ этомъ смыслѣ неизбѣжно. П. Н. Милюковъ не хочетъ быть «философомъ исторіи русской революціи». Тѣмъ не менѣе, пересказывая факты и событія русской революціи, онъ слѣдуетъ опредѣленной философіи исторіи. Согласно нея почти все злое и темное въ революціи — отъ соціалистовъ и тѣхъ, кого со-

ціалисты «соблазнили»: въ первую очередь — князя Львова, еретика к. - д. партіи Некрасова и Терещенко. Все же или почти все свѣтлое и благое — отъ «буржуазіи» (въ условномъ смыслѣ) или отъ руководимой Милюковымъ несоціалистической демократіи. Мѣрою приближенія къ словамъ и дѣйствіямъ, предвидѣніямъ и предостереженіямъ, исходившимъ отъ лидера к.-д. партіи, измѣряется въ «Исторіи» праведность и грѣховность всѣхъ личныхъ факторовъ въ революціи. Если было что положительное и творческое въ революціи, все, почти безъ исключенія, было подготовлено первымъ составомъ революціоннаго правительства, въ которомъ участвовалъ П. Н. Милюковъ. Всѣ послѣдующіе отклонились отъ добра и впали въ зло. Если Совѣщаніе по выработкѣ закона о выборахъ въ Учредительное Собраніе, сдѣлало свое дѣло послѣ того, какъ смѣнился первый составъ правительства, Милюковъ торопится сдѣлать не совсѣмъ точную отмѣтку: «во всякомъ случаѣ основныя положенія избирательнаго закона были уже выработаны раньше Юридической комиссіей: это тѣ самыя положенія, которыя были доложены Ф. Ф. Кокошкинымъ въ апрѣльскомъ съѣздѣ партіи народной свободы и приняты партіей».

Интересная работа П. Н. Милюкова не есть ни философія, ни исторія русской революціи. Это — исторія и философія участія въ революціи к.-д. партіи. Это — феноменологическое изображеніе русской революціи, въ которомъ «міровой разумъ исторіи» раскрывается въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ сопричастныхъ къ революціи членовъ — по преимуществу лидера — партіи к.-д. Этимъ объясняется, въ частности, и то, что «Исторія» ограничивается исключительно политической стороной революціи и описываетъ факты, происходившіе, главнымъ образомъ, въ Петроградѣ.

3.

Мы не пишемъ здѣсь своей исторіи русской революціи въ «строгомъ» или иномъ смыслѣ. Мы не станемъ, поэтому, взамѣнъ искусственной и, какъ мы утверждаемъ, партійно-политической конструкціи и схемы Милюкова, предлагать свою, вѣроятно, тоже не чуждую политической окраски. Мы ограничимся примѣрными иллюстраціями непріемлемаго въ «Исторіи», предопредѣленнаго неправильнымъ подходомъ и преходящими, неисторическими заданіями автора. Приходится ограничиться указаніями на противорѣчія въ изложеніи и аргументаціи, отводящей главенствующую роль въ ходѣ и исходѣ революціи субъективному фактору.

П. Н. Милюковъ считаетъ, что вся намѣченная первымъ составомъ Временнаго Правительства программа была или осуществлена или подготовлена къ осуществленію. Но онъ не могъ не упомянуть о «тѣхъ трудностяхъ, которыя, быстро возрастая, парализовали уже къ концу второго мѣсяца работу перваго состава Временнаго Правительства». Каковы эти трудности? Одна — подлинная, объективнаго порядка, — исчезновеніе власти въ провинціи: старая власть была упразднена, новая не успѣла создаться, получить авторитетъ моральный и фактическій. Но другая «трудность», на которую указываетъ Милюковъ, — мнимая: поскольку она не перифразъ первой, она — простой гротескъ.

Нельзя думать, что «міровоззрѣніе» руководителя внутренней политики кн. Львова, говорившаго въ частныхъ и публичныхъ рѣчахъ, что мѣстные вопросы должны рѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ, — «мы можемъ творить новую жизнь народа не для народа, а вмѣстѣ съ нимъ»; «будущее принадлежитъ

народу, выявившему въ историческіе дни свой геній»; «свобода, пусть отчаятся другіе, я никогда въ тебѣ не усомнюсь» и т. д., — это совпаденіе «интернаціоналистической концепціи кн. Львова съ идеалистическими славянофильскими чаяніями» и есть подлинная причина «систематическаго бездѣйствія» вѣдомства внутреннихъ дѣлъ и «самоограниченія центральной власти». Во всякомъ случаѣ, невѣрно утвержденіе, что власть была выпущена кн. Львовымъ и захвачена соціалистическими партіями. Выпустить можно лишь то, чѣмъ обладаешь. Властью же, реальной, дисциплинированной, Временное Правительство, особенно перваго состава, не обладало, не успѣло ни организовать ее, ни вступить въ обладаніе ею.

Въ сознаніи отсутствія реальной власти, въ твердомъ ощущеніи, что все государственное управленіе держится на словѣ и опирается на моральный, только моральный авторитетъ, была и личная трагедія вождей февральской революціи, и объективная для нихъ необходимость не столько командовать и приказывать революціи, сколько ее «уговаривать», взывать, иногда завѣдомо переоцѣнивая роль слова и переубѣжденія, къ чувству и разуму, а не вооруженной силѣ, которую все равно не откуда было взять. Не по добродѣтели только, но и изъ нужды заявляло Временное Правительство въ воззваніи къ гражданамъ отъ 26 апр., составленномъ единомышленникомъ П. Милюкова покойнымъ проф. Кокошкинымъ, — что оно «ищетъ опоры не въ физической, а моральной силѣ» и, «при отказѣ отъ старыхъ насильственныхъ пріемовъ управленія и отъ внѣшнихъ искусственныхъ средствъ», кладетъ въ основу своего управленія «не насиліе и принужденіе, а добровольное повиновеніе свободныхъ гражданъ созданной ими самими власти».

Проявлять «дѣйствительную полноту власти» правительство сплошь и рядомъ не столько не хотѣло, сколько не могло. Милюковъ самъ напоминаетъ, какъ, напримѣръ, приказъ главнокомандующаго петроградскимъ округомъ ген. Половцева, отданный воинскимъ частямъ въ іюльскіе дни, «приступить немедленно къ возстановленію порядка», остался «мертвой буквой».

Въ этомъ сознаніи безсилія власти былъ секретъ и крайней «демократизаціи» арміи, и крайней внѣшней политики, и соціальнаго радикализма, даже Терещенко и Коновалова, и «очень чувствительныхъ воззваній» кн. Львова. Правительству «приходилось плыть по теченію» часто потому, что другихъ средствъ передвиженія и продвиженія — а ниже мы увидимъ, что факта продвиженія и усиленія реальной власти правительства не отрицаетъ и Милюковъ — у него не было. Это и раньше понимали даже болѣе правые, нежели П. Милюковъ, политики. За Милюковымъ въ правительствѣ шло лишь небольшое меньшинство. Даже правые В. Львовъ и Годневъ, а не только «вѣчно колебавшійся» кн. Львовъ, примкнули къ «руководящей группѣ» въ правительствѣ, къ «тріумвирату» — Керенскій, Некрасовъ, Терещенко. И когда Милюковъ предложилъ кн. Львову въ двадцатыхъ числахъ апрѣля «послѣдовательно проводить программу твердой власти, пожертвовать А. Ф. Керенскимъ и быть готовымъ на активное противодѣйствіе захватамъ власти со стороны совѣта» (В. 1, 108), — это предложеніе было настолько ирреально, что даже единомышленники Милюкова въ правительствѣ не рискнули его поддержать. Даже Гучковъ, въ качествѣ военнаго и морского министра, не менѣе, конечно, Милюкова готовый къ «активному противодѣйствію захватамъ власти», отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что нѣтъ

возможности измѣнить «условія, въ которыя поставлена правительственная власть въ странѣ». Говорить теперь, что комиссія генерала Поливанова санкціонировала проектъ совѣта солдатскихъ депутатовъ о вольностяхъ солдата «уже тѣмъ, что приняла ихъ къ разсмотрѣнію», значитъ по просту забыть ту обстановку и психологическую атмосферу, въ которой реально протекали событія въ мартѣ 17 года.

Съ другой стороны, то описаніе хаоса и случайности въ рѣшеніяхъ и дѣятельности петроградскаго совѣта, которое Милюковъ приводитъ изъ мемуаровъ одного изъ видныхъ дѣятелей Совѣта, впослѣдствіи верховнаго комиссара на фронтѣ, Станкевича, менѣе всего свидѣтельствуетъ о томъ, что власть, упущенная вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ, оказалась въ рукахъ соціалистическихъ партій. Нѣтъ, реальной власти и у нихъ не было. Бѣда была въ томъ, что въ то время въ Россіи вообще власти не было. Ею никто не обладалъ. Формально Совѣтъ того времени не столько претендовалъ на государственную власть, сколько ревновалъ правительство и соперничалъ съ нимъ въ обладаніи моральнымъ авторитетомъ. Совѣтъ относился недовѣрчиво къ личному составу правительства. Это недовѣріе питалось біографіей большинства членовъ правительства, бывшихъ врагами революціи и неожиданно очутившихся на ея гребнѣ. Оно укрѣплялось стремленіями съ ихъ стороны сохранить или отсрочить упраздненіе монархической формы правленія въ Россіи, попыткой сохранить прежнія, «старорежимныя» цѣли войны (Константинополь), оставить незыблемымъ централистически - унитарное строеніе россійской имперіи, замедлить преобразованіе ея соціальнаго строя.

Въ этомъ отношеніи П. Милюковъ самъ приводитъ

рядъ чрезвычайно показательныхъ фактовъ, напримѣръ, тотъ, что уже въ мартѣ, т. е., еще до истеченія медоваго мѣсяца революціи, авторъ «Исторіи» въ роли министра иностранныхъ дѣлъ революціоннаго правительства, «уступая большинству министровъ, согласился на опубликованіе заявленія о цѣляхъ войны, но не въ видѣ дипломатической ноты, а въ видѣ воззванія къ гражданамъ, и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя не исключали возможности его прежняго понимания задачъ внѣшней политики и не требовали отъ него никакихъ перемѣнъ въ курсѣ этой политики». То, въ чемъ теперь, «исторически» и ретроспективно, сознается авторъ маскарада, было, конечно, тотчасъ же замѣчено его политическими противниками, нашедшими выраженія документа «двусмысленными и уклончивыми» и грозившими начать кампанію противъ Временнаго Правительства...

Еще въ апрѣлѣ одинъ изъ лидеровъ совѣтской политики, Данъ, подчеркивалъ: «Мы хотимъ, чтобы было сказано ясно и опредѣленно, что въ обычномъ нормальномъ теченіи своемъ это клевета будто совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ хочетъ принять участіе въ осуществленіи государственной власти. Мы хотимъ, чтобы было сказано, что власть это — Временное Правительство». Еще 29 апрѣля на прямое приглашеніе Временнаго Правительства принять участіе въ «отвѣтственной государственной работѣ», въ качествѣ «активной творческой силы», Исполнительный Комитетъ петроградскаго совѣта отвѣтилъ отказомъ. Здѣсь сказалось опасеніе пріобщиться къ скверне буржуазной государственности. И только въ ходѣ революціи, въ частности, въ процессѣ борьбы противъ приведеннаго выше воз-

званія и его автора — министра иностранныхъ дѣлъ, соперничество Совѣта съ правительствомъ и «контроль» за нимъ приняли форму борьбы за реальную власть. Какъ разъ въ тѣ дни Совѣтъ обратился къ петроградскому гарнизону со своимъ прискорбнымъ, вскрывшимъ существованіе второго держателя власти, воззваніемъ: — «Только Исполнительному Комитету принадлежитъ право располагать вами (товарищами солдатами). Каждое распоряженіе о вызовѣ воинской части на улицу (кромѣ обычныхъ нарядовъ) должно быть отдано на бланкѣ Исполнительнаго Комитета, закрѣплено его печатью, подписано и т. д.».

Много, слишкомъ много было «подводныхъ камней», о которые суждено было разбиться русской революціи. Много, слишкомъ много было совершено русскими политическими партіями, въ томъ числѣ и соціалистическими, ошибокъ и преступленій. Но «похоти» къ власти среди этихъ грѣховъ и винъ не было. Избыткомъ воли къ власти россійская демократія не страдала. Скорѣе, наоборотъ, она страдала отъ недостатка такой воли. И въ лебединой пѣснѣ русской объединенной демократіи, въ декларацiи, оглашенной 14 августа на московскомъ государственномъ совѣщаніи, точно передано характерное для нея настроеніе — : «Революціонная демократія не стремилась къ власти, не желала монополіи для себя... Она была готова поддержать всякую власть, способную охранять интересы страны и революціи... Она стремилась организовать и дисциплинировать народныя массы для государственнаго творчества, направлять стихійныя стремленія народа-гиганта, сбрасывающаго вѣковыя цѣпи, въ русло правомѣрности, работать надъ возстановленіемъ боеспособности арміи... интересы цѣлаго ставить выше интересовъ от-

дѣльныхъ классовъ» и т. д. Но она натолкнулась на «безчисленныя противорѣчія», и въ первую очередь — на «отсутствіе навыковъ къ организованной дѣятельности»... И даже послѣ одержанной побѣды надъ возставшимъ Корниловымъ Церетели предостерегалъ петроградскій Совѣтъ: «Не переоцѣнивайте своихъ силъ! Вѣдь если заговоръ Корнилова не удался, то исключительно потому, что не былъ активно поддержанъ всей буржуазіей... Было бы величайшимъ несчастіемъ, еслибы власть попала въ руки одного лишь класса»...

Можно и должно скорбѣть о ходѣ и исходѣ русской революціи. Но нельзя этому чувству законной скорби подчинять фактическое изображеніе революціи, особенно когда оно претендуетъ быть исторіей. Только въ идеѣ разумъ всегда умудряется найти благополучный выходъ изъ положенія, Въ жизни часты положенія, для которыхъ благополучнаго исхода не дано. Такъ, увы, случилось и съ русской революціей, которой предстояло или заключить сепаратный миръ и спастись или продолжать войну и погибнуть. Она предпочла погубить себя, но сохранить свою душу, не поддаться безчестію. Можетъ быть, это было неразсчетливо, сентиментально, характерно для «славянской души». Но такъ было. Объективная безысходность положенія создала трагедію личную и коллективную, для отдѣльнаго Львова и Керенскаго и для русскаго народа въ цѣломъ. Но въ началѣ была безысходность положенія, а потомъ уже явились — субъективныя ошибки, грѣхи и трагедіи.

4.

Милюковъ правъ въ своихъ обличеніяхъ революціонной демократіи въ утопизмѣ, максимализмѣ, рас-

терянности и двойственности въ словахъ и дѣлахъ. Но тѣ же обвиненія съ неменьшимъ основаніемъ могли бы быть предъявлены и къ не-революціонной демократіи, максималистически отстаивавшей Константинополь для Россіи, когда были потеряны Варшава и Рига, утопически мечтавшей ввести въ спокойное русло революціонную стихію и растерявшейся настолько, что даже своего собственнаго превращенія изъ Савла въ Павла революціи она почти не замѣтила... Это возраженіе можетъ быть обращено къ Милюкову — участнику революціи. Къ Милюкову — историку революціи упрекъ, конечно, совсѣмъ другого порядка — : переоцѣнка имъ злой воли революціонной демократіи и недооцѣнка имъ реально данной въ 1917 году русской дѣйствительности, съ ея исторіей и географіей, соціальными связями и политической культурой. Неправильное соотношеніе въ той и другой оцѣнкѣ дѣлало ирреальными и утопическими наиболѣе, казалось бы, реалистическіе въ другой обстановкѣ планы.

Насколько подвижна и измѣнчива въ революціи психологія даже весьма квалифицированныхъ коллективовъ, насколько отклоняется она отъ обычныхъ нормъ, можно судить хотя бы по незначительному эпизоду, разсказанному Милюковымъ, изъ жизни руководимой имъ партіи. 23 іюля съѣздъ партіи к.-д. въ Москвѣ послѣ ряда «блестящихъ рѣчей» одобрилъ отказъ к.-д. войти въ коалиціонный кабинетъ Керенскаго. А черезъ 24 часа у того же съѣзда, спѣшно перенесеннаго изъ Москвы въ Петроградъ, подъ вліяніемъ другой, не менѣе блестящей рѣчи, «сложилось прямо противоположное настроеніе»...

Эта рѣчь П. Милюкова исключительно интересна и въ другомъ отношеніи.

Тогда, 24 іюля 17 года, Милюковъ-политикъ признавалъ: «Въ рядѣ выступленій самыхъ вліятельныхъ вождей соціалистическихъ теченій — такихъ, какъ Керенскій, Церетели, Черновъ, Скобелевъ и др. — можетъ считаться установленнымъ, что революція не считается соціалистической, что организованная часть демократіи составляетъ лишь поверхностный слой на океанѣ народныхъ массъ... что государство должно остановить разрушеніе промышленности стихійнымъ ростомъ рабочихъ требованій. Остается словесный споръ о томъ, слѣдуетъ ли «сохранять завоеванія революціи» или «продолжать и углублять ее». — И даже для этого словеснаго спора Милюковъ іюля 17 года находилъ справедливое примиреніе. «Безспорно, революція продолжается въ смыслѣ осуществленія тѣхъ задачъ, которыя она поставила, но революція кончена въ томъ смыслѣ, что законченъ процессъ кроваваго разрыва съ прошлымъ». Съѣздъ внялъ доводамъ своего лидера, и — «въ концѣ концовъ, убѣдился, что не было другого выхода, кромѣ попытки усилить власть изнутри, ибо путь насильственный, намеки на который уже слышались на съѣздѣ, привелъ бы лишь къ гражданской войнѣ».

Приходится констатировать, что у политика Милюкова въ іюлѣ 17 года чувство дѣйствительности было сильнѣе развито и правильнѣе выражено, чѣмъ у Милюкова-историка 18 г. Тогда онъ непосредственно ощущалъ безвыходность положенія. Конструируя же свою «Исторію», онъ былъ во власти уже совсѣмъ другихъ чувствъ. Ощущеніе объективной безвыходности смѣнилось чувствомъ раздраженія противъ субъективныхъ виновниковъ срыва революціи. И его «Исторія» оказалась не только, употребляя слова Милюкова по

другому адресу сказанныя, матеріаломъ лица, «ведущаго собственную защиту передъ потомствомъ», но и обвинительнымъ актомъ, составленнымъ подъ маской исторіи, противъ политическихъ противниковъ. Направленный противъ всей лѣвой «революціонной демократіи» и заостренный спеціально противъ Керенскаго, этотъ обвинительный актъ, какъ и всякій другой, не только одностороненъ и несправедливъ, но и противорѣчивъ.

Изъ многихъ противорѣчій мы остановимся для иллюстраціи только въ одномъ, — на оцѣнкѣ Милюковымъ характера правительственной власти за время революціи.

Параллельно съ обвиненіемъ соціалистическихъ партій въ захватѣ власти, правительства всѣхъ составовъ обвиняются Милюковымъ въ бездѣйствіи власти. Обвиненіе поддерживается по обоимъ пунктамъ («захватъ» и «бездѣйствіе власти») по отношенію къ обоимъ подсудимымъ (соціалисты и правительство) даже и тогда, когда, по мнѣнію обвинителя, захватъ уже произошелъ, а оба обвиняемыхъ слились почти воедино, — правительство почти всецѣло подпало подъ монопольное вліяніе соціалистовъ. Милюковъ различаетъ три фазиса бездѣйствія власти, пройденные революціонными правительствами: бездѣйствіе безсознательное и наивное (кн. Львовъ); бездѣйствіе, основанное на убѣжденіи (политика Церетели) и бездѣйствіе, прикрывающееся фразой (Керенскій). Но факты, которые приводитъ самъ же Милюковъ, рѣзко противорѣчатъ этой картинѣ сплошного и огульнаго бездѣйствія революціонной власти.

Поскольку и Милюковъ различаетъ степени и тенденціи, и онъ вынужденъ признать фактъ постепеннаго

усиленія власти революціоннаго правительства, прогрессивно возраставшаго вплоть до новаго распыленія... послѣ Корниловскаго возстанія Онъ долженъ признать, что событія 21-22 апрѣля — отставка Милюкова - министра иностранныхъ дѣлъ — явились поворотнымъ пунктомъ для «пріятія войны» и «пріятія власти» соціалистами, руководившими политикой Совѣтовъ. «Юные энтузіасты зачастую тутъ впервые поняли, пишетъ Милюковъ, что дѣйствительность не поддается передъ ихъ волевыми усиліями, что препятствія для осуществленія ихъ безплотныхъ идеаловъ вовсе не проистекаютъ изъ недобросовѣстности и изъ злой воли «буржуазной» власти, а изъ реальныхъ условій этой самой дѣйствительности». Милюковъ разсказываетъ, какъ передъ тысячной толпой делегатовъ 1-го съѣзда Совѣтовъ выступали министры соціалисты и «вмѣсто демагогическихъ призывовъ старались цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ охладить пылъ неосвѣдомленной «революціонной демократіи» и свести ее съ заоблачныхъ высотъ соціалистической теоріи въ міръ трезвой дѣйствительности... Церетели — и въ особенности Черновъ — настойчиво повторяли теперь сами то, въ чемъ тщетно убѣждалъ ихъ раньше П. Н. Милюковъ: именно, что нельзя «ультиматумами» заставить союзныя правительства принять тезисы Циммервальда и Кинталя... Церетели долженъ былъ говорить о необходимости имѣть боеспособную армію и о томъ, что, по военнымъ соображеніямъ, этой арміи, быть можетъ, придется въ моментъ, ему неизвѣстный и составляющій военную тайну, перейти въ наступленіе. Керенскій выступилъ съ обличеніями противъ братанія на фронтѣ.... Скобелевъ и Черновъ указывали на невозможность для государства взять на свои плечи организацію производ-

ства. Онъ доказывалъ также нелѣпость большевистскаго рѣшенія національныхъ вопросовъ путемъ возбужденія сепаратизмовъ. И даже — онъ признавалъ невозможнымъ рѣшить аграрный вопросъ путемъ организованнаго захвата земель... Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ говорили министры труда и продовольствія...» (В. 1, 206).

Правительство хотѣло быть сильнымъ, — вынужденъ признать Милюковъ, тутъ же прибавляющій, впрочемъ, что глава Правительства, Керенскій, хотѣлъ сильнымъ лишь казаться (В. II, 127). «И въ самомъ дѣлѣ, вторая коалиція въ первыя недѣли своего существованія проявила умѣніе и готовность исправить многія ошибки первой коалиціи, — отмѣчаетъ авторъ, забывая лишь подчеркнуть, что всего недѣлями исчерпывалось и самое существованіе каждаго изъ правительствъ февральской революціи. Уже съ начала іюля власть правительства стала крѣпнуть въ національныхъ и внутреннихъ вопросахъ. «Изъ создавшагося конфликта съ Финляндіей Временное Правительство (новаго состава) нашло вполнѣ конституціонный выходъ.. Въ украинскомъ вопросѣ оно вышло изъ затрудненій еще болѣе удачно, чѣмъ въ вопросѣ финляндскомъ»... «То обстоятельство, что правительство смогло провести рѣшеніе о созывѣ Государственнаго Совѣщанія въ Москвѣ, а Совѣты стерпѣли его, показывало, дѣйствительно, какъ глубоко измѣнилось соотношеніе силъ послѣ вооруженнаго возстанія 3-5 іюля и прорыва, въ ближайшіе дни, русскаго фронта (въ Тарнополѣ)». Можно прибавить, что изъ справки, опубликованной ставкой Верховнаго Главнокомандованія на 19 сентября 17 года видно, что переброска нѣмецкихъ войскъ съ русскаго на французскій фронтъ совершенно прекратилась во

второй половинѣ мая; къ началу іюньскаго наступленія соотношеніе силъ стабилизовалось на обычной нормѣ, а въ іюлѣ и августѣ общее количество австро-германскихъ войскъ на русскомъ фронтѣ даже увеличилось на девять дивизій и 640 тяжелыхъ орудій, правда, качественно болѣе слабыхъ.

Къ концу августа власть замѣтно для всѣхъ стала крѣпче и организованнѣе. Совѣты утрачивали свое вліяніе, будучи вытѣсняемы органами земскаго и городского самоуправленія, избранными на основѣ всеобщаго голосованія. «Правы тѣ, кто указывалъ, что Совѣты два мѣсяца тому назадъ были сильнѣе. Мы, дѣйствительно, стали слабѣе, — говорилъ послѣ іюльскаго кризиса власти наиболѣе авторитетный лидеръ Совѣтовъ Церетели. Соотношеніе силъ измѣнилось не въ нашу пользу». И этотъ самый моментъ силы, жаждавшія ударить по лѣвому, большевистскому хвосту февральской революціи, выбрали для того, чтобы ударить по центру, по правительству, «бездѣятельному и колеблющемуся». И только начавшая выпрямляться и крѣпнуть власть снова утратила съ такимъ тяжкимъ трудомъ добытое равновѣсіе. Вынужденное опереться и на большевицкое охвостье въ борьбѣ противъ ген. Корнилова, правительство революціи пало жертвой этого охвостья.

5.

Неудача корниловскаго возстанія въ концѣ августа была, хронологически и политически, ближайшей причиной большевицкой удачи въ октябрѣ 17 года.

Конструируя исторію революціи, П. Н. Милюковъ приписываетъ обывателю, что это онъ, — «видя безсиліе и связанность данной власти, начиналъ искать другой, настоящей. И, смотря по политическому настроенію, за Керенскимъ уже вырисовывались — либо Корниловъ, либо Ленинъ»... Надо ли подчеркивать, что эти настроенія и поиски гораздо сильнѣе были среди политиковъ опредѣленнаго толка, нежели среди обывателей. Не обыватель придумалъ формулу, до сихъ поръ еще пользующуюся успѣхомъ въ опредѣленныхъ правыхъ кругахъ даже эмиграціи — лучше ленинцы, чѣмъ полуленинцы, лучше волевые коммунисты, чѣмъ безвольные и «постоянно колеблющіеся» соціалисты. Не обыватель, а «русскіе общественные круги, въ частности кадеты, обѣщали намъ свою полную поддержку, — читаемъ мы у сподвижника ген. Корнилова ген. Деникина («Очерки Русской Смуты». Т. II, стр. 33). Мы были у Милюкова и Рябушинскаго. И та, и другая группа обѣщали поддержку у союзниковъ, въ правительствѣ, въ печати и деньгами»...

П. Милюковъ разсказываетъ въ своей «Исторіи» о все возраставшемъ «нетерпѣніи патріотически настроенныхъ группъ»; о томъ, что одно время на роль замѣстителя правительства выдвигался, ставшій впослѣдствіи верховнымъ правителемъ Сибири, адм. Колчакъ, причемъ, «конечно(!), замѣна мыслилась въ иномъ порядкѣ, чѣмъ порядокъ переговоровъ и соглашеній съ органами революціонной демократіи»... Къ іюню, *)

*) Въ интереснѣйшихъ "Запискахъ" покойнаго ген. Врангеля, срокъ подготовки заговора относится даже къ **апрѣлю** 17 г. Уже на второй мѣсяцъ послѣ революціи бар. Врангелю, графу Палену и др. "удалось раздобыть кое-какія средства. Мы организовали небольшой штабъ, прочно наладили связь со всѣми военными училищами и нѣкоторыми воинскими частями, расположенными въ столицахъ и пригородахъ, организовали рядъ боевыхъ

во всякомъ случаѣ не позднѣе іюля, относится подготовка переворота, въ которой приняли участіе Шульгинъ, В. Н. Львовъ, полковникъ Новосильцевъ, оренбургскій казачій атаманъ Дутовъ, позднѣе признавшійся, что между 28 августа и 2 сентября въ Петроградѣ долженъ былъ выступить онъ самъ, «подъ видомъ большевиковъ», т. е., съ провокаціонной цѣлью. Цитируя записки Винберга (одного изъ участниковъ мюнхенскаго кружка монархистовъ, вдохновившихъ покушеніе на убійство Милюкова, при которомъ былъ убитъ Набоковъ), — авторъ «Исторіи» описываетъ, какъ между находившимися въ Петроградѣ офицерами - заговорщиками были распредѣлены роли для захвата броневыхъ автомобилей, ареста Временнаго Правительства, ареста и казней наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ членовъ совѣта и т. д. (В. II, 171).

Post hoc обнаружилось, какой утопіей и химерой была затѣя сочувствовавшихъ выступленію Корнилова круговъ. По сравненію съ ней «путчъ» Каппа въ Германіи — верхъ обдуманности и совершенства. П. Н. Милюковъ, въ заботѣ о своей политической прозорливости, очень умно дѣлаетъ, когда напоминаетъ, что въ личной бесѣдѣ съ Корниловымъ въ Москвѣ онъ еще 13 августа предупреждалъ Корнилова о несвоевременности борьбы съ Керенскимъ. Но исторически, въ поискахъ причины октябрьской катастрофы, онъ находитъ ее не въ нецѣлесообразности и даже не въ несвоевременности выступленія Корнилова, а въ «положеніи, которое создалъ своей борьбой съ Корниловымъ Керенскій». Сводя всѣ разъѣдавшія революцію

офицерскихъ дружинъ. Развѣдку удалось поставить отлично. Былъ разработанъ подробный планъ занятія главнѣйшихъ центровъ города и захвата всѣхъ мѣстъ, которыя могли бы оказаться опасными".

противорѣчія и конфликты къ личной альтернативѣ: Корниловъ или Ленинъ, — авторъ «Исторіи» крушеніе февральской революціи сводитъ къ тому же субъективному моменту — Керенскій, «не желавшій попасть въ руки Корнилова» *), попалъ въ руки Ленина. «Понималъ ли Керенскій, что объявляя себя противникомъ Корнилова, онъ выдаетъ себя и Россію съ руками Ленину?»

Въ тотъ моментъ, когда Корниловъ выступилъ противъ Керенскаго, врядъ-ли многіе понимали, что объективно это выступленіе равнозначно выступленію въ пользу большевиковъ. Во всякомъ случаѣ, Керенскій не могъ не объявить себя противникомъ Корнилова: и не потому только, что ему лично ставка готовила «нечаянное» убійство, но и потому, что солидаризація Керенскаго съ Корниловымъ не Корнилова укрѣпила бы, а безповоротно губила бы Керенскаго. О корняхъ корниловскаго движенія и сочувствіи къ нему со стороны «обывателя» можно судить по молніеносности и безкровности, съ которой его ликвидировали. Тотъ же атам. Дутовъ говорилъ: «Я бѣгалъ въ экономическій клубъ (контръ - революціонная организація въ Петроградѣ, возглавлявшаяся Крупенскимъ) звать выйти на улицу, да за мной никто не пошелъ»... О вліяніи же Керенскаго, особенно на армію, не заблуждается и Милюковъ. Онъ указываетъ, что и «во время московскаго совѣщанія всѣмъ было ясно, что Керенскій, несмотря на провалъ,

*) "Ординарецъ" ген. Корнилова, проходимец Завойко, едва ли не главный инстигаторъ всего Корниловскаго заговора и выступленія, говорилъ "честному маклеру" В. Н. Львову: "Развѣ Корниловъ можетъ поручиться за всякій шагъ Керенскаго? Выйдетъ онъ изъ дому, ну и убьютъ его... Ничего ужаснаго нѣтъ! Его смерть необходима, какъ вытяжка возбужденному чувству офицерства" (В. П. 197).

все-таки не потерялъ еще того обаянія, которымъ пользовался ранѣе», и что даже послѣ корниловщины Керенскій оставался «при всѣхъ оговоркахъ единственнымъ изъ видныхъ политиковъ, которому еще вѣрила армія». Спрашивается, кто выдавалъ въ такомъ случаѣ Россію Ленину, тѣ ли, кто объявляли себя противниками Корнилова, или тѣ, кто въ данной обстановкѣ, объявляли себя противниками «единственнаго» человѣка, которому еще вѣрила армія?

Трудно сказать, кто сильнѣе ненавидѣлъ Временное Правительство, возглавлявшееся Керенскимъ, — правые ли, сочувствовавшіе Корнилову, или большевики. Но большевики отдавали себѣ отчетъ въ обстановкѣ и, отмѣнивъ назначенное ими выступленіе, подставили подъ удары Корнилова, вмѣсто себя, ненавистное имъ правительство Керенскаго. Корниловъ же не понималъ политическаго положенія — онъ вообще «по части государственно - правовыхъ понятій былъ слабъ», по характеристикѣ Милюкова, —съ тѣмъ же азартомъ, который былъ у него накопленъ противъ большевиковъ, онъ обрушился на единственно возможное антибольшевитское правительство, заподозрѣнное имъ въ попустительствѣ большевизму. Въ итогѣ — пораженіе Корнилова оказалось побѣдой не столько для правительства, сколько для третьяго радующагося, для большевиковъ. Исторически это неоспоримо, и лишь политически можно «интерпретировать» и «конструировать» ходъ событій иначе.

Излагая ходъ конфликта между Керенскимъ и Корниловымъ, Милюковъ особенно часто прибѣгаетъ къ психологическому анализу и догадкамъ о томъ, что каждый изъ главныхъ участниковъ драмы «видимо» думалъ, «вѣроятно» предполагалъ, «повидимому» учи-

тывалъ. Пригоденъ ли такой психологическій ключъ для историческаго познанія, и удобно ли П. Н. Милюкову какъ разъ въ данномъ случаѣ пользоваться этимъ «ключемъ»? Милюковъ, выступавшій, правда неудачно, посредникомъ между Керенскимъ и Корниловымъ, какъ будто бы по одному этому, не говоря уже о партійно-политической заинтересованности, въ лучшемъ случаѣ могъ бы быть свидѣтелемъ въ дѣлѣ, а никакъ не адвокатомъ или прокуроромъ и тѣмъ болѣе слѣдователемъ. Достаточно прочесть страницы, посвященныя въ «Исторіи» характеристикѣ Керенскаго, чтобы убѣдиться въ томъ, что политика въ ней играетъ большую роль, нежели подлинная исторія, и что Милюковъ игралъ слишкомъ большую роль въ событіяхъ февральской революціи для того, чтобы быть ея нелицепріятнымъ историкомъ. Въ описаніи конфликта Корнилова съ Керенскимъ въ «Исторіи» особенно явственно проступаетъ печать времени и мѣста ея составленія — Ростовъ на Дону, конца 1917 и начала 1918 годовъ, обороняемый генераломъ Корниловымъ.

6.

П. Н. Милюкова не удовлетворила, однако, роль «историка - современника». Онъ захотѣлъ стать одновременно и «будущимъ историкомъ» — сначала для иностранцевъ, а потомъ и для русскихъ. Отсюда его „Russia to-day and to-morrow“ 1922 „Russlands Zusammenbruch“ 25 г. и «Россія на переломѣ». — Большевицкій періодъ русской революціи 1927 г. Въ нихъ авторъ уже болѣе «фаталистически» — или менѣе политически предвзято — выясняетъ «неизбѣжный характеръ» революціонныхъ событій, выводя ихъ изъ

трудностей войны и хозяйственной разрухи, изъ неподготовленности населенія къ практикѣ народовластія, изъ запоздалости національныхъ и соціальныхъ реформъ, изъ малокультурности, необразованности и т. д.

«Россія на переломѣ» свободна отъ упрека, который со всѣмъ основаніемъ былъ нами обращенъ къ «Исторіи русской революціи»; она не ограничивается политической стороной революціи и касается событій, не только въ Петроградѣ происходившихъ. «Большевицкій періодъ русской революціи» изображенъ П. Н. Милюковымъ гораздо болѣе исторично, близко къ дѣйствительности и объективно, чѣмъ періодъ до-большевицкій. Время и мѣсто написанія книги наложили свою печать и въ данномъ случаѣ.

Авторъ проводитъ различіе между «отрицательной и положительной сторонами революціоннаго процесса, между его преходящими и временными фазами — и его постояннымъ, внутреннимъ значеніемъ», между «разрушительной» стороной революціи и «конструктивной». Онъ заранѣе допускаетъ и оправдываетъ «переоцѣнку нѣкоторыхъ явленій, получившихъ болѣе объективное освѣщеніе въ свѣтѣ исторической перспективы», какъ свидѣтельство отсутствія съ его стороны «слѣпоты и приверженности къ личнымъ увлеченіямъ или заблужденіямъ».

Отходъ отъ «бѣлой борьбы» послѣ ея «вырожденія» при ген. Врангелѣ и «новая тактика» выпрямили кругозоръ Милюкова, заставили его болѣе объективно отнестись къ «общимъ, партійнымъ и личнымъ» причинамъ, опредѣлившимъ ходъ революціи, и соотвѣтственно съ этимъ нѣсколько справедливѣе оцѣнить и «поведеніе отдѣльныхъ лицъ и политическихъ партій». Теперь и Милюковъ призналъ, что «Корниловъ

оказался въ рукахъ правыхъ организацій, не преслѣдовавшихъ еще, правда, опредѣленной цѣли реставраціи и лишь мечтавшихъ о созданіи диктаторской власти. Но, конечно, правы тѣ, кто утверждаетъ, что элементы, собравшіеся въ этихъ организаціяхъ, уже съ самаго начала были тѣмъ, чѣмъ они оказались впослѣдствіи: элементами реакціонными. Здѣсь уже тогда зрѣла оппозиція не только противъ излишествъ революціи, но и противъ самой революціи» (т. II, стр. 9).

Это не значитъ, однако, что Милюковъ въ «Россіи на переломѣ», особенно въ томѣ 1-мъ, измѣнилъ свое отношеніе къ «лѣвымъ элементамъ» и къ ихъ роли въ февральской революціи. Онъ ни въ малой мѣрѣ не аннулируетъ, не отказывается и даже не отмежевывается отъ своей малоудачной «Исторіи русской революціи». Наоборотъ, всюду ссылается на нее, скрѣпляя эти ссылки ссылками на «Записки о революціи» Ник. Суханова...

Политическую позицію этого крайняго интернаціоналиста «далеко налѣво отъ совѣтскаго центра, но въ то же время не съ большевиками», Милюковъ мужественно сравниваетъ со своей собственной позиціей — «направо отъ совѣтскаго центра, но не съ правыми элементами буржуазіи», которая ставила его «въ аналогичное положеніе съ другой стороны. Неудивительно, что въ характеристикѣ положенія совѣтскаго центра мы часто сходимся». И нимало не смущаясь этимъ неожиданнымъ сходствомъ, несмотря на «всю непріемлемость точки зрѣнія Суханова и обиліе фантастическихъ неточностей (!)», Милюковъ рекомендуетъ семь сухановскихъ томовъ въ качествѣ «полезнаго дополненія къ моему собственному изложенію въ трехъ томахъ», т. е. къ разобранной нами выше «Исторіи русской революціи».

Милюковъ заранѣе предвидитъ одинаковое отношеніе со стороны критики къ тому, въ чемъ его позиція сходится съ позиціей его, казалось бы, антипода Суханова, т. е. къ ихъ согласной характеристикѣ «совѣтскаго центра», подъ которымъ разумѣются умѣренныя соціалистическія группы. Наша критика «Исторіи русской революціи» сохраняетъ такимъ образомъ все свое значеніе и послѣ появленія «Россіи на переломѣ». Слѣдуя примѣру Милюкова, мы можемъ только отослать читателя къ нашему слѣдующему очерку о сухановскихъ «Запискахъ» для того, чтобы убѣдить читателя въ совершенной непріемлемости характеристики, которую даютъ февральской революціи и виднѣйшимъ ея дѣятелямъ оба историка.

Не касаясь отдѣльныхъ фактическихъ неточностей «Россіи на переломѣ», — давшихъ С. П. Мельгунову поводъ написать спеціальную книжку: «Гражданская война въ освѣщеніи М. Н. Милюкова». Парижъ 1929 г., въ свою очередь далеко не всегда свободную отъ «неточностей» всякаго рода, — мы остановимся здѣсь лишь на исходной и общей точки зрѣнія П. Н. Милюкова, какъ «будущаго историка». Какъ сказано, она существенно отличается отъ точки зрѣнія «историка - современника», «ближайшаго участника» описываемыхъ событій.

«Россія на переломѣ» страдаетъ уже чрезмѣрно фаталистическимъ подходомъ къ исторіи вообще и исторіи революціи въ частности. Ибо, по новѣйшему истолкованію П. Н. Милюкова, — «Русская революція не была бы революціей, если бы она остановилась на первой стадіи и не дошла до крайностей». У «всѣхъ настоящихъ революцій», оказывается, есть своя судьба, а именно — «продѣлать всѣ стадіи». Или иначе: не

продѣлай русская революція своей октябрьской «стадіи», и П. Н. Милюковъ, очевидно, не призналъ бы ее за «настоящую». «Пока не пройдены всѣ естественныя стадіи, революція должна (подчеркнуто Милюковымъ) слѣдовать своему неизбѣжному курсу и не можетъ остановиться на серединѣ. Революціонный пожаръ долженъ выжечь до тла все, что уцѣлѣло отъ низвергаемаго порядка, — не только всѣ учрежденія, но и всѣ пережитки психологіи» (т. 1, стр. 40-41).

Такое построеніе возбуждаетъ не одинъ, а рядъ вопросовъ.

Если «полѣвѣніе» общій законъ всѣхъ революцій, тогда не такъ ужъ какъ будто виноваты столь неугодные Милюкову «лѣвые элементы»?

Если послѣ того, какъ революція происходитъ, историческая правота перемѣщается политически, справа налѣво, то вѣдь не только крайніе лѣвые оказываются исторически наиболѣе оправданными, но и «совѣтскій центръ» февральской революціи, т. е. заушаемые Милюковымъ, вмѣстѣ съ Сухановымъ, умѣренные соціалисты исторически оказываются болѣе правы, чѣмъ, скажемъ, кадеты. Это ли хотѣлъ сказать лидеръ кадетской партіи, въ качествѣ «будущаго историка» Россіи?...

Пусть правъ П. Н. Милюковъ, и «раньше, чѣмъ стать большевицкой, Россія созрѣла для большевизма»! Но въ томъ, что Россія для большевизма созрѣла, повинны вѣдь и тѣ, кто прямо или косвенно способствовали — сначала политически — срыву Февраля, а потомъ — исторіософически — частичному оправданію Октября! Вѣдь если бы П. Н. Милюковъ дѣйствовалъ иначе въ 17-мъ году, какъ политикъ, быть можетъ, и сейчасъ, въ качествѣ историка, не пришлось бы ему

становиться на сверхъ - или предъ - историческую точку въ изображеніи революціи по образцу древнегреческой судьбы - мойры!

И кто знаетъ, если бы слова Бьюкенена — «мы должны считаться съ тѣмъ, что перевѣсъ сейчасъ на сторонѣ соціализма; если мы хотимъ заручиться поддержкой для успѣшнаго окончанія войны, то должны привлечь его симпатіи» — служили регулятивомъ для Милюкова, какъ безсмѣннаго лидера своей партіи и министра иностранныхъ дѣлъ перваго, рѣшающаго фазиса февральской революціи, можетъ быть, и цитировать эти слова, сказанныя Альберу Тома, онъ сталъ бы совсѣмъ въ другомъ контекстѣ....

Ходъ и исходъ русской революціи отъ того не стали бы, вѣроятно, иными. Несомнѣнно инымъ было бы, однако, изображеніе П. Н. Милюкова и Россіи на переломѣ, и, тѣмъ болѣе, Исторіи русской революціи.

ФЕВРАЛЬ ВЪ «ЗАПИСКАХЪ О РЕВОЛЮЦІИ» НИК. СУХАНОВА.

1.

Среди появившихся доселѣ трудовъ о русской революціи однимъ изъ наиболѣе значительныхъ являются «Записки о революціи» Ник. Суханова. Онѣ представляются значительными не только по объему: семь томовъ, свыше 2.700 страницъ... Онѣ значительны и по своему содержанію. Авторъ въ правѣ сказать, что онъ видѣлъ и помнитъ многое, что было недоступно и что осталось неизвѣстнымъ современникамъ и даже сопричастникамъ русской революціи. Онъ правильно считаетъ періодъ съ 27 февраля по 27 октября семнадцатаго года не только эпохой революціи, но и «опредѣленной и законченной эпохой государства россійскаго».

Авторъ съ первыхъ же словъ предупреждаетъ: — «неправильно, несправедливо, нельзя принимать эти «записки» за «исторію», даже за «самый бѣглый и непритязательный историческій очеркъ». Не надо переоцѣнивать работы. Она — «плодъ не размышленія, и еще меньше изученія». Это — «ремарки, случайныя замѣтки, писанныя между дѣломъ», «изъ принципа отвергающія пользованіе всякими матеріалами».

Это — «личныя воспоминанія», полныя «субъективизма» «чернорабочаго литератора», не имѣющаго «красокъ, достойныхъ чудесной эпохи» и потому скромно отказывающагося дать хотя бы даже «изобразительный разсказъ»... И по формѣ пусть это будетъ — « не исторія и не публицистика, и не беллетристика; пусть это и то, и другое, и третье — въ безпорядочной чредѣ въ случайныхъ и уродливыхъ пропорціяхъ. Пусть!».

Не будемъ ловить автора на противорѣчіяхъ. Какъ это нѣтъ «красокъ» даже для изобразительнаго разсказа» и — «беллетристика»? Не плодъ размышленія и — публицистика? Принципіальный отказъ отъ пользованія матеріалами и въ то же время — исторія? — Это просто особая манера автора и особый тактическій пріемъ. Авторъ оцѣнилъ преимущества свободной отъ литературныхъ рамокъ и условностей формы. И кокетничая своею скромностью, заранѣе признавая и даже преувеличивая свои недостатки, онъ хочетъ освободить себя отъ всякихъ обязательствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ лишить права требованій. Что ни извлечетъ послѣ этого читатель, за все долженъ быть благодаренъ автору, все явится пріятнымъ сюрпризомъ, ибо самъ авторъ вѣдь ничего не обѣщалъ, отъ всего предостерегалъ...

Существуютъ трудныя литературныя формы. Онѣ обязываютъ, можетъ быть, къ слишкомъ многому. Но положеніе, которое рѣшительно ни къ чему писателя не обязывало бы, врядъ ли вообще существуетъ. И, формально освободивъ себя отъ всякихъ обязательствъ, Сухановъ фактически возложилъ на себя сразу еще нѣсколько; по существу отягчилъ и свое заданіе, и свое положеніе. «Замѣшивая» воедино исто

рическій фактъ съ публицистической тенденціей и художественнымъ (беллетристическимъ) вымысломъ, — авторъ явно подрываетъ значеніе каждаго изъ составляющихъ «Записки» элементовъ въ отдѣльности и всего труда въ цѣломъ. Обращаясь къ «Запискамъ», какъ къ исторіи революціи, придется опасаться Суханова - публициста, а наипаче — беллетриста. Пользуясь «Записками», какъ публицистикой, необходимо учитывать періодъ исторіи, протекшій между самыми событіями и оцѣнкой ихъ въ воспоминаніяхъ. Словомъ, несвязанность литературной формой и широта «Записокъ» — по существу суживаютъ ихъ значеніе, ограничивая ихъ цѣнность и для историка, и для политика, и для беллетриста. Это касается метода. По выполненію же — для художественныхъ воспоминаній «Записки» слишкомъ громоздки, тяжелы, а мѣстами — особливо томы III - У1 — и скучны. Для исторіи — изъ «Записокъ» мы узнаемъ, что друзья и соратники Суханова считали его судьбою отмѣченнымъ «совѣтскимъ исторіографомъ» — «Записки» слишкомъ пристрастны и «беллетристичны». Для публицистики — утомительно однообразны и многословны. Но изъ всѣхъ трехъ видовъ литературы «Записки», конечно, прежде всего и больше всего — публицистика! Можно сказать, что исторія и беллетристика подчинены публицистикѣ, служатъ для нея то фономъ, то узоромъ.

Сухановъ многократно подчеркиваетъ свой «принципъ» — писать не исторію, а «все, что я помню и какъ я помню». «Записки», утверждаетъ онъ, — «плодъ памяти»; и только памяти; «случайные и неполные комплекты одной - двухъ газетъ призваны лишь будить память и избавлять изложеніе отъ хро-

нологической путанницы. Читатель легко убѣдится въ томъ, что фактически дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Въ большей мѣрѣ это справедливо относительно первыхъ трехъ томовъ, заключающихъ періодъ, когда въ силу случая — или рока — Сухановъ очутился въ «нѣдрахъ революціи», гдѣ ему пришлось играть одну изъ первыхъ ролей — глашатая и вождя. Но, въ мѣру умаленія роли и вліянія Суханова, падаетъ и роль его памяти, какъ источника Записокъ о революціи. Автору явно не удается удержаться въ рамкахъ описанія того, чему свидѣтелемъ его судьба поставила. Событія увлекаютъ его, и отъ «воспоминаній» онъ открыто переходитъ къ пересказу съ чужихъ словъ. Повѣствуется уже не о томъ, что видѣли глаза самого Суханова, а обсуждаются различныя — преимущественно, враждебныя — точки зрѣнія. Чаще фигурируютъ документы, начинаютъ мелькать извлеченія изъ газетъ, появляются ссылки на другія появившіеся въ печати работы о революціи. Безотвѣтственныя «Записки» принимаютъ явственныя очертанія апологіи и полемики, переходящей въ обвинительный актъ и прямой памфлетъ противъ лицъ, группъ, партій и классовъ. Исторія окончательно растворяется въ публицистикѣ. Свидѣтель и мемуаристъ оказывается стороной въ политическомъ дѣлѣ, то обороняющейся, то переходящей въ нападеніе страстно, яростно, — иногда до остервенѣнія.

Сухановъ и не скрываетъ своей запальчивости и раздраженія, вызываемаго въ немъ «меньшевистски-эсеровскимъ правящимъ блокомъ» и его лидерами, въ частности и въ особенности — Керенскимъ и Церетели... «Даже четыре безъ малаго года большевицкой власти не могли стереть въ моемъ мозгу всей го-

речи воспоминаній объ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ нѣкогда во главѣ революціи. Да не будутъ легкимъ пухомъ эти четыре года на этой политической могилѣ» (т. У1, 31). Поистинѣ нужно имѣть исключительный «мозгъ», чтобы все пережитое не изгладило былого раздраженія, ненависти и злобы!... Но Сухановъ таковъ и, повторяю, не скрываетъ этого. Открытый взглядъ могъ бы составить достоинство автора, еслибы рѣсницы его глазъ излишне часто не опускались произвольно долу, и авторъ не подчеркивалъ бы съ такою подозрительной настойчивостью дурныя свойства своего, дѣйствительно, «мало пріятнаго характера»...

Самолюбованіе для Суханова не поза, а естественное положеніе, о чемъ бы и о комъ бы онъ ни говорилъ. Онъ не только презираетъ окружающихъ. Онъ и чрезвычайно высокаго мнѣнія о себѣ, прежде всего, конечно, какъ о политическомъ дѣятелѣ. Оговорки и «самоуничиженіе» только средства оттѣнить цѣломудренную скромность. И лишь изрѣдка природа беретъ свое, и авторъ обнаруживаетъ свое подлинное лицо. — Либо окажется, что семнадцатый годъ выдвинулъ всего одного политика, который понималъ, чего онъ хочетъ, — Милюкова, *) — да и тотъ терпитъ одно пораженіе за другимъ отъ Суханова. Либо скромный авторъ сопоставитъ неожиданно свои «Записки» съ ламартиновской «Исторіей жирондистовъ» и признаніемъ «невысокаго полета книги Ламартина» незамѣтно подчеркнетъ высокія достоинства собственнаго труда. Либо, каясь въ ошибкахъ и преступленіяхъ, онъ изыщетъ такое свое «самое большое и несмываемое преступле-

*) Видимо, Н. Сухановъ оцѣнилъ П. Милюкова до того, какъ послѣдній сталъ къ Суханову "въ аналогичное положеніе съ другой стороны".

ніе», что точно непорочность свою демонстрируетъ, а не въ грѣховности кается.

Всю условность сухановскихъ «воспоминаній» и предѣлы ихъ отклоненія отъ дѣйствительности подъ вліяніемъ политическаго «субъективизма» можно иллюстрировать на слѣдующемъ. Чтобы въ условіяхъ совѣтской Россіи написать семь томовъ, даже не прибѣгая къ матеріаламъ, все - таки нужно было время. Какъ быстро ни готовилъ свои томы Сухановъ, все-таки между первымъ, помѣченнымъ іюль - ноябрь 1918 г., и послѣднимъ, помѣченнымъ іюнь - августъ 1921 г., прошло безъ малаго три года. И хотя объективно отошедшій въ исторію семнадцатый годъ оставался въ теченіе всего этого срока безъ измѣненій, «воспоминанія» о немъ и оцѣнки находились въ прямой зависимости отъ времени, когда тотъ или другой томъ составлялся.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что и гнѣвъ, и милость Суханова — простая «функція» — большевицкаго періода русской исторіи. Но что время написанія оказало прямое вліяніе на освѣщеніе людей и событій, на распредѣленіе свѣтотѣни и изображеніе всей политической перспективы, — этого отрицать невозможно. Еслибы нужны были примѣры, — достаточно сопоставить почти восторженное отношеніе автора къ своему политическому «крестному отцу» Л. Мартову въ первыхъ книгахъ «Записокъ» и желчное негодованіе, близкое къ презрѣнію, за пассивность, нерѣшительность и теоретичность — въ заключительномъ томѣ. Въ чемъ дѣло?.. Почему Мартовъ — «одна изъ немногихъ единицъ, именами которыхъ характеризуется наша эпоха», по оцѣнкѣ Суханова, — въ октябрѣ 17-го года не равенъ Мартову въ іюлѣ или августѣ того же года? Причина, конечно, не

въ изображаемомъ субъектѣ. Первые томы написаны тогда, когда Сухановъ считалъ себя «единомышленникомъ, политическимъ другомъ» Мартова и являлся «фактическимъ сотрудникомъ по работѣ въ Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи (меньшевиковъ)»; когда онъ питалъ «надежду, почти увѣренность» остаться соратникомъ Мартова «и въ будущемъ, чреватомъ новыми событіями мірового значенія». Но прошло полтора года, Сухановъ еще не дописалъ своихъ «Записокъ», а ему уже «пришлось разорвать съ партіей Дана и Мартова въ результатѣ глубокаго, принципіальнаго расхожденія» (т. Ш, 133)...

Мѣняются времена и мы съ ними, вмѣстѣ съ нашими сужденіями о текущемъ и даже «воспоминаніями» объ истекшемъ... — Лишній примѣръ невозможности писать исторію въ пылу еще не угасшихъ страстей, въ шумѣ еще не отзвучавшихъ политическихъ битвъ. Аполлоново и Діонисіево начала русской революціи — ликъ божественный, упоенный восторгомъ и всепрощеніемъ, и ликъ звѣриный, искаженный злобой и судорогой, — еще ждутъ своихъ истолкователей и историковъ.

Сухановъ хотѣлъ, конечно, воспѣть русскую революцію. Съ нимъ приключилось, однако, нѣчто обратное тому, что произошло съ библейскимъ пророкомъ Валаамомъ. Тотъ вышелъ для того, чтобы проклясть израильскій народъ, и кончилъ тѣмъ, что благословилъ его. Сухановъ, наоборотъ, вышелъ для благословенія, а кончилъ тѣмъ, что больше, чѣмъ многіе, далъ основанія для проклятія и русской революціи, и русской демократіи. Для враговъ той и другой «Записки» Суханова безцѣнный и неистощимый кладъ. Они широкими пригоршнями будутъ черпать изъ не-

го и сейчасъ, и въ будущемъ. Ибо на Сухановѣ почіетъ благодать не только совѣтскаго исторіографа, но и активнаго участника и псалмопѣвца революціи. Нужды нѣтъ, что Сухановъ нападаетъ на русскія «межеумочныя» право - демократическія и право - соціалистическія группировки слѣва, за ихъ умѣренность и нерѣшительность, соглашательство и «предательство» революціи, соціализма и интернаціонализма. Для поношенія революціи и демократіи пригодится и лѣвый Сухановъ. «Записки» получатъ у правыхъ признаніе «первоисточника», и обличенія впредь будутъ вестись «отъ Суханова» *).

Сухановщина — въ совѣтахъ, въ партіяхъ, въ прессѣ и т. д. — сыграла свою, роковую роль въ ходѣ и исходѣ февральской революціи. Но и сейчасъ, когда отъ февраля семнадцатаго года остаются лишь блѣднѣющія воспоминанія, сухановщина еще не изжита, а Сухановы дѣлаютъ, что могутъ, для того, чтобы закрѣпить въ собственномъ самосознаніи не образъ величественной, хотя и трагической эпопеи русской исторіи, а картину какой - то смрадной арены, на которой суетливо, но безуспѣшно мелкіе бѣсы соревнуютъ съ болѣе крупными, сверстники Передоновыхъ борются съ потомками Шигалевыхъ и Верховенскихъ.

Врагамъ демократіи трудъ Суханова несетъ радость и утѣшеніе. Ея друзьямъ онъ способенъ внушить лишь уныніе и безвѣріе, — е с л и все, что описываетъ Сухановъ, правда, и если правда такова, какой ее изображаетъ Сухановъ.

---

*) Это предвидѣніе было сдѣлано мною въ "Современныхъ Запискахъ" задолго до того, какъ П. Н. Милюковъ увидалъ въ "Запискахъ" Суханова "полезное дополненіе" къ собственному труду.

2.

Сознательно Сухановъ не говоритъ неправды. Въ его книгахъ встрѣчаются фактическія неправильности и неточности. Но онѣ не преобладаютъ. Сухановъ не Мстиславскій, который, даже непосредственно наблюдая событіе, умудряется его описать такъ, что точно онъ его и не видѣлъ *).

Сухановъ — не то. Дефективность его моральной личности не въ этомъ. Даже когда онъ съ чужихъ словъ описываетъ событія, онъ рѣдко искажаетъ самые факты. Онъ только «обрамляетъ» ихъ по своему. Манипулируетъ фактическимъ составомъ явленія по своему произволу, — то такъ, то этакъ, то поворачивая къ яркому свѣту, то загоняя въ темный тупикъ. Показаніямъ Мстиславскаго вѣрить нельзя, доколѣ они не подтверждены другими, болѣе надежными источниками. Къ показаніямъ Суханова приложима обратная презумпція: его сообщеніямъ о фактахъ довѣрять можно, пока они не опровергнуты другими свидѣтелями.

Суханову извѣстно многое по «положенію», которое онъ занималъ въ первые мѣсяцы революціи, очутившись раньше другихъ въ «нѣдрахъ революціи» — въ Таврическомъ дворцѣ и дѣятельнѣе другихъ участвуя въ организаціи будущаго «источника власти» —

---

*) Мнѣ пришлось быть участникомъ одного изъ тѣхъ "Пяти дней" революціи, которые запечатлѣлъ С. Мстиславскій. И я категорически свидѣтельствую, что въ его описаніи такъ много фактической неправды — на трехъ страницахъ (141-143) я насчиталъ девять "отступленій" отъ дѣйствительности, искажающихъ всю обстановку: Мстиславскій видитъ то, чего не было, и не видитъ происходившаго на глазахъ у всѣхъ, — что, въ качествѣ матеріаловъ о революціи, воспоминанія Мстиславскаго должны быть рѣшительно отброшены за совершенной негодностью.

петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ, — спеціализируясь по преимуществу на «внѣшней политикѣ» Совѣта: на сношеніяхъ, путемъ воззваній, съ «международнымъ пролетаріатомъ» и на личныхъ переговорахъ въ «контактной комиссіи» съ Временнымъ Правительствомъ. Положеніе и профессія — Сухановъ былъ «политрукомъ» въ Горьковской «Новой Жизни» — только «аккумулировали» его природное влеченіе и интересъ ко всякаго рода политикѣ, крупной и мелкой, публичной и фракціонной, къ людямъ и фактамъ. Только исключительно развитымъ инстинктомъ можно объяснить, что Суханову удается проникнуть и на интимное собраніе большевиковъ, чествующихъ во дворцѣ Кшесинской только - что прибывшаго Ленина; присутствовать на засѣданіи фракціи лѣвыхъ эсъ - эровъ, въ качествѣ не то почетнаго гостя, не то «загонщика» и докладчика; будучи еще «дикимъ», участвовать на партійной конференціи меньшевиковъ; «съ согласія начальствующихъ большевиковъ остаться на нѣкоторое время въ засѣданіи ихъ фракціи — посмотрѣть, послушать»; «попасть и во фракцію эсъ - эровъ и посидѣть съ полчаса»; и даже, очутившись какъ - то въ Таврическомъ дворцѣ неожиданно въ средѣ политическихъ своихъ враговъ, не замѣтившихъ случайно его прихода, Сухановъ находитъ въ себѣ присутствіе духа усѣсться «въ концѣ стола» и наблюдать. «Было нестерпимо смотрѣть и слушать», — дѣлаетъ онъ ремарку въ «Запискахъ», но онъ продолжаетъ и смотрѣть, и слушать...

Конечно, здѣсь сказывается не только профессіональный интересъ, но и особый политическій типъ революціоннаго Фигаро, разносторонняго, чуждаго всякихъ «предразсудковъ», пользующагося личными свя-

зями и покровителями, чтобы непремѣнно попасть туда, куда ему хочется. Но самыя «Записки» отъ того лишь выигрываютъ въ занимательности.

Читатель «Записокъ» можетъ узнать много новыхъ анекдотическихъ подробностей: о томъ, что въ день торжества революціи Стекловъ цѣловался съ Милюковымъ; что еще въ апрѣлѣ - маѣ Красинъ приходилъ въ ужасъ отъ разрушенія промышленности рабочими и «совершенно попадалъ въ тонъ Коноваловымъ, Львовымъ и буржуазно - бульварной прессѣ»; что создатель «Новой Жизни» Горькій не переставалъ «сомнѣваться въ ея словахъ и дѣлахъ», «не любилъ ея» и «глубоко и искренне страдалъ отъ нея». И т. д. — Читатель можетъ встрѣтить любопытное описаніе группы будущихъ героевъ, попавшихъ впросакъ тремя съ половиной мѣсяцами раньше: «Это были Каменевъ, Троцкій и еще три - четыре большевицкихъ генерала. Никогда, ни раньше, ни послѣ, я не видѣлъ ихъ въ такомъ жалкомъ, растерянномъ и угнетенномъ состояніи. Они, кажется, и не пытались бодриться. Каменевъ, совершенно убитый, сидѣлъ за столомъ. Троцкій подошелъ ко мнѣ:

— Ну, что тамъ?

Я разсказалъ о судилищѣ въ двухъ словахъ.

— Что же по вашему дѣлать? Какъ бы вы посовѣтовали?

Я въ недоумѣніи пожалъ плечами... Я рѣшительно не зналъ, что дѣлать». (Т. 1У, 467 - 8).

Или Луначарскій, — въ тѣ же польскіе дни «нерѣшительно» пристающій къ Суханову: «А что Николай Николаевичъ, — какъ вы думаете, не уѣхать ли мнѣ изъ Петербурга?» — Или Керенскій, спасающій «счастливаго обладателя энергичной супруги» —

Стеклова совсѣмъ на манеръ того, какъ незадолго спасалъ, отъ гораздо болѣе остро нависшей угрозы, — царскихъ сановниковъ: стараго Сухомлинова и «тщедушную фигуру съ совершенно затурканнымъ, страшно съежившимся лицомъ» Протопопова, какъ картинно описалъ этотъ эпизодъ Шульгинъ. — Или достойная кинематографа сцена собранія центральнаго комитета большевиковъ 10 октября на квартирѣ у Суханова, въ отсутствіи хозяина, — которому жена дала «дружескій, безкорыстный совѣтъ» не ночевать дома, — и при участіи Ленина «въ парикѣ, но безъ бороды», Зиновьева «съ бородой, но безъ шевелюры» и др., — когда былъ поставленъ формально и рѣшенъ положительно вопросъ о возстаніи въ ближайшіе же дни. И. т. д.

Такихъ описаній много. Особенно въ воспоминаніяхъ о первыхъ дняхъ революціи, за которыми авторъ слѣдитъ по часамъ, характеризуя каждаго встрѣчнаго, входящаго и уходящаго изъ «нѣдръ революціи».

По принятому нынѣшнему мемуаристами обыкновенію — даже мемуаристъ - Набоковъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія — Сухановъ не стѣсняется писать — и печатать — о живыхъ, какъ о мертвыхъ, а съ покойниками обращается, какъ съ живыми. Онъ щедръ на личныя характеристики. Почти всѣ находившіеся на революціонной авансценѣ дѣятели проходятъ въ томъ или другомъ сочетаніи на страницахъ «Записокъ»: Керенскій, Милюковъ, Ленинъ, Церетели, Терещенко, ген. Алексѣевъ, Троцкій, Чхеидзе, Коноваловъ, Стекловъ, Соколовъ, Гоцъ, Гвоздевъ, Авксентьевъ, ген. Корниловъ, Гендерсонъ, Тома, Вандервельде и т. д. Всѣмъ воздаетъ Сухановъ по заслугамъ и сверхъ того. Для каждаго находится у него злое, ядо-

витое слово. Но въ фокусѣ сухановскаго обличенія — Церетели и Керенскій.

Помимо характеристики дѣятелей изображается и самая дѣятельность. Здѣсь можно найти исторію составленія многихъ документовъ революціонной эпохи: актовъ Временнаго Правительства, воззваній и обращеній Совѣтовъ. Сухановъ разсказываетъ, въ частности, и о томъ, какъ, гдѣ и кѣмъ былъ составленъ получившій впослѣдствіе такую громкую извѣстность «Приказъ № 1». — Родившись поздно ночью 1 марта за портьерой комнаты № 13 въ Таврическомъ дворцѣ, приказъ этотъ, по свидѣтельству Суханова, явился плодомъ безымяннаго коллективнаго творчества преимущественно солдатскихъ «массъ». «За письменнымъ столомъ сидѣлъ Н. Д. Соколовъ и писалъ. Его со всѣхъ сторонъ облѣпили сидѣвшіе, стоявшіе и навалившіеся на столъ солдаты и не то диктовали, не то подсказывали Соколову то, что онъ писалъ. У меня въ головѣ промелькнуло описаніе Толстого, — какъ онъ въ яснополянской школѣ вмѣстѣ съ ребятами сочинялъ разсказы». — Сухановъ подчеркиваетъ, что Соколова никакъ нельзя считать авторомъ документа. Самъ Соколовъ неоднократно открещивался отъ него, «невиноватый ни сномъ, ни духомъ». По мнѣнію Суханова, — Соколовъ явился лишь «техническимъ выполнителемъ предначертаній самихъ массъ». — Насколько такое «выполненіе» соотвѣтствуетъ непричастности «ни сномъ, ни духомъ» — это, конечно, уже другой вопросъ.

Рядъ фактовъ, сообщаемыхъ Сухановымъ, появляется въ печати впервые, и потому впервые же становятся они извѣстными широкой публикѣ. Однако, нѣкоторые факты, не сохраненные даже изустнымъ пре-

даніемъ, оказываются сюрпризомъ и для «спецовъ», врядъ ли до того знавшихъ, напримѣръ, о неоффиціальномъ предложеніи Суханову поста товарища министра земледѣнія Чернова или о еще менѣе того оформленномъ предложеніи ему поста «наркоминдѣла» на слѣдующій же день послѣ большевицкаго переворота. — «А какой былъ бы министръ иностранныхъ дѣлъ! Идите къ намъ!» — искушалъ Суханова въ какомъ-то восторженномъ полузабытьи только что назначенный «наркомпросомъ» Луначарскій. — Эти предложенія характерны, конечно, не только для одного Суханова...

Особый интересъ представляютъ описанія событій, остававшихся доселѣ неизвѣстными не по случайнымъ обстоятельствамъ, а по преднамѣренному разсчету заинтересованныхъ въ томъ лицъ.

Большевицкой удачѣ въ октябрѣ предшествовали двѣ неудачи. Еще 10-го іюня, назначая «мирную манифестацію» подъ лозунгомъ «долой министровъ - капиталистовъ!», большевики разсчитывали при наличности благопріятной обстановки заключить манифестацію государственнымъ переворотомъ, захватить правительственныя учрежденія, арестовать правительство. Выработана была диспозиція. Намѣченъ ударный пунктъ — Маріинскій дворецъ. Назначенъ главнокомандующій повстанцевъ — прапорщикъ Семашко изъ 1-го пулеметнаго полка. Военно - техническій успѣхъ не возбуждалъ сомнѣній. Дѣло испортили колебанія политическаго центра. Сталинъ, Стасова и посвященные изъ переферіи стояли за выступленіе. Противъ него были «soit disant меньшевикъ» Каменевъ и «обладатель извѣстныхъ свойствъ кошки и зайца» — Зиновьевъ. «Среднюю, самую неустойчивую и оппортунистическую позицію» занялъ Ленинъ. Рѣшилъ дѣло, конечно, онъ

— «въ нерѣшительности воздержавшись». Манифестація была отмѣнена.

Аналогичное произошло и въ іюльскіе дни. Къ вечеру 3-го іюля большевицкій центральный комитетъ рѣшилъ солидаризоваться съ возникшимъ броженіемъ, стать открыто во главѣ и перевести его въ возстаніе. Были даны уже соотвѣтствующія директивы «на мѣста», — въ районы. Изготовили соотвѣтствующій случаю плакатъ для «Правды». Былъ выработанъ планъ переворота. «Три намѣченныхъ министра — Ленинъ, Луначарскій, Троцкій — заключили между собой соглашеніе», — разсказываетъ Сухановъ. Но неожиданно руководители меньшевистско - эсеровскаго блока взяли необычайный для нихъ «твердый курсъ», и большевики снова... «въ нерѣшительности воздержались» (т. IУ, 410). Плакатъ было приказано экстренно вырѣзать уже изъ стереотипа, и 4-го іюля «Правда» вышла съ зіяющей на первой страницѣ бѣлой полосой.

Легко было вырѣзать плакатъ. Но разъ приведенныя въ движеніе массы уже не такъ легко было остановить. Сухановъ считаетъ, что 4-го іюля «положеніе становилось совсѣмъ серьезнымъ, и не было никакихъ видимыхъ средствъ къ предотвращенію всеобщаго погрома и огромнаго кровопролитія. — Но вдругъ надъ Петербургомъ разразился проливной дождь. Минута-двѣ-три, и «боевыя колонны» не выдержали. Очевидцы командиры разсказывали мнѣ потомъ, что солдаты-повстанцы разбѣгались, какъ подъ огнемъ и переполнили собой всѣ подъѣзды, навѣсы, подворотни. Настроеніе было сбито, ряды разстроены. Дождь распылилъ возставшую армію. Выступившія массы больше не находили своихъ вождей, а вожди — подначальныхъ...»

Въ петербургской обстановкѣ 17-го года повтори-

лась историческая картина у парижской ратуши въ день сверженія Робеспьера.

Быть очень часто убѣдительнѣе пространныхъ разсужденій. «Записки» пресыщены штампованными марксисткими словами и словечками. Въ нихъ много плоскаго зубоскальства и пошлой реторики. Но «Записки» не чужды и бытовыхъ картинъ, лучше десятковъ страницъ уясняющихъ смыслъ событій. Чтобы ограничиться примѣромъ, упомяну только картину чаепитія Суханова съ Луначарскимъ, усталыхъ и умиленныхъ впечатлѣніями отъ прогулки по Петербургу въ день полугодовщины революціи, 27-го августа. Въ сумеркахъ вдругъ зазвонилъ телефонъ. Говорили изъ Смольнаго. Сообщили о выступленіи Корнилова. «Я бросилъ трубку, чтобы бѣжать въ Смольный... Мы почти не обсуждали оглушительнаго извѣстія. Его значеніе сразу представилось намъ обоимъ во всемъ объемѣ и въ одинаковомъ свѣтѣ. У насъ обоихъ вырвался какой-то своеобразный, глубокій вздохъ облегченія. Мы чувствовали возбужденіе, подъемъ и радость какого-то освобожденія. Да, это была гроза, которая расчиститъ невыносимо душную атмосферу... Это исходный пунктъ къ радикальному видоизмѣненію всей конъюнктуры. И, во всякомъ случаѣ, это полный реваншъ за іюльскіе дни» (т. У, 217).

Если бы тѣ, кто вдохновляли и готовили это несчастное выступленіе, предвидѣли, кому оно будетъ на потребу, кому доставитъ «радость» и для какой «конъюнктуры» оно послужитъ «исходнымъ пунктомъ», — можетъ быть, они лишній разъ задумались бы прежде, чѣмъ выступить.

Во всякомъ случаѣ, эта запоздалая справка чрезвычайно цѣнна для познанія психологіи тѣхъ руководителей революціи, которые ни на минуту не переставали

пугать «массы» перспективой контръ - революціи, а сами испускали «глубокій вздохъ облегченія» при извѣстіи о фактическомъ выступленіи контръ - революціоннаго генерала, испытывали «радость какого-то освобожденія»...

3.

Бытъ — бытомъ, однако, не въ немъ главный нервъ «Записокъ». Для автора — во всякомъ случаѣ. Можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что самыя «Записки» для него не что иное, какъ форма комментарія и послѣсловія осуществлявшейся на практикѣ политической линіи.

У Суханова есть идея. Она владѣла имъ въ семнадцатомъ году. Онъ остается вѣренъ ей и по сей день, несмотря на крушеніе, которое она — и онъ — претерпѣли. Она опредѣляла его политическую волю, диктовала стратагемы и тактическія рѣшенія. Это — идея Циммервальда.

Изъ всѣхъ «фронтовъ» русской революціи — земли, хлѣба, воли, національнаго освобожденія — Сухановъ острѣе всего воспринималъ фронтъ войны и мира, который съ перваго же дня революціи представлялся ему въ обратномъ видѣ, какъ фронтъ мира и войны. Съ обычной для него рисовкой, Сухановъ разсказываетъ, какъ онъ еще 21-го апрѣля, «пріемля на себя эпитетъ измѣнника», «лично» говорилъ Временному Правительству, что «нужно кончать войну».

Этотъ лаконическій рецептъ, если имѣлъ какой-либо смыслъ, — то только одинъ: кончать войну во что бы то ни стало, такъ или иначе, цѣной любого мира. Но Сухановъ не считалъ себя плоскимъ пораженцемъ. Онъ

негодовалъ и возмущался, когда противники его политики мира доказывали, что она неизбѣжно ведетъ къ сепаратному миру. Сухановъ и его единомышленники развивали фиктивнѣйшую теорію математически - равнаго отношенія къ союзному имперіализму и имперіализму непріятельскихъ державъ. Полное равновѣсіе по отношенію къ тѣмъ и другимъ «каннибаламъ». Соотвѣтственно съ этимъ и активная политика должна равно-ускоренно двигаться по двумъ параллельнымъ путямъ — линіи борьбы за миръ и линіи охраны боеспособности.

Эту тонкую діалектику трудно было даже изъяснить вразумительно, не то что осуществить ее на дѣлѣ. Ужъ на что близкій Суханову по духу человѣкъ, соредакторъ его по «Новой Жизни» Максимъ Горькій, и тотъ говорилъ, что «онъ не понимаетъ, чего мы хотимъ, аттакуя союзный имперіализмъ и требуя разрыва съ нимъ». Горькій — даже Горькій! — спрашивалъ, «не есть ли это дѣйствительно сепаратный миръ, въ которомъ насъ обвиняетъ буржуазная пресса». Онъ требовалъ полной ясности, совершенно конкретной программы, всѣхъ точекъ надъ «і» (т. IУ, 181).

Руководимые циммервальдцами Совѣты, какъ извѣстно, вняли голосу Суханова, поддались искушенію кончать войну. Но желанный конецъ — всеобщій демократическій миръ — явно не удавался. Въ этомъ приходилось убѣждаться горькимъ и тяжкимъ опытнымъ путемъ. Иллюзіи стали исчезать. Линія, принявшая съ самаго начала рѣзкій уклонъ въ сторону Циммервальда, начала понемногу выпрямляться. Процессъ этотъ шелъ слишкомъ медленно, но онъ все-таки обозначился. — Сухановъ вспоминаетъ выразительныя параллели. 14-го марта подъ диктовку Чхеидзе Сухановъ выво-

дилъ въ воззваніи «Ко всѣмъ народамъ міра» — «наступило время народамъ взять дѣло мира въ свои руки». А 7-го августа тотъ же Чхеидзе, открывая въ Смольномъ «Совѣщаніе по оборонѣ», говорилъ: «Народъ взялъ дѣло войны въ свои руки...» И когда одинъ изъ оборонцевъ честно признается въ неосновательности былыхъ мечтаній: «Призывъ русской демократіи къ миру нашелъ себѣ слабый откликъ среди союзниковъ. Наша революція не зажгла всемірнаго пожара, какъ мы мечтали пять мѣсяцевъ тому назадъ. И теперь передъ русской демократіей рѣзко ставится въ порядокъ дня другая задача: укрѣпленіе боеспособности русской арміи», — Суханову остается лишь сдѣлать ремарку: «Чортъ знаетъ что такое!...» (т. У, 141).

Легко было прокламировать борьбу за миръ въ общемъ видѣ, въ принципѣ. Труднѣе было конкретизировать программу мира, дать ей положительное и осуществимое въ реальности выраженіе. Тѣмъ уютнѣе была позиція Суханова, когда отъ словъ къ дѣлу пришлось перейти уже не ему, оказавшемуся къ тому времени въ оппозиціи не только къ Правительству, но и къ «правящему блоку» въ Совѣтахъ. Подъ прямымъ давленіемъ Горькаго, требовавшаго ясности, Сухановы въ «Новой Жизни» додумались, наконецъ, въ іюнѣ до рѣшенія. Съ «варварскими союзниками» страна можетъ въ случаѣ надобности и порвать, но «поскольку Вильгельмъ, Гинденбургъ и Кюльманъ не отказались отъ своихъ грабительскихъ цѣлей, постольку результатомъ разрыва будетъ не сепаратный миръ, а сепаратная война революціонной Россіи съ имперіалистской Германіей».

Россіи и революціи, увы, не удалось миновать пути, на который ее съ такой настойчивостью влекли и подталкивали циммервальдцы. Начали съ того, что рево-

люція должна «съѣсть» войну. Кончили тѣмъ, что война «съѣла» революцію, а заодно и значительную часть Россіи. Былъ и сепаратный миръ. Была и «сепаратная война». Словомъ, свершилось все по слову Суханова. Но онъ все-таки не удовлетворенъ.

Съ одной стороны, «декретъ о мирѣ» Сухановъ склоненъ считать «не пустой революціонной фразой, а реальнымъ политическимъ актомъ», «тѣмъ самымъ, что должно было сдѣлать правительство революціи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ», и что большевики сдѣлали на слѣдующій день послѣ переворота «въ достойной и правильной формѣ». А съ другой стороны, Сухановъ не можетъ не признать, что «мирное выступленіе 26-го октября объективно уже было сдачей на милость побѣдителей». Но Сухановъ не считалъ бы себя тонкимъ политикомъ, если бы не сумѣлъ выбраться изъ затруднительнаго положенія и разрѣшить противорѣчіе.

Сами авторы декрета вышли изъ противорѣчія признаніемъ своего просчета въ темпѣ и въ срокѣ соціалистической революціи, «задержавшейся» на Западѣ. Сухановъ ищетъ выхода тоже во времени, но въ прошломъ, въ упущенныхъ другими срокахъ и возможностяхъ. И тутъ онъ выдвигаетъ свою самую завѣтную, мнимую идею о томъ, что могло бы быть, если бы «фронтъ мира циммервальцевъ» сталъ бы «не менѣе своимъ и для каждаго разумнаго патріота...» Если бы раньше не большевицкіе Совѣты, а совѣтскій блокъ разорвалъ «съ имперіализмомъ собственной и союзной буржуазіи, если бы онъ ребромъ поставилъ вопросъ о мирѣ (такъ, какъ это черезъ пять мѣсяцевъ сдѣлали большевики), то «почетный всеобщій миръ былъ бы завоеванъ». Въ этомъ порукой — Сухановъ, — «Тогда это было близко и

возможно, — увѣряетъ Сухановъ. Когда престижъ революціи былъ еще великъ, а милліоны штыковъ стояли на фронтѣ, — тогда война не вынесла бы открытаго разрыва русской революціи съ міровымъ имперіализмомъ не вынесла бы прямыхъ и честныхъ предложеній мира, брошенныхъ на весь міръ. Тогда они расшатали бы до конца воюющую Европу, и міровой имперіализмъ капитулировалъ бы передъ натискомъ измученныхъ, жаждущихъ мира пролетарскихъ массъ» (т. IУ, 95).

Въ этомъ центральная идея Суханова, его философія мира и войны и, поскольку на этомъ «фронтѣ» рѣшалась и рѣшилась судьба революціи, — философія и всей революціи. Нѣтъ нужды подчеркивать методологическую порочность этой «философіи», на гипотетически - мнимыхъ основаніяхъ утверждающей свою непоколебимость и фактическую неопровержимость: попробуй-ка на опытѣ доказать обратное!..

Сухановъ не довольствуется философіей революціи, онъ интересуется и ея этикой. Устанавливаетъ не только причину, но и вину. Онъ «не согласенъ» такъ разсуждать: «если не сдѣлали, то, стало быть, не могли; если не могли, то и вины тутъ нѣтъ, передъ лицомъ исторіи». Онъ ищетъ и находитъ виновниковъ «объективно» лишь неудачнаго, а по существу — «достойнаго и правильнаго» декрета о мирѣ. Вина не на большевикахъ, которые «уже не могли убить мировую бойню» (т. IУ, 96). Вина и не на Милюковѣ съ Терещенко, которые не могли не «выполнять миссію россійской буржуазіи». Виноваты меньшевики и эсъ-эры, которые «дѣйствовали отъ имени рабочихъ и крестьянъ; эти (!)

не могутъ ссылаться на непреложность своего классоваго положенія; пусть примутъ вину на себя»...

Среди многихъ обвиненій, выдвигаемыхъ противъ дѣятелей февральской революціи наряду съ обвиненіями въ попустительствѣ большевикамъ, въ недостаточно активномъ противодѣйствіи имъ, часто раздаются обвиненія въ недостаточно энергичной и радикальной положительной программѣ. Любопытнѣе всего, что это повторяютъ и правые круги. Тѣ самые элементы русскаго общества, которые въ процессѣ февральской революціи въ мѣру силъ противились даже воспрещенію заключать земельныя сдѣлки, теперь склонны упрекать за то, что вожди февральской революціи не догадались успокоить мужика и застраховать его отъ большевизма немедленнымъ удовлетвореніемъ стихійной тяги къ землѣ. Тѣ самые круги, которые раньше не проводили и не проводятъ различія между «интернаціоналами», дѣлавшими попытки вызвать международное движеніе въ пользу демократическаго мира, сейчасъ недоумѣваютъ, какъ можно было разсчитывать «канализовать революцію», предупредить побѣду Ленина, не форсируя самымъ настойчивымъ образомъ заключенія мира на «разумныхъ» условіяхъ.

Въ чрезвычайно цѣнныхъ, хотя и весьма краткихъ, воспоминаніяхъ проф. Б. Э. Нольде, напечатанныхъ въ т. УП «Архива русской революціи» говорится, что «однимъ изъ наивнѣйшихъ самообмановъ этой богатой всякими фикціями эпохи» было представленіе о революціи, какъ о способѣ успѣшнаго завершенія войны. Не раздѣляя этой фикціи, можно ли, однако, согласиться съ той формулировкой «дилеммы, къ которой Россію прижали событія», которую даетъ примѣнительно къ семнадцатому году проф. Нольде: «Разумный миръ или

— неминуемое торжество Ленина?»... Такая формулировка вѣдь тоже фикція. Дилемма состояла въ томъ, что или неминуемое торжество Ленина или — немедленный неразумный миръ.

Въ томъ и заключалась трагедія февральской революціи, что честнаго и разумнаго выхода ей не было дано исторіей. Выходъ былъ лишь стихійный и «похабный». Февраль его принять не могъ и вынужденъ былъ уступить мѣсто Октябрю, жившему исключительно «текущимъ моментомъ», не задумывавшемуся надъ завтрашнимъ днемъ и потому обладавшему всѣми преимуществами азартнаго и безчестнаго игрока.

4.

У Суханова была воображаемая «линія» не только во внѣшней политикѣ, но и во внутренней. Она состояла въ томъ, чтобы взамѣнъ «коалиціи противъ революціи», созданной «единымъ фронтомъ крупной и мелкой буржуазіи», утвердить диктатуру совѣтскаго блока, отъ трудовиковъ до большевиковъ.

Не надо думать, что Сухановъ принципіально отвергаетъ политическое сотрудничество классовъ, какъ несовмѣстимое съ началами марксизма. Нѣтъ. Еще въ концѣ апрѣля онъ былъ сторонникомъ коалиціи «крупной и мелкой буржуазіи» и защищалъ коалицію весьма убѣдительно. «При данной конъюнктурѣ (въ Совѣтѣ и въ странѣ) форма коалиціи имѣла всѣ преимущества. Буржуазная власть была далеко еще не изжита въ глазахъ среднихъ слоевъ, промежуточныхъ группъ населенія. Интеллигенція, чиновничество, «третій элементъ», офицерство — словомъ, всѣ тѣ слои, которыми держится государственная машина, во главѣ

съ самими совѣтскими главарями, — еще совершенно не мирились съ идеей чисто демократической власти... Между тѣмъ государственная машина не могла стоять ни минуты; она должна была работать полнымъ ходомъ».

Но не проходитъ и мѣсяца — «въ Совѣтѣ и въ странѣ» не происходитъ ничего принципіально новаго, а Сухановъ мѣняетъ свою точку зрѣнія. Теперь онъ убѣжденъ, что «объективный ходъ вещей велъ революцію къ диктатурѣ рабочихъ и крестьянъ»; онъ «присоединяетъ свой голосъ къ тѣмъ, кто требовалъ полнаго устраненія буржуазіи отъ власти» и съ этихъ поръ начинаетъ «усиленно оперировать съ терминомъ диктатуры демократіи». Но и теперь онъ «предостерегаетъ противъ диктатуры пролетарскаго авангарда въ мелкобуржуазной и хозяйственно - распыленной странѣ». Сухановъ рѣшительно не согласенъ съ большевиками, которые готовы были въ любой моментъ устроить возстаніе, хотя бы и помимо и безъ участія организованныхъ мелко-буржуазныхъ элементовъ. Для него «новая революція была допустима, возстаніе было законно, ликвидація существующей власти была необходима. Но все это было такъ — при условіи демократическаго фронта». «Правомочное участіе мелко - буржуазныхъ, меньшевистско - эсеровскихъ группъ въ строительствѣ новаго государства вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и крестьянствомъ» казалось Суханову «безусловно необходимымъ».

Отсюда его идея — создать гомункулуса, у котораго голова была бы Ленина — «не переварившая мѣшанины изъ Маркса и Крапоткина»; конечности были бы взяты у «предателей революціи и ихъ несмышленныхъ подголосковъ», «услужающихъ соціалистовъ; а туло-

вище естественно было заимствовать у «мягкотѣлыхъ, безкровныхъ оппортунистовъ» и «реакціонныхъ лавочниковъ»... По представленію Суханова, вся сила и все вдохновеніе у большевиковъ. Они — жизнедавцы, и стоитъ только совѣтскимъ меньшевикамъ и эсерамъ отвернуться отъ временнаго союза съ большевиками, какъ они снова обречены превратиться въ «полуразложившееся собраніе неразумныхъ мѣщанъ и безплодныхъ политиковъ, копающихся an und für sich».

Сухановъ не обманываетъ себя относительно готовности большевиковъ принять его планъ. Производя подробное исчисленіе распредѣленія голосовъ въ Предпарламентѣ и убѣдившись въ томъ, что на «лѣвой» могло бы быть большинство, Сухановъ меланхолически прибавляетъ: «Всѣ эти абстракные подсчеты имѣли б ы значеніе на тотъ случай, если б ы большевики не были большевиками и понимали б ы значеніе единаго демократическаго фронта. Тогда впослѣдствіи можно б ы л о б ы увидѣть, что вышло б ы изъ этого». Тѣмъ не менѣе онъ и до, и во время, и послѣ октября не переставалъ твердить, что коалиція отъ н.-с. до большевиковъ была не только необходима, но и реально возможна: Сухановъ почти что ощущалъ ее уже въ своихъ рукахъ' революція была почти спасена; ленинскія бредовыя идеи совсѣмъ было предотвращены; какъ вдругъ... большевики? Нѣтъ! . . . эти «злосчастные слѣпцы» эсеры и меньшевики своимъ незрячимъ и тупымъ упорствомъ и «гнилыми и дряблыми мыслишками» сорвали геніальную выдумку Суханова и вмѣстѣ съ ней и революцію.

Несмотря на наростающій трагизмъ описываемыхъ событій, нельзя безъ улыбки слѣдить за упоеннымъ своимъ планомъ марксистомъ, въ с л о в ѣ находящимъ

конечную причину событій. «Меньшевистско - эсеровскія группы могли сказать тогда (въ Предпарламентѣ) рѣшающее слово. Это было послѣднимъ и единственнымъ, хотя и не очень надежнымъ средствомъ повернуть ходъ событій».

Если-бы послѣ ухода со Съѣзда Совѣтовъ 25-го октября всей оппозиціи большевики не оказались оставленными съ глазу на глазъ «съ одними лѣвыми эсэровскими ребятами и слабой группкой новожизненцевъ», — они не получили бы, по мнѣнію Суханова, «монополіи надъ совѣтомъ, надъ массами, надъ революціей», и линіи Ленина не была бы обезпечена побѣда. Этого не поняли «промежуточныя группы». Онѣ погубили себя, — туда имъ и дорога. Но онѣ помѣшали вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленію спасительнаго плана Суханова. Этого онъ имъ не проститъ. Не за себя, конечно, а за революцію. Не проститъ никогда, даже мысленно, возвращаясь къ минувшему въ воспоминаніяхъ, утверждая свою правоту лишь на бумагѣ.

И Сухановъ мститъ. На тѣхъ, кто подвергся разгрому въ октябрьскіе дни, онъ возложитъ отвѣтственность за успѣхи побѣдителей. Жертвы погрома онъ изобразитъ въ роли погромщиковъ. «Къ гражданской войнѣ привела политика правящихъ партій, которыя не шли по нашимъ путямъ и противъ которыхъ мы безплодно боролись, оставаясь въ меньшинствѣ». Въ крови, пролитой при взятіи Зимняго, повинны «наши жалкіе послѣдніе министры». Для Смольнаго гуманный прокуроръ видитъ оправданіе — «въ идеѣ, отъ которой онъ, по существу дѣла, не могъ отказаться». Но для «преступной безсмысленности государственныхъ людей послѣдней коалиціи» оправданія у Суханова нѣтъ.

Также безжалостенъ онъ къ такъ назыв. «Комитету спасенія родины и революціи». Это Комитетъ учинилъ заговоръ. Большевики же устроили возстаніе. Только «кровавая авантюра» Комитета (сопротивленіе юнкеровъ) укрѣпила рѣшимость сторонниковъ переворота. Только 29-ое октября превратило «смѣшныя, небрежныя, неуклюжія толпы равнодушныхъ людей съ винтовками» въ «стальные рабочіе батальоны». И т. д.

Можно было бы легко опровергнуть эти свидѣтельства Суханова его же собственными свидѣтельтельствами того, напримѣръ, какъ черезъ два дня подъ Пулковомъ въ «рѣшающій и все рѣшившій моментъ» эти «стальные рабочіе баталіоны» побѣжали отъ одной сотни оренбургскихъ казаковъ; или какъ цѣлый полкъ (Измайловскій) «не заставилъ себя ждать и бѣжалъ въ полномъ составѣ» отъ 30 человѣкъ и одного броневого поѣзда. Устояли и одержали верхъ матросы . . .

Въ опроверженіе сухановской версіи о роли «авантюры» 29-го октября можно было бы сослаться на фактъ переговоровъ о перемиріи, которые происходили между большевиками и соціалистическими партіями, «Викжелемъ» и петербургской думой, и которые поздней ночью 31 октября закончились даже соглашеніемъ, цинично разорваннымъ, конечно, большевиками на слѣдующій же день, послѣ побѣды подъ Пулковомъ . . .

Но мы здѣсь не пишемъ своей исторіи революціи. Не пишемъ и своихъ воспоминаній. Мы хотимъ лишь дать представленіе о методѣ, авторѣ и «философіи» одного изъ наиболѣе значительныхъ трудовъ о революціи.

Живо написанныя «Записки» Суханова читаются съ интересомъ. Эта живость облегчитъ знакомство съ ни-

ми и грозитъ распространеніемъ сухановскаго воспріятія событій и смысла февральской революціи за предѣлы того узкаго кружка лицъ, которыя солидарно съ Сухановымъ «дѣлали» революцію. Объемъ труда и казовая независимость сужденій — авторъ всѣми неудовлетворенъ и всѣхъ бранитъ — способны соблазнить не только ищущаго занимательнаго чтенія, но и изслѣдователя (пресловутаго «будущаго историка»!) эпопеи семнадцатаго года.

Рискованно было бы упрекнуть Суханова въ прямой или преднамѣренной фальши. Фальшивы его положеніе и точка зрѣнія. Непріемлема его моральная личность, въ которой есть нѣчто отъ Стеклова, отъ Алексинскаго, Мстиславскаго, Козловскаго и т. п. — родственныхъ Суханову по типу, несмотря на всѣ индивидуальныя различія. Отсюда уже все остальное.

«Дикій», формально стоявшій внѣ партій, а фактически побывавшій во многихъ, случайно вознесенный на самый гребень революціонной волны, Сухановъ привыкъ въ самомъ себѣ, въ своемъ критическомъ разумѣ находитъ источникъ и санкцію надуманной имъ политической линіи. До самаго конца февральской революціи онъ былъ и остался рабомъ своихъ утопическихъ идей и плановъ. Возможно, что и въ самомъ дѣлѣ онъ вѣрилъ, что его утопія не сегодня-завтра можетъ стать реальностью, стоитъ только умѣючи маневрировать терминами «сепаратная война» или «диктатура демократіи», и заговоръ удастся.

«Многіе и многіе несомнѣнно чувствовали, что я говорю правду, хотя бы и неосуществимую» (т. УП,116), — говоритъ Сухановъ и не замѣчаетъ всей убійственности для него, какъ для политика,

такого «комплимента». Говорить правду, хотя бы и неосуществимую, — обязанность для пророка, подвигъ для моралиста. Но для политика, пламенѣющаго гордыней дальнозоркости, маневрирующаго «массами» и аргументирующаго отъ «объективнаго хода» революціи и всяческихъ «коньюнктуръ»?! Можно ли откровеннѣе подчеркнуть собственную свою надмірность и оторванность своей утопической правды отъ реальной жизни?

Не въ томъ, конечно, было «несмываемое преступленіе» Суханова, что онъ не порвалъ съ группой Мартова» 25-го октября, а сдѣлалъ это двумя или тремя годами позже; что онъ «не остался» на Съѣздѣ Совѣтовъ, а вернулся туда и т. д. Это все жеманство и кокетство. Подлинно несмываемое преступленіе Сухановыхъ въ томъ, что они отождествили себя съ революціей; свой ограниченный и фанатическій индивидуальный разумъ выдавали за разумъ трудовыхъ массъ; волю своихъ ничтожныхъ по численности единомышленниковъ подставляли на мѣсто демократіи, исповѣдывали максимализмъ цѣлей и невозможность ихъ осуществленія, подходили къ россійской государственности, къ людямъ и къ группамъ, партіямъ, классамъ, именно такъ, какъ теперь рекомендуетъ поступать Струве, — и инструментально, т. е. въ качествѣ средства къ ими одними осознаннымъ цѣлямъ революціи, интересамъ трудящихся классовъ и благу человѣчества.

5.

Русская катастрофа была, конечно, предопредѣлена географіей и исторіей Россіи. Но поскольку и личные факторы сыграли свою роль въ этой катастрофѣ, ни одинъ классъ или слой русскаго народа не безъ

грѣха, не безъ вины. И не для безплоднаго самобичеванія, а въ порядкѣ простого установленія исторически безспорнаго факта, надо признать, что и демократія — буржуазная и соціалистическая — за время революціи совершила не одну ошибку — иногда ошибки хуже преступленій — передъ россійской государственностью, передъ отдѣльными слоями русскаго народа, передъ собой.

До семнадцатаго года революція представлялась довольно упрощенно: не «по Жоресу», — какъ варварская форма прогресса, а «по Островскому», — какъ «все высокое и прекрасное». Народъ и, особливо, трудовыя массы воспринимались и расцѣнивались, не какъ люди и человѣки со всѣми ихъ человѣческими страстями и слабостями, взлетами и паденіями, а какъ носители мірового разума исторіи, по Гегелю и Марксу, или какъ народушко - богоносецъ, по Юзову или Достоевскому.

О «взбунтовавшихся рабахъ» Керенскій — Керенскій первыхъ мѣсяцевъ революціи! — могъ упомянуть лишь для контраста и антитезы. О «мятежномъ охлосѣ» Черновъ заговорилъ лишь послѣ октябрьскаго переворота. Только въ самыхъ послѣднихъ числахъ сентября Мартовъ рискнулъ, наконецъ, признать «несвоевременность тяготѣнія къ большевикамъ» и «опасность для революціи слѣва». Впрочемъ, и тогда въ той же мартовской подгруппкѣ находились «работники стараго Исполнительнаго Комитета», съ мартовскимъ «крестникомъ» — Сухановымъ во главѣ, которымъ «движеніе слѣва представлялось не въ аспектѣ опасности, а въ аспектѣ спасенія».

Характерно, что такъ «представлялось» дѣло Суханову и его приснымъ, несмотря на то, что онъ «не

вѣрилъ въ побѣду, въ успѣхъ, въ «правомѣрность», въ историческую миссію большевицкой власти»; несмотря на отчетливое сознаніе, что вмѣсто экономической программы у большевиковъ «пустое мѣсто»; что демагогія большевиковъ «безудержна и беззастѣнчива», а взятыя ими на себя задачи явно невыполнимы.

Не надо было быть особенно прозорливымъ, чтобы видѣть, что врагъ подстерегаетъ демократію слѣва, что реальна опасность непосредственнаго срыва не столько вправо, сколько влѣво. — Что можетъ быть этомъ отношеніи характернѣе описанія, даннаго Сухановымъ совѣщанію въ Малахитовомъ залѣ 21-го іюля. «Обстановка была такая, что напрашивалась мысль о возможномъ покушеніи на государственный переворотъ со стороны Гучковыхъ и Родзянокъ. Никакихъ прямыхъ указаній, кажется, на это не было. Но атмосфера ((!?) была такъ густа, что это казалось вполнѣ вѣроятнымъ». Въ паническомъ напряженіи вглядываясь въ одну точку, проглядѣли подлинную контръ - революцію, пришедшую, какъ и предсказывалъ Церетели, въ другія, «лѣвыя» двери.

Зло состояло вовсе не въ томъ, что были спеціально заинтересованные въ перемѣщеніи центровъ вниманія, въ отвлеченіи отъ подлиннаго врага и сосредоточеніи всей энергіи на врагѣ фиктивномъ и мизерномъ, искусственно увеличенномъ по сравненію съ его натуральными размѣрами. Это — пріемъ, общепринятый не только среди политическихъ искусниковъ, но и въ средѣ незатѣйливыхъ покусителей на чужую собственность. Корни зла вели къ традиціи, заставлявшей даже незаинтересованныхъ въ искаженіи подлинной обстановки, свободныхъ отъ тайныхъ умысловъ, опасливо коситься вправо и учитывать какъ угрозу для

сегодняшняго дня то, что могло составить такую угрозу только въ будущемъ. Самое же зло состояло въ схематическомъ подходѣ къ политическимъ явленіямъ, которыя воспринимались не такъ, какъ они были и что они значили въ дѣйствительности, а такъ, какъ они представлялись заранѣе, за долгіе годы мечтательныхъ думъ о характерѣ грядущей революціи, о дѣйствующихъ въ ней силахъ (пролетаріатъ-гегемонъ или авангардъ; крестьянство мелко-буржуазное или трудовое; интеллигенція классовая или внѣклассовая), объ отношеніи къ государству, которому, по писанію, предстояло въ скоромъ времени «отмереть», и о прочихъ воображаемыхъ предметахъ и линіяхъ въ пространствѣ.

Февральская революція восприняла готовыя, до нея сложившіяся традиціи и схему. Тѣ, кому довелось съ первыхъ же дней быть истолкователями традицій, выполнителями схемы, — естественно, наложили на нихъ свой, личный отпечатокъ, прикрывая его ореоломъ революціи, «имманентностью» ея развитія. И когда случайные вожди и глашатаи уже покинули авансцену, надъ ихъ воспріемниками еще долго, какъ рокъ, тяготѣли воззрѣнія и навыки, якобы освященные революціоннымъ опытомъ. Сухановы ушли, но ихъ первые посѣвы быстро дали буйные всходы. Какъ ихъ убрать и кому придется жать, — до этого заботы было мало.

Сухановъ эпически описываетъ итоги выборовъ въ Петроградскій Совѣтъ, былой «источникъ власти», — произведенныхъ въ сентябрѣ 17 года. «Наша группа, меньшевиковъ - интернаціоналистовъ, — группа, составлявшая основное ядро перваго Исполнительнаго Комитета, начавшаго революцію, — не получила ни одного мѣста. Это было для насъ, быть можетъ, и пе-

чально, но совсѣмъ не удивительно. Наша позиція, по крайней мѣрѣ, въ своей положительной части, была ненужна, излишня для массъ. Въ отрицательной, критической части мы, мартовцы и новожизненцы, совпадали съ большевиками. На аренѣ тогдашней борьбы противъ коалиціи и буржуазіи мы стояли рядомъ съ ними» (т. У1, 192 - 193).

Я не склоненъ думать, чтобы Суханову казалось все столь же простымъ и «неудивительнымъ» и раньше, тогда, когда происходили описываемыя имъ событія. Не думаю, чтобы Сухановъ и тогда представлялъ себѣ явственно, что не онъ обойдетъ и «используетъ» большевиковъ для своего плана, а что самъ окажется использованнымъ и обойденнымъ большевиками, шедшими съ нимъ рядомъ для борьбы съ «удушавшей демократію керенщиной» и прошедшими мимо причитаній и обличеній «отставной козы барабанщика», составляющаго нынѣ свои «Воспоминанія Нарциса», — по непочтительному отзыву «Правды»... Но что наслѣдство, оставленное первыми дѣятелями Исполнительнаго Комитета, приведетъ къ торжеству большевиковъ, это нетрудно было предвидѣть — и предвидѣли — задолго до Октября.

Общность прошлаго, идеологическихъ корней и героической борьбы съ самодержавіемъ, связывала психологію, сковывала воспріятія и, главное, волю. Война и необходимость держать фронтъ побуждали, съ своей стороны, предпочитать худой миръ въ странѣ доброй ссорѣ. Соціалистическія партіи распадались на теченія, фракціи, центры, — фиктивно сохраняя формальное единство. Руководители не находили въ себѣ рѣшимости подчинить или устранить строптивыхъ вредителей не только партій, но и рево-

люціи. Въ выигрышѣ отъ того, естественно, оказывались вредители, единствомъ національнымъ или партійнымъ не дорожившіе и гражданской войны не пугавшіеся. — Отдѣльнымъ одиночкамъ, «ясновидѣвшимъ» грядущее, но недостаточно вліятельнымъ или умѣлымъ, чтобы вести за собой людей и группы, приходилось крохоборствовать: довольствоваться «интерпретированіемъ» противоположнаго взгляда и выправленіемъ не столько революціи, сколько резолюцій.

Если Мартовъ уже 4-го іюля, въ самый разгаръ большевистскаго броженія, констатируетъ «классическую сцену начала контръ - революціи» и предлагаетъ «избѣгать малѣйшихъ проявленій солидарности съ побѣдившимъ совѣтскимъ большинствомъ», то идеологъ и вождь этого большинства Данъ уже 7-го іюля спѣшитъ провести въ меньшевистскомъ центральномъ комитетѣ резолюцію, «заостренную направо». Эта разница въ три дня даетъ символическое изображеніе разстоянія, отдѣлявшаго Сухановыхъ въ чистомъ видѣ отъ Сухановыхъ разжиженныхъ, — отъ той «лѣвой, въ образѣ, главнымъ образомъ, Дана», которая, по свидѣтельству Суханова, завелась въ самомъ правящемъ блокѣ и его разлагала, разъѣдала изнутри. Эта внутренняя сухановщина оказалась, можетъ быть, пагубнѣе находившейся вовнѣ.

Если существуетъ вообще историческая отвѣтственность, если можно и должно искать, кто лично и коллективно отвѣтственъ за срывъ февральской революціи и послѣдующую катастрофу — одну изъ самыхъ тягчайшихъ отвѣтственностей слѣдуетъ возложить на дѣятелей, сопричастныхъ «сухановщинѣ», — причастныхъ политически, независимо отъ моральна-

го лица и принадлежности къ той или иной группировкѣ.

Сухановскія «Записки» должны вызвать у каждаго демократа, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, — острое ощущеніе личной и коллективной отвѣтственности за то, что Сухановымъ удалось овладѣть русской революціей по праву перваго захвата. Въ этомъ отношеніи онѣ могутъ сослужить роль нѣкотораго антидота противъ рецидива «сухановщины». И въ этомъ — оправданіе труда, затраченнаго авторомъ для написанія своихъ семи томовъ, а читателемъ — для ихъ одолѣнія.

ОКТЯБРЬ ВЪ «АВТОБІОГРАФІИ» Л. ТРОЦКАГО

1.

Октябрь явно не удался, — онъ провалился. И чѣмъ дальше, тѣмъ провалъ его все очевиднѣе, глубже и безнадежнѣе.

Тутъ не эмпирическія несовершенства отвлеченно-совершенной идеи и замысла; не маленькіе недостатки большого механизма; не случайная неудача или преждевременный срывъ. Въ этомъ отношеніи марксистскіе сторонники политическаго манчестерства и формулы laisser faire — laisser passer могутъ быть удовлетворены. Насильственнаго вмѣшательства въ процессъ «естественнаго» изживанія большевицкаго фантазма не произошло. «Опытъ» не былъ «сорванъ» извнѣ и «преждевременно». Октябрь, о которомъ можно было раньше сказать словами Герцена о самодержавіи, что онъ «самъ собою держится и, при томъ, чортъ знаетъ на чемъ», этотъ Октябрь сталъ проваливаться тоже самъ собою, въ безмятежной обстановкѣ внѣшняго мира, въ итогѣ не военной катастрофы или неудачи, а соціально - экономической разрухи, въ результатѣ исчерпанія до конца хозяйственныхъ фондовъ и идеологическихъ иллюзій.

Чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣе вскрывается сущность Октября, его «чистая идея» и «матерія». Все отчетливѣе, въ неприкрашенной и первобытной своей наготѣ, проступаютъ и творцы и рыцари «самаго революціоннаго режима, который когда либо знало человѣчество». Мы знали о нихъ по своему личному опыту. Мы узнаемъ теперь приблизительно то же изъ описанія, которое даютъ Октябрю былые соратники и соучастники по строительству Совѣтовъ. По разнымъ мотивамъ приходили и уходили отъ большевиковъ лѣвые эсэры и всевозможнаго рода и типа «спецы». Одни — по личнымъ мотивамъ, другіе по общественнымъ: изъ патріотической тревоги за интересы и судьбы Россіи, русской науки, просвѣщенія, искусства и т. п. или изъ увлеченія «невиданнымъ по своимъ темпамъ и размаху соціалистическимъ строительствомъ», невиданной нигдѣ въ мірѣ революціей и т. д.

Ушедшіе отъ большевиковъ Штейнбергъ и Бажановъ, Бесѣдовскій и Ларсонъ, Дмитріевскій, Соломонъ и другіе разсказали намъ, какъ всячески хотѣли они вѣрить въ возможность совмѣстной съ ними работы и какъ вынуждены были все - таки извѣриться. Всѣ рисуютъ потрясающую картину грязи и преступленія, политическаго вымогательства и обмана, распутства и вѣроломства, казнокрадства и напыщеннаго самохвальства тѣхъ, въ большинствѣ своемъ ничтожныхъ и духовно опустошенныхъ, людей, которые волею судьбы и случая пришли къ власти надъ Россіей въ октябрѣ 17-го года. Получилась цѣлая галлерея преступныхъ типовъ, алкоголиковъ, дегенератовъ и безумцевъ. И оспорить ее можно только однимъ, — тѣмъ, что Октябрь изображенъ кистью людей, чуждыхъ «пролетарской революціи», перебѣжавшихъ къ

побѣдителямъ послѣ Октября и улепетнувшихъ, какъ только обнаружился его безславный крахъ.

Въ этомъ отношеніи «Моя Жизнь» Троцкаго, двухтомный «Опытъ автобіографіи», представляетъ ни съ чѣмъ несравнимую и незамѣнимую цѣнность.

Троцкій не перебѣгалъ въ лагерь «октябристовъ» послѣ побѣды. Онъ былъ октябристомъ до Октября, однимъ изъ его главныхъ творцовъ и вѣрнѣйшимъ стражемъ. И даже сейчасъ, обличая и кляня былыхъ соратниковъ въ борьбѣ за Октябрь, онъ клянетъ и хъ за отступничество, себя же по прежнему считаетъ оставшимся « полностью и цѣликомъ на прежнемъ пути». Нѣсколько неосторожно авторъ цитируетъ слова стараго Гельвеція: «Каждый народъ имѣетъ своихъ великихъ людей и, если ихъ нѣтъ, онъ ихъ выдумываетъ».

Какихъ же «великихъ людей» имѣлъ — или выдумалъ — русскій народъ въ октябрьскій періодъ своей незадачливой исторіи?

Въ свое время Ленинъ, помимо «примазавшихся», насчитывалъ на каждые 100 большевиковъ до 70 мошенниковъ, до 29 дураковъ и только одного сознательнаго и настоящаго большевика. Теперь въ состояніи, правда, нѣкотораго аффекта — Троцкій не скрываетъ, что «Опытъ автобіографіи» для него лишь орудіе политической борьбы: «излагая, я характеризую и оцѣниваю; разсказывая, я защищаюсь и еще чаще нападаю», "дѣло идетъ для меня не только объ исторической правдѣ, но и политической борьбѣ, которая продолжается», — онъ разсказываетъ, кто были эти настоящіе большевики, какимъ дѣлали эти «великіе люди» свой Октябрь въ реальности, а не мифологически или согласно позднѣйшей легендѣ.

Свидѣтельство Троцкаго автентично и, потому, оно исторически значительно. Оно идетъ изнутри Октября и проникаетъ въ его сердцевину и, потому, оно политически существенно.

Троцкій проводитъ передъ нами всю нынѣшнюю — и прошлую — гвардію «ленинцевъ». Кого тутъ только нѣтъ? Троцкій не щадитъ никого. Характеризуетъ самъ и приводитъ безъ стѣсненія отзывы другихъ, ставшіе ему извѣстными «довѣрительно», изъ частныхъ писемъ или разговоровъ.

Особый, презрительный смыслъ вкладывается имъ въ наименованіе нынѣшнихъ вождей, возглавляемыхъ Сталинымъ, — «эпигонами». «Не только способности предвидѣнія, но и чутья не обнаружилъ ни одинъ — ни одинъ! — изъ нынѣшнихъ руководителей. Ни одинъ изъ нихъ въ мартѣ 1917 года не пошелъ дальше позиціи лѣваго мелкобуржуазнаго демократа». Эпигоны «перерѣзали пуповину октябрьской преемственности». Нынѣшніе столпы «сталинизма» — «умники заднимъ числомъ», «запоздалые критики», «злополучные фальсификаторы», «ставшіе позднѣе чекистами», «членами коллегіи ГПУ», «опорой режима». Всѣ эти квалификаціи звучатъ у Троцкаго одинаково осудительно.

Подтверждая уже извѣстное со словъ «перебѣжчиковъ», Троцкій удостовѣряетъ, что Сталинъ — аппаратный мажордомъ. «Онъ вообще поддерживалъ людей, которые способны политически существовать только милостью аппарата. И Меньжинскій сталъ вѣрною тѣнью Сталина въ ГПУ... Не только начальникомъ ГПУ, но и членомъ ЦК. Такъ на бюрократическомъ экранѣ тѣнь несостоявшагося человѣка можетъ сойти за человѣка».

Сталинъ это — «дрянной человѣкъ съ желтыми глазами», приводитъ Троцкій отзывъ недавняго полпреда въ Берлинѣ Крестинскаго. «Первое качество Сталина — лѣнь, говорилъ Троцкому Бухаринъ. Второе качество — непримиримая зависть къ тѣмъ, которые знаютъ или умѣютъ больше, чѣмъ онъ. Онъ и подъ Ильича (!) велъ подпольные ходы», — доноситъ Троцкій одновременно и на Сталина, и на Бухарина. Сталинъ «хотѣлъ во что бы то ни стало войти во Львовъ (во время войны съ Польшей) въ то время, когда Смилга и Тухачевскій войдутъ въ Варшаву. Бываетъ у людей и такая амбиція». Сталинъ, оказывается, всегда отталкивалъ отъ себя Троцкаго «узостью интересовъ, эмпиризмомъ, психологической грубостью и особымъ цинизмомъ провинціала, котораго марксизмъ освободилъ отъ многихъ предразсудковъ».

Бухаринъ — полуистерикъ, полуребенокъ, не марксистъ, а схоластъ; послѣ смерти Ленина — медіумъ Зиновьева, затѣмъ Сталина. Пятаковъ — негодный политикъ, полуанархистъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, типичный чиновникъ. Ворошиловъ — «по всѣмъ своимъ повадкамъ и вкусамъ всегда гораздо больше напоминавшій хозяйчика (опять доносъ!), чѣмъ пролетарія». Вмѣстѣ со Сталинымъ Ворошиловъ «вымогалъ» у Троцкаго снабженіе для Царицына чрезъ своего «спеціальнаго представителя» матроса Живодера (!). «Когда мы натянули цѣпь дисциплины потуже — досказываетъ Троцкій дальнѣйшую судьбу Живодера — Живодеръ ушелъ въ бандиты. Онъ былъ, кажется, пойманъ и разстрѣлянъ». (Аналогичная судьба постигла, какъ извѣстно, и другого героя и гордость Октября Желѣзняка, разогнавшаго Учредительное Собраніе).

«Старый большевикъ» и приближенный Ленина Гу-

севъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказался «мелкимъ интриганомъ» и «фальсификаторомъ», отличавшимся отъ другихъ только своимъ «апатичнымъ цинизмомъ». Зато «шатунъ и сума переметная» Каменевъ — «добродушный циникъ», не чуждый «личнаго вѣроломства». Зиновьевъ — паника, по свидѣтельству Свердлова. Ярославскій — «внутренне деморализованный субъектъ» и «пасквилянтъ» еще болѣе несносный, чѣмъ «панегиристъ». Уншлихтъ — «амбиціозный и бездарный интриганъ». И т. д., и т. п.

Мы далеко не исчерпали перечень всѣхъ «прихлебателей Сталина», въ мѣру силъ и умѣнія «превратившихъ партію большевиковъ въ кучу навоза», по компетентному свидѣтельству Бухарина, — «освободившихъ мѣщанина въ большевикѣ», по удостовѣренію Троцкаго. Не всѣ исчерпали мы и «квалификаціи», которыя понадавалъ босфорскій изгананникъ своимъ недавнимъ соратникамъ и сослуживцамъ. Но не довольно ли и приведеннаго, чтобы спросить словами самого же Троцкаго, направленными имъ, правда, по другому, невѣрному адресу (западноевропейской демократіи):

— «И эти люди призваны положить основаніе новому человѣческому обществу»?...

Именно они, это сборище ничтожныхъ людей, фантастовъ и злодѣевъ, вѣроломныхъ и отвратныхъ, призваны и способны «перестроить жизнь такъ, чтобы исключить возможность періодическихъ буйныхъ помѣшательствъ человѣчества и заложить основы болѣе высокой культуры»?

Удивляться ли тому, что у этихъ людей ничего не вышло? Не удивительнѣе ли было какъ разъ обратное? Не было бы фантастикой и чудомъ, если бы у

нихъ получилось все-таки нѣчто положительное, а не кошмаръ и адъ?!..

Характеристика, которую сторонникъ перманентной революціи даетъ своей, октябрьской революціи, не многимъ отличается отъ отзыва прославленнаго ненавистника и обличителя революціи Тэна, не видѣвшаго во французской революціи ничего другого, кромѣ «длительной и въ большомъ масштабѣ работы обезумѣвшихъ скотовъ подъ водительствомъ сошедшихъ съ ума глупцовъ»...

Троцкій говоритъ нашими словами, когда подтверждаетъ, что «политика Сталина-Бухарина подготовила и облегчила разгромъ революціи», явилась выраженіемъ и сама способствовала «процессамъ, которые можно охватить именемъ реакція»; и что въ будущемъ придется «переучивать» цѣлое поколѣніе и «брать далекій прицѣлъ». Онъ забываетъ только упомянуть, что и самъ онъ причастенъ къ этимъ процессамъ, дружно работая со Сталинымъ, Бухаринымъ и прочей незавидной компаніей въ теченіе шести первыхъ, для октябрьской революціи основоположныхъ, лѣтъ.

Троцкій весьма невысокаго мнѣнія о «злыхъ безхвостыхъ обезьянахъ, именуемыхъ людьми». Онъ испытываетъ «жгучую боль за человѣческую саранчу». Но въ провалѣ ли Октября основаніе для такой дешевой мизантропіи. Въ автобіографіи Троцкаго какъ будто бы недостаточно матеріала для общаго сужденія о людяхъ, какъ «злыхъ безхвостыхъ обезьянахъ». Зато въ ней болѣе чѣмъ достаточно матеріала для ограниченнаго и частнаго сужденія о большевикахъ, не исключая и Троцкаго, напоминающихъ своими ухватками «злыхъ обезьянъ». Неслучайно именно

эти обезьяньи увертки обратили на себя вниманіе иностранцевъ — въ частности, Макдональда, — когда передъ ними сталъ вплотную вопросъ о признаніи большевицкой власти, какъ нормальной власти въ государствѣ.

2.

Но кромѣ злыхъ, Троцкій знаетъ и добрыхъ большевиковъ, — преимущественно изъ уже окончившихъ свои дни на землѣ. Изъ живыхъ — о нѣкоторыхъ приходится слышать впервые, и замѣчательны они не столько своими субъективными качествами, сколько своею личной и политической близостью къ автору воспоминаній.

Изъ такихъ положительныхъ типовъ на первомъ мѣстѣ, конечно, вождь вождей, мудрѣйшій изъ мудрыхъ, «мужественнѣйшій изъ людей», безподобный и сравнимый лишь съ великимъ «предтечей» Марксомъ — «первый свершитель» Ильичъ!..

И отъ Троцкаго не укрылось ханжеское обоготвореніе памяти Ильича. Вслѣдъ за «бѣлогвардейскими» писателями отмѣчаетъ и онъ отношеніе къ Ленину, «какъ къ главѣ церковной іерархіи». Въ «оскорбительные для революціоннаго сознанія мавзолеи превратились оффиціальныя книги о Ленинѣ. Его мысли разрѣзали на цитаты для фальшивыхъ проповѣдей. Набальзамированнымъ трупомъ сражались противъ живого Ленина. Масса была оглушена, сбита съ толку, запугана»...

Это правильное наблюденіе не помѣшало, однако, самому Троцкому «использовать» трупъ Ленина для защиты живого Троцкаго. Онъ не останавливается при этомъ передъ самымъ крайнимъ сервилизмомъ по отношеніи къ «великому больному», «учи-

телю и вождю». По примѣру безсмертнаго Петра Ивановича Бобчинскаго, онъ настойчиво подчеркиваетъ, что это онъ, Троцкій, первый произнесъ «слово геній въ отношеніи Ленина». «Да, Ленинъ былъ геніаленъ полной человѣческой геніальностью».

Троцкій, видимо, хорошо знаетъ свою среду, всю эту «оглушенную, сбитую съ толку, запуганную массу». И онъ услужливо кадитъ «титаническому» Ильичу, предѣльной, послѣ Маркса, «вершинѣ духовнаго могущества человѣчества», не забывая упомянуть ни объ одномъ проявленіи политическаго довѣрія или личнаго вниманія со стороны Ленина къ самому Троцкому, къ его дѣтямъ, — вплоть до милостиваго «смѣшка» Ильича и его «лукавой улыбки» или совмѣстнаго отдохновенія послѣ трудовъ неправедныхъ въ ночь переворота:

«Кто-то постлалъ намъ на полу одѣяло — кажется, сестра Ленина, — досталъ намъ подушки. Мы лежали рядомъ, тѣло и душа отходили... Мы вполголоса бесѣдовали»..

Троцкій — разсчетливый дисконтеръ: онъ предъявляетъ къ политическому учету даже то, что «онъ (во время Бреста!) воздержался отъ голосованія, чтобы обезпечить за Ленинымъ большинство одного голоса», а Ленинъ, «смѣшливый» Ленинъ съ «лукавымъ смѣшкомъ» говорилъ Троцкому: «Уже ради одного добраго мира съ Троцкимъ стоитъ потерять Латвію съ Эстоніей» (чего, какъ извѣстно, и добились послѣ того какъ Троцкому удалось убѣдить окружающихъ, что «мы всегда успѣемъ капитулировать достаточно рано»).

И мудрость Ленина, и похвала его Троцкому, и неблагопріятные отзывы его о нынѣшнихъ недругахъ Троцкаго, все направлено на защиту главнаго тезиса: борьба противъ «троцкизма» есть борьба противъ идейнаго наслѣдства самого Ленина, ибо онъ, Троцкій, вѣр-

нѣйшій и преданнѣйшій ленинецъ, а Ленинъ съ 17 года былъ и оставался настоящимъ «троцкистомъ».

Положительныхъ фигуръ, какъ сказано, немного у Нарциса октябрьской революціи. Есть, однако, у него одна эпическая фигура, въ честь которой онъ слагаетъ подлинную героическую поэму. Это — безвѣстный солдатъ Октября, нѣкій матросъ Маркинъ. Стоитъ, однако, присмотрѣться ближе къ этой «поэмѣ», какъ она оборачивается обвинительнымъ актомъ и противъ автора съ его героемъ, и противъ всего Октября.

Октябрь, установившій диктатуру пролетаріата, оказывается побѣдилъ, по свидѣтельству Троцкаго, не силами пролетаріата, а чрезъ коллективнаго Маркина. Это главное дѣйствующее лицо и герой Октября необычайно схожъ съ уже знакомымъ намъ вымогателемъ и бандитомъ, тоже дѣятелемъ Октября, — матросомъ Живодеромъ. Только Живодеръ состоялъ при Сталинѣ и Ворошиловѣ, тогда какъ Маркинъ находился въ окруженіи — чтобы не сказать: въ свитѣ — Троцкаго.

Какъ Живодеръ, Желѣзнякъ, Дыбенко и др., Николай Маркинъ принадлежалъ къ «братвѣ» балтійскаго флота. «Слово давалось ему съ трудомъ». Но его «крѣпко сколоченная фигура» — о формѣ вооруженія этой «фигуры» авторъ умалчиваетъ — умѣло заполняла пробѣлы и недостатки ораторскаго искусства. Фигура эта провиденціально появлялась на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ Троцкаго. До Октября она «налаживала» домашнюю жизнь Троцкаго, пестовала его дѣтей, создавала уютъ и комфортъ въ томъ «буржуазномъ домѣ», въ которомъ Троцкій жилъ. Въ славные дни Октября «Маркинъ съ револьверомъ въ рукахъ боролся за трезвый (!) Октябрь»: онъ разстрѣливалъ бутылки съ виномъ и от-

гонялъ отъ погребовъ другихъ сочленовъ «братвы», «лакавшихъ прямо изъ канавъ» стекавшее туда вино.

Отбивъ «алкогольный приступъ контръ - революціи» (Троцкій самъ же указываетъ, что вино «лакали» не контръ - революціонеры, а «братва»), Маркинъ смѣнилъ борьбу съ отечественными пропойцами на борьбу съ международными имперіалистами. Безграмотный и тупой скуловоротъ задѣлался коммунистическимъ дипломатомъ... Больше того, — «Маркинъ сталъ на время негласнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ сразу разобрался по своему въ механизмѣ комиссаріата, производилъ твердой рукой чистку родовитыхъ и вороватыхъ дипломатовъ, устраивалъ по новому (!) канцелярію, конфисковалъ въ пользу безпризорныхъ контрабанду, продолжавшую поступать въ дипломатическихъ вализахъ изъ-за границы, отбиралъ наиболѣе поучительные тайные документы и издавалъ ихъ за своей отвѣтственностью (!) и со своими примѣчаніями (!!). Маркинъ... даже писалъ не безъ ошибокъ. Его примѣчанія поражали иногда неожиданностью (?) мысли. Но въ общемъ Маркинъ крѣпко забивалъ дипломатическіе гвозди (?) и какъ разъ тамъ, гдѣ слѣдовало»...

Можно судить, какимъ «министромъ иностранныхъ дѣлъ» былъ самъ Троцкій, если его не безъ успѣха могъ замѣнить Николай Маркинъ. Но высшая демократичность — или «народность» — Троцкаго въ томъ и состоитъ, что онъ и съ Маркинымъ не брезгаетъ стать въ большевицкую пару. Какъ бы то ни было, но установивъ диктатуру пролетаріата, Троцкій съ Маркинымъ смѣнили дипломатическое искусство на военное и, какъ два Аякса, отправились водружать диктатуру на Волгѣ. Когда Троцкій узнавалъ, что въ опасномъ мѣстѣ нахо-

дится его альтэръ-эго матросъ Маркинъ, — «на душѣ становилось спокойнѣе и теплѣе» (почему «теплѣе» Троцкій не поясняетъ, — повѣримъ на слово!). Но пробилъ часъ Маркина — Троцкій переходитъ отъ героики къ элегіи, — и вражеская пуля догнала на Камѣ Маркина и «свалила его съ крѣпкихъ ногъ. Точно гранитная колонна обрушилась передо мною»...

Читая горестную повѣсть о Николаѣ Маркинѣ, со слезами разсказывавшемъ девятилѣтнему сынишкѣ Троцкаго, какъ «женщина, которую онъ давно и крѣпко любилъ, покинула его и что, поэтому, у него бываетъ черно и мрачно на душѣ», — до того черно и мрачно, что онъ дошелъ до большевизма и душегубства, — можно понять психологію этого героя и жертвы Октября. Постичь душу Троцкаго, понять е г о черноту и мракъ, — гораздо, конечно, труднѣе. Труднѣе и забыть и простить живому Троцкому то, что можетъ быть прощено мертвому Маркину. Ибо и самъ онъ говоритъ: «Что можетъ быть прощено темному несознательному человѣку — (или «коллективному Маркину»), — того нельзя простить члену (тѣмъ болѣе «вождю»!) партіи, стоящей во главѣ рабочаго класса всего міра».

3

Троцкій достаточно искушенный политикъ, чтобы понимать, что «въ политикѣ рѣшаетъ не только ч т о, но и какъ и к т о». Мы только что видѣли, к т о о н и, эти герои и рыцари Октября, задавшіеся цѣлью «исключить возможность періодическихъ буйныхъ помѣшательствъ человѣчества и заложить основы болѣе высокой культуры».

Посмотримъ теперь, какъ творился Октябрь, какими методами закладывались «основы болѣе высокой культуры».

Какъ извѣстно, Ленинъ допускалъ — и теоретически, и практически — всѣ средства борьбы съ политическимъ противникомъ. Благая политическая цѣль, соціализмъ и революція, оправдывала для него, какъ для Лойолы, любое скверное средство. Онъ не одинъ разъ публично формулировалъ свой взглядъ на политическую мораль: «Когда въ этомъ есть надобность, слѣдуетъ пускать въ ходъ хитрость, ловкость, нелегальные методы, умолчаніе правды» .

Троцкій не столь откровенно циниченъ. Онъ и этой позиціи не хочетъ сдать безъ боя. И съ моральной точки зрѣнія онъ пытается защищать Октябрь. Но мораль у него не столько даже особая, сколько своя.

Понимая рѣшающую роль насилія въ успѣхахъ Октября, Троцкій вводитъ насиліе въ рамки общеисторической закономѣрности, необходимости и цѣлесообразности. По примѣру узурпаторовъ другихъ временъ и народовъ, онъ и оправданіе большевицкаго насилія ставитъ въ прямую зависимость отъ цѣли, ради которой оно осуществляется, и отъ того, кто насиліе осуществляетъ. «Примѣненіе матеріальной силы играло и играетъ огромную роль въ человѣческой исторіи, иногда прогрессивную, чаще реакціонную, въ зависимости отъ того, какой классъ и для какихъ цѣлей примѣняетъ насиліе».

Однако, не напрасно все-таки оказывался Троцкій на положеніи жертвы насилія, — въ послѣдній разъ насилія пролетарской диктатуры. Вульгарная телеологія его, естественно, никакъ не можетъ удовлетворить. Онъ прибавляетъ, поэтому: «Отсюда безконечно далеко до

вывода, будто насиліемъ можно разрѣшить всѣ вопросы и справиться со всѣми препятствіями. Задержать развитіе прогрессивныхъ историческихъ тенденцій при помощи оружія возможно. Преградить прогрессивнымъ идеямъ дорогу навсегда — нельзя».

Иначе говоря, — торжество «троцкизма» задержано, но не навсегда. Будущее за нимъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Отсюда и соотвѣтствующая мораль: — «Абсолютныхъ правилъ поведенія не существуетъ ни для мира, ни для войны. Все зависитъ отъ обстоятельствъ».

И вотъ иллюстраціи къ тому, какъ это отвлеченное положеніе воплощается въ жизнь.

Кто не слышалъ о знаменитыхъ «Лэтръ де кашэ», объ особыхъ королевскихъ приказахъ объ арестѣ или изгнаніи жертвъ, имена которыхъ иногда вписывались лишь заднимъ числомъ въ приказъ, скрѣпленный королевской печатью? Но если бы не было автобіографіи Троцкаго, кто могъ бы узнать или повѣрить, что «самый революціонный режимъ, который когда либо знало человѣчество» заимствовалъ у французскихъ Бурбоновъ «Лэтръ де кашэ», придавъ имъ только еще болѣе жестокую и непоправимую форму?!

Это было въ іюлѣ 1919 года въ Москвѣ въ засѣданіи коммунистическаго Политбюро. Ленинъ въ «двѣ минуты» сочинилъ и передалъ Троцкому «чистый бланкъ», на которомъ значилось въ лѣвомъ углу: «Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ. Москва. Кремль... іюля 1919 г.», а внизу «красными чернилами»: Товарищи! — Зная строгій характеръ распоряженій тов. Троцкаго, я настоль-

ко убѣжденъ, въ абсолютной степени убѣжденъ, въ правильности, цѣлесообразности и необходимости для пользы дѣла даваемаго тов. Троцкимъ распоряженія, что поддерживаю это распоряженіе всецѣло. — В. Ульяновъ-Ленинъ».

Можно съ презрѣніемъ пройти мимо тѣхъ мотивовъ личнаго свойства, по которымъ только теперь, поссорившись съ «эпигонами», Троцкій сдѣлалъ достояніемъ гласности этотъ чудовищный, особенно для людей, клянущихся соціализмомъ, документъ. Троцкій отлично понимаетъ, какъ компрометируетъ онъ имъ Октябрь. Но онъ не въ силахъ былъ его не «использовать», какъ высшее свидѣтельство «неограниченной моральной довѣренности», оказанной ему Ильичемъ въ то время, какъ его соперника и заушителя Сталина тотъ же источникъ коммунистической благодати наградилъ «моральнымъ волчьимъ паспортомъ».

«Я вамъ выдамъ сколько угодно такихъ бланковъ», — передаетъ Троцкій слова Ленина. И съ послѣднимъ безстыдствомъ человѣка, упоеннаго благоволеніемъ вождя, спокойно комментируетъ значеніе предоставленныхъ ему въ неограниченномъ числѣ «бланковъ»: «Ленинъ ставилъ заранѣе свою подпись подъ всякимъ рѣшеніемъ, которое я найду нужнымъ вынести въ будущемъ. Между тѣмъ отъ этихъ рѣшеній зависѣла жизнь и смерть человѣческихъ существъ».

Эти коммунистическія «Лэтръ де кашэ» — останутся! Онѣ переживутъ Троцкаго, какъ пережили уже Ленина.

Троцкій извѣстенъ своею жестокостью даже въ

большевицкой средѣ. Извѣстны его звѣрскіе приказы, въ которыхъ подчеркивалось, что «единственный порокъ, непростительный для рабочаго класса, это — милосердіе, мягкосердечіе по отношенію къ своимъ классовымъ врагамъ». Онъ самъ разсказываетъ теперь, глухо и въ общей формѣ, какъ именно прикладывалось его прославленное «каленое желѣзо» на Волгѣ, какъ онъ разстрѣливалъ командира, комиссара, «извѣстное (?) число солдатъ». Сознается Троцкій и въ другомъ злодѣяніи, въ гнусной роли, сыгранной имъ въ процессѣ эсэровскихъ смертниковъ - цекистовъ.

«Приведеніе смертнаго приговора въ исполненіе означало бы неотвратимо отвѣтную волну террора, — передаетъ Троцкій свои былыя думы. Ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголѣтней, значило просто поощрить террористовъ, ибо они меньше всего вѣрили въ долголѣтіе совѣтской власти. Не оставалось другого выхода, какъ поставить выполненіе приговора въ зависимость отъ того, будетъ или не будетъ партія продолжать террористическую борьбу. Другими словами вождей партіи превратить въ заложниковъ. Первое свиданіе мое съ Ленинымъ послѣ его выздоровленія произошло какъ разъ въ дни суда надъ соціалистами - революціонерами. Онъ сразу и съ облегченіемъ присоединился къ рѣшенію, которое я предложилъ: «Правильно, другого выхода нѣтъ».

Пусть будущій историкъ рѣшитъ, что хуже — выдавать «Лэтръ де кашэ» или приводить ихъ въ исполненіе? Придумывать ли систему политическаго залож-

ничества въ отношеніи тѣхъ, кто не вѣритъ въ «долголѣтіе совѣтской власти» и, потому, долженъ находиться въ теченіе мѣсяцевъ подъ угрозой казни за дѣянія, внѣ власти приговоренныхъ находящіяся, — или «съ облегченіемъ» санкціонировать эту средневѣковую пытку? На взглядъ современника, — одно стоитъ другого. Ленинъ не уступаетъ Троцкому, какъ Троцкій ни въ чемъ не уступаетъ Сталину, подпадая съ нимъ вмѣстѣ подъ выразительную — и общую — формулу послѣдняго: «Мы всѣ чекисты!»

Ибо Троцкій правъ: большевикъ — не только политическая категорія, но и — особый психологическій типъ!.. Въ этомъ типѣ растворяются индивидуальныя черты и Ленина, и Троцкаго, и Сталина и другихъ большевиковъ. Каждый похожъ на каждаго. Возьмите мелкую, но характерную бытовую деталь. Троцкій пишетъ о себѣ: «Совсѣмъ не ради парадокса, а потому, что такъ оно и есть, я долженъ сказать, что не выношу безпорядка и разрушенія». А вотъ его описаніе «интерьера» другого великаго разрушителя: «въ комнатѣ Ленина царилъ, какъ всегда, образцовый порядокъ. Ленинъ не курилъ. Нужныя газеты съ помѣтками лежали подъ рукой»...

Или другой эпизодъ. Ленинъ показываетъ Троцкому издали Вестминстеръ «и еще какія-то примѣчательныя зданія». Не помню, какъ онъ сказалъ, но оттѣнокъ былъ такой: «это у нихъ знаменитый Вестминстеръ». «У нихъ» значило, конечно, не у англичанъ, а у правящихъ классовъ. Этотъ оттѣнокъ, нисколько не подчеркнутый, глубоко органическій былъ у Ленина всегда», — говорилъ ли онъ о нѣмецкой артиллеріи и французской авіаціи или о «какихъ-либо цѣнностяхъ культуры или новыхъ достиженіяхъ, книжныхъ богат-

ствахъ Британскаго Музея» и т. д. То же и у Троцкаго. Общая психологія, общая и политическая мораль *).

4.

Мы видѣли, что Троцкій — и общѣе: большевицкій Октябрь — отрицаетъ наличность и возможность абсолютныхъ правилъ поведенія: «все зависитъ отъ обстоятельствъ». Тѣмъ не менѣе и у Троцкаго такого

*) Для насъ, въ отличіе отъ Троцкаго, дѣло идетъ не только о политической борьбѣ, но и объ исторической правдѣ, и потому мы считаемъ не лишнимъ остановиться на той недооцѣнкѣ Троцкаго, которую допускаетъ въ своихъ "Современникахъ" прославленный мастеръ политическаго портрета **М. А. Алдановъ.**

Троцкій служитъ для Алданова фономъ для портрета главнаго "героя" Сталина, котораго Алдановъ въ такой же мѣрѣ, на нашъ взглядъ, переоцѣниваетъ, въ какой недооцѣниваетъ Троцкаго. Признать Сталина "человѣкомъ выдающимся, безспорно самымъ выдающимся во всей ленинской гвардіи", можно только въ самомъ формальномъ смыслѣ употребленныхъ при этомъ словъ. По существу же эта характеристика такъ же невѣрна, какъ и отзывъ о Троцкомъ, какъ "актерѣ для невзыскательной провинціальной публики", "Ивановѣ-Козельскомъ русской революціи", "лишенномъ идей", хотя и не лишенномъ ума и характера.

Конечно, у Троцкаго есть нѣчто отъ "отважнаго кавалериста слова" — Демьяна Бѣднаго. Но эта "пежюративная" оцѣнка по существу не противорѣчитъ и болѣе положительной — Бернарда Шоу, назвавшаго Троцкаго "королемъ памфлетистовъ". Однако утверждать, что "отъ Троцкаго останется десять тысячъ восклицаній — все больше образныя", — къ сожалѣнію, уже никакъ нельзя. Къ нашему глубочайшему сожалѣнію, отъ Троцкаго, какъ, впрочемъ, и отъ Ленина, Сталина и прочихъ, останется очень многое сверхъ ихъ восклицаній, образныхъ и безобразныхъ... Вѣдь и сейчасъ многое изъ того, что сдѣлалъ и дѣлаетъ Сталинъ, есть въ значительной мѣрѣ выполненіе "генеральной линіи" его соперника и врага Троцкаго!

Рискуя быть обвиненнымъ въ оскорбленіи коммунистическаго величества, я позволю себѣ все же утверждать, что какъ ораторъ, писатель и темпераментный политическій боецъ Троцкій гораздо даровитѣе и,въ этомъ смыслѣ, выше не только бездарнаго Сталина, но и "геніальнаго", — по убѣжденію не однихъ только оффиціальныхъ большевиковъ, — Ленина. Не уступалъ Троцкій

рода правило имѣется. Какъ «массовикъ» и сторонникъ непрерывной революціи, онъ убѣжденъ, что «не можетъ быть большаго идейнаго паденія для революціоннаго политика, какъ обманывать массы». Даже въ приказахъ на поляхъ сраженія онъ предписывалъ: «За неправду карать, какъ за измѣну. Военное дѣло допускаетъ ошибки, но не ложь, обманъ и самообманъ».

Казалось бы, хорошо: хоть что-то является недопустимымъ и для большевика! Есть все таки предѣлъ на-

---

Ленину и въ мужествѣ. И не потому, чтобы Троцкій былъ такой ужъ Ринальдо Ринальдини или чудо-богатырь, а потому, что Ленинъ вовсе не былъ такимъ "мужественнѣйшимъ изъ людей", какимъ его въ согласіи съ другими совѣтскими иконографами изображаетъ и Троцкій.

Въ опроверженіе господствующей легенды объ исключительномъ якобы мужествѣ Ленина Троцкій приводитъ рядъ интересныхъ фактовъ и эпизодовъ. Оказывается, Ленину вообще "всегда была въ высшей степени свойственна забота о неприкосновенности (!) руководства". Въ этомъ Троцкій усматриваетъ одну изъ чертъ, отличавшихъ Ленина отъ отважнаго до безразсудства Карла Либкнехта.

Ленинъ, видимо, постоянно находился подъ страхомъ быть убитымъ.

"5-го (іюля 17г.) я видѣлся съ Ленинымъ. Наступленіе массъ было уже отбито. "Теперь они насъ перестрѣляютъ, — говорилъ Ленинъ. — Самый для нихъ подходящій моментъ"...

"А что, — спросилъ меня совершенно неожиданно Владимиръ Ильичъ въ тѣ же первые дни (Октября), — если насъ съ вами бѣлогвардейцы убьютъ, смогутъ Свердловъ съ Бухаринымъ справиться? — Авось не убьютъ, — отвѣтилъ я, смѣясь. — А чортъ ихъ знаетъ, — сказалъ Ленинъ, и самъ разсмѣялся".

Есть и другія свидѣтельства.

Предѣльно отвергая Троцкаго, ненавидя и борясь съ нимъ, надлежитъ все же отдать ему то, что ему принадлежитъ. Умаляя своихъ враговъ, одержавшихъ надъ нимъ пусть исторически кратковременную и иллюзорную побѣду, но все же побѣду, мы умаляемъ не только ихъ, но и самихъ себя, претерпѣвшихъ пораженіе отъ ничтожества. Морально — за единичными исключеніями буквально — большевики стоятъ другъ друга: всѣ одинаково ничтожны. Но интеллектуально — они все-же разнствуютъ во "славѣ", какъ бы призрачна ни была она.

сильственному внѣдренію новаго міра и «болѣе высокой культуры». Но, увы! Факты, которые одновременно съ утвержденіемъ этого, какъ будто бы уже «абсолютнаго правила» приводитъ и оправдываетъ Троцкій, свидѣтельствуютъ не только о внутренней «неувязкѣ» его личной логики и морали, — но и о глубочайшемъ «идейномъ паденіи» Октября.

Кто не помнитъ бѣшенной аттаки, которую вели раздѣльно и согласованно большевики и Троцкій противъ введенной временнымъ правительствомъ смертной казни на фронтѣ, — противъ того, что революціонная власть насильственно, подъ угрозой смерти, гонитъ въ бой «пушечное мясо». А сейчасъ, послѣ октябрьскаго опыта гражданской войны, Троцкій уже въ общемъ видѣ отстаиваетъ самыя жестокія мѣропріятія, практиковавшіяся воюющими во время «имперіалистической бойни», и не претендовавшей на установленіе «болѣе высокой культуры».

«Нельзя вести людей на смерть, не имѣя въ арсеналѣ командованія смертной казни. До тѣхъ поръ, пока гордыя своей техникой злыя безхвостыя обезьяны, называемыя людьми, будутъ строить арміи и воевать, — поучаетъ злая безхвостая обезьяна, называемая большевикомъ Троцкимъ, — командованіе будетъ ставить солдатъ между возможной смертью впереди и неизбѣжной (!) смертью позади»...

Этимъ свидѣтельствуется попутно, что изъ сражавшихся подъ красными знаменами многіе погибли не отъ бѣлыхъ, а отъ красныхъ пуль. Множество красныхъ бойцовъ, которыхъ продолжаютъ числить и чтить, какъ павшихъ «смертью храбрыхъ» за «Серпъ и молотъ»,

фактически положили животы и сложили свои головы, пострадали о т ъ «Серпа и молота».

Менѣе трагиченъ, но не менѣе показателенъ и отвратенъ другой фактъ — введеніе правдолюбивымъ, пусть въ отношеніи только къ массамъ, Троцкимъ ордена «Краснаго Знамени». «Вводя орденъ (послѣ того, какъ «еще только недавно мы сумѣли отмѣнить ордена стараго режима»), я имѣлъ въ виду дополнительный стимулъ для тѣхъ, для кого недостаточно внутренняго сознанія революціоннаго долга (какъ будто «старый міръ» не имѣлъ въ виду какъ разъ тотъ же «дополнительный стимулъ»?). Ленинъ поддержалъ меня. Орденъ привился». Вскорѣ задѣлались кавалерами и Троцкій, и Буденный, и Сталинъ, и прочіе строители «болѣе высокой культуры».

Надо замѣтить къ тому же, что Троцкій самъ отказался отъ права на обычную для жестокихъ правителей увертку и ссылку на внѣшнія или чрезвычайныя обстоятельства, заставившія его прибѣгнуть къ такимъ жестокимъ или обманнымъ мѣропріятіямъ. Ибо Троцкій рѣшительно поучаетъ, правда, другихъ, что «партія, которая недостаточно сильна, чтобы отвѣчать за свои дѣйствія, не имѣетъ права брать власть»!..

Имѣла ли право брать власть партія большевиковъ, если, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть, ей надо было прибѣгать къ «Лэтръ де кашэ», къ системѣ политическаго заложничества, къ пулеметамъ въ спину своимъ же бойцамъ, къ орденамъ и всему прочему, построенному на предѣльномъ для «революціонныхъ политиковъ идейномъ паденіи» — на систематическомъ обманѣ массъ?

Имѣла ли право брать и удерживать власть партія большевиковъ послѣ того, какъ и для нея самой выясни-

лись въ Брестѣ ея полное безсиліе и безотвѣтственность? Троцкій красочно описываетъ, какъ ему не удалось добиться лавровъ и сразить гидру германскаго имперіализма. Съ первыхъ же дней господиномъ положенія въ Брестѣ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался не Троцкій, а генералъ Гофманъ. Гофманъ безъ особыхъ стѣсненій — кого было стѣсняться? — и не одинъ разъ «клалъ свой солдатскій сапогъ на столъ, вокругъ котораго развертывались пренія». Троцкій въ Брестѣ — не чета Троцкому въ Таврическомъ и Смольномъ — очень быстро убѣдился, что «именно сапогъ Гофмана является единственной серьезной реальностью въ этихъ переговорахъ», а вовсе не аффектированная декламація большевиковъ.

И убѣдившись въ этомъ, въ твердой увѣренности, что «мы всегда успѣемъ капитулировать достаточно рано», Троцкій сосредоточилъ свои силы и вниманіе не на оборонѣ интересовъ Россіи противъ притязаній Германіи, а на защитѣ своихъ собственныхъ трудовъ и дней въ славные дни Октября. Въ этомъ онъ снова трогательно совпалъ съ «великимъ больнымъ». Оказывается, и «Ленинъ былъ буквально счастливъ, когда я привезъ съ собой готовую рукопись объ октябрьской революціи. Мы одинаково видѣли въ ней одинъ изъ скромныхъ залоговъ будущаго реванша за тяжкій миръ».

Большевики вообще не охотно говорятъ о содержаніи «тяжкаго мира», ими подписаннаго и, если бы не побѣда западно-европейской, столь ненавистной большевикамъ, демократіи, ставившаго Россію въ вассальную зависимость отъ Германіи. (Да и то сказать, — по признанію Троцкаго, для него съ Ленинымъ все германское, въ томъ числѣ и германская революція, были — «неиз-

мѣримо важнѣе нашей»). Неудивительно, что при такомъ отношеніи къ Россіи они могли найти утѣшеніе отъ позора и гнета брестскаго мира въ — «рукописи объ октябрьской революціи», въ ней увидѣть «залогъ будущаго революціоннаго реванша».

Поѣхали за мирнымъ договоромъ, а привезли собственную — новую — рукопись... Трагическое перекрещивается съ смѣхотворнымъ.

При Николаѣ II, въ японскую войну, японцы насъ — шимозами, а мы ихъ — молебнами. При коммунистахъ Ленинѣ и Троцкомъ нѣмцы насъ — «аннексіями и контрибуціями», а мы ихъ — рукописями и брошюрами, правда, «вскорѣ переведенными на дюжину европейскихъ и азіатскихъ языковъ» (за счетъ русской казны)...

Только и вся разница между старымъ міромъ и — «новымъ»!

5.

Книга Троцкаго съ полной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о томъ, что партія большевиковъ обманывала массы и «оптомъ», какъ партія, сулившая новое небо и новую землю, и «въ розницу» — отдѣльными мѣропріятіями. И если раньше кто-либо изъ болѣе добропорядочныхъ энтузіастовъ-фантазеровъ этого не понималъ или не замѣчалъ, то теперь уже давно нѣтъ мѣста для искренняго заблужденія или самообмана. Теперь уже нѣтъ никого среди руководителей большевицкой верхушки, кто не сознавалъ бы отчетливо, что изъ великаго соблазна родился Октябрь, на обманѣ онъ утвердился, насиліемъ и обманомъ и держится. Не только враговъ своихъ обманывалъ большевизмъ, не «мас-

самъ» только лгалъ онъ, онъ лгалъ и своимъ друзьямъ, — они обманывали другъ друга.

Лжетъ и фальшивитъ, конечно, и Троцкій.

Онъ утверждаетъ, что «каждая строчка газеты («Правды»), каждая буква ея лгала»... Но замѣтилъ онъ это только тогда, когда его самого выкинули изъ этого лживаго органа, — изъ «Правды» и изъ совѣтской Россіи. Не раньше! Троцкій считаетъ «однимъ изъ величайшихъ обмановъ исторіи» — не больше и не меньше! — употребленіе, которое сдѣлали Сталинъ и прочіе «эпигоны» изъ стараго письма Троцкаго къ будущему «соціалъ-предателю» Чхеидзе съ непочтительнымъ отзывомъ объ Ильичѣ. Мимо многихъ, другихъ, гораздо болѣе серьезныхъ обмановъ босфорскій отшельникъ проходитъ совершенно равнодушно. О нихъ онъ не упоминаетъ. Они е г о не касаются.

Его низменная душа не чувствуетъ всего неприличія причитаній и сѣтованій на не-товарищеское обхожденіе, которому Троцкаго подвергъ его недавній соратникъ и товарищъ Сталинъ, не замѣчаетъ и отравленнаго оружія, которое самъ же даетъ противъ себя врагу, утверждая — «пытаться оправдывать революціонный терроръ значило бы считаться съ обвинителями»...

«Болѣе высокая культура» оказывается при провѣркѣ и не болѣе высокой и совсѣмъ не оригинальной. Она сводится въ своемъ существѣ къ старому, какъ міръ, правилу: когда я насилую, это — добро, когда же насилуютъ меня, это — зло. Объективные же результаты того, къ чему приводитъ насиліе, къ чему привели, въ частности, Россію совмѣстныя усилія и Троцкаго, и Сталина, и самого Ильича не представляютъ для адептовъ «болѣе высокой культуры» никакого значенія.

Троцкій возстанавливаетъ незабываемую картину

первыхъ часовъ Октября — «часовъ высшаго напряженія духовныхъ силъ» у всѣхъ октябрьскихъ заговорщиковъ. «Власть завоевана, по крайней мѣрѣ, въ Петроградѣ. Ленинъ еще не успѣлъ перемѣнить свой воротникъ. На усталомъ лицѣ бодрствуютъ ленинскіе (!) глаза. Онъ смотритъ на меня дружественно, мягко, съ угловатой застѣнчивостью, выражая внутреннюю близость.

— Знаете, — говоритъ онъ нерѣшительно, — сразу послѣ преслѣдованій и подполья къ власти... — онъ ищетъ выраженія — es schwindelt, — переходитъ онъ неожиданно на нѣмецкій языкъ и показываетъ рукой вокругъ головы. Мы смотримъ другъ на друга и чуть смѣемся».

Это картина — символическая. У Ленина «закружилась голова». Онъ почувствовалъ—es schwindelt.

Но почувствовалъ ли онъ, замѣтилъ ли Троцкій въ тѣ дни, или позднѣе, когда, полный піэтета къ Октябрю, онъ вспоминалъ слова незабвеннаго Ильича, что schwindeln на нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ и другое значеніе — мошенничать ?! Догадывались ли объ этомъ главные герои Октября, когда они, какъ авгуры, «смотрѣли другъ на друга и чуть смѣялись»?...

Когда мы теперь, въ мартѣ 30 года, читаемъ статью Сталина «Головокруженіе отъ успѣховъ», мы уже точно знаемъ, какой природы это головокруженіе. Оно того же порядка, что и «головокруженіе» Ленина въ 17 году.

Ибо въ этомъ — Октябрь.

«НРАВСТВЕННЫЙ ЛИКЪ РЕВОЛЮЦІИ» ПО И. З. ШТЕЙНБЕРГУ.

1.

Политическая идеологія и пріемы управленія октябрьскаго періода русской революціи качественно отличны отъ періода ему предшествовавшаго. Даже самые пристрастные противники Февраля не рѣшатся его упрекать въ склонности отстаивать власть тѣми методами, къ которымъ прибѣгалъ Октябрь. За отказъ отъ этихъ методовъ особенно часто и упрекаютъ Февраль. Здѣсь одинъ изъ прерывовъ въ ходѣ революціи. Ибо въ прямую противоположность Октябрю Февраль предпочелъ быть гильотинированнымъ, — лишь бы не гильотинировать. Это можно считать непростительной ошибкой, но это такъ. Въ этомъ Февраль какъ бы слѣдовалъ завѣту Дантона.

Этой проблемѣ посвященъ «Нравственный ликъ революціи» И. В. Штейнберга, — скромнаго праваго эсэра и оборонца до революціи и «страшнаго» революціонера и интернаціоналиста послѣ революціи. Октябрь сдѣлалъ его на короткое время совѣтскимъ «наркомюстомъ».

Написанная манерно, мѣстами напыщенно, съ тою «красивостью», которая побуждала еще Базарова умолять своего друга Аркадія «не говорить красиво», —

Штейнбергъ пытается оправдать и возвеличить октябрьскій періодъ революціи въ отличіе отъ періодовъ до- и по-октябрьскаго, который авторъ датируетъ іюлемъ 18-го года, когда наступили «послѣдніе дни свободной жизни русской революціи».

Въ осмысливаніи и періодизаціи русской революціи авторъ до мелочей автобіографиченъ. Подъемъ русской революціи начинается съ приходомъ его и его друзей. Закатъ — съ ихъ уходомъ. Въ своемъ соучастіи во власти съ большевиками онъ видитъ торжество благого, дантоновскаго начала въ революціи. Въ монопольномъ овладѣніи властью коммунистами, наоборотъ, — торжество злой, робеспьеровской стихіи въ революціи. Трудно сказать, насколько серьезнымъ кажется самому автору такое уподобленіе совѣтскаго наркомюста министру юстиціи французской революціи. Въ интересахъ автора будемъ считать это уподобленіе Штейнбергъ-Дантонъ лишь своеобразнымъ литературнымъ оборотомъ.

Главное содержаніе книги составляютъ разсужденія. Иногда они не лишены интереса, но только не въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ стремится лѣво-эсэровскую оригинальность проявить и свою собственную образованность показать. Когда онъ безпорядочно начинаетъ цитировать Макіавелли вперемежку съ Лавровымъ, себя и Чернова съ Кинэ и т. д., онъ напоминаетъ своего незадачливаго коллегу по наркомату юстиціи А. Шрейдера — по невыносимой нудности, много- и противо-рѣчивости.

Заданіе Штейнберга отнюдь не свидѣтельствуетъ объ его скромности. Упоминая всуе о кантовской критикѣ чистаго разума, онъ сосредоточивается на построеніи собственной «Критики чистаго насилія», кото-

рому онъ прокладываетъ дорогу между «наивнымъ революціоннымъ реализмомъ все пріемлющихъ большевиковъ и полнымъ антиреволюціоннымъ скептицизмомъ все отвергающихъ толстовцевъ». Авторъ отважно расправляется со всѣми препятствіями, воздвигаемыми на его пути логикой, моралью, исторіей. При этомъ доводы часто замѣняются декларацiей и углубляются чисто типографскимъ способомъ — курсивомъ.

«Вы спросите: въ состояніи ли человѣкъ справиться съ исторіей? На это лишь одинъ отвѣтъ. Долженъ съ нею справиться». «Мы хотимъ человѣка гордаго. Мы хотимъ человѣка любящаго». — Тутъ, по крайней мѣрѣ, понятны «хотѣнія» автора. Но извольте проникнуть въ смыслъ слѣдующаго, напримѣръ, поученія: «чтобы имѣть человѣка вольнаго и добраго, надо сейчасъ любить и уважать («жаловать»), направляя эти чувства на человѣка реальнаго и всякаго»....

Было бы несправедливымъ не отмѣтить, что съ возрастомъ и лѣво-эсэровскіе «ребята» входятъ въ разумъ. Въ «Нравственномъ ликѣ революціи» немало положительныхъ истинъ, до которыхъ очень медленно, но все же доработалось лѣво-эсэровское сознаніе. Такъ мы узнаемъ, что «не всякое желаніе и дѣйствіе трудящихся — законъ для соціализма», что «политика гражданской войны состоитъ не въ изверженіи кого-либо (и будь то самый типичный представитель умирающаго класса) изъ рядовъ новаго, соціалистическаго общежитія, а какъ разъ въ обратномъ: въ солидаризаціи всѣхъ подъ общей кровлей новаго общежитія» и тому подобныя поучительныя истины. Теперь и Штейнбергъ понялъ, наконецъ, — чего онъ явно не понималъ, когда произносилъ съ трибуны Учредит. Собранія едва ли не

наиболѣе возмутительную изъ рѣчей, произнесенныхъ въ тотъ день въ Таврическомъ дворцѣ. Теперь и онъ сообразилъ, что «тамъ, гдѣ достаточно объявить или заподозрить человѣка, хотя бы и враждебнаго класса или лагеря, въ контръ-революціи или противоправительственномъ настроеніи, чтобы предать его суду, презрѣнію, смерти, — можетъ ли быть вниманіе къ человѣку».

Теоретическій интересъ книги Штейнберга весьма скуденъ. Какъ итогъ самостоятельнаго творчества, — работа убога. Болѣе значительна политическая сторона книги. Интересны нѣкоторые отдѣльные факты, сообщаемые освѣдомленнымъ въ совѣтской политикѣ начала 18-го года авторомъ. Такъ мы узнаемъ, что еще въ мартѣ 18-го года, когда ни о какихъ волжскихъ фронтахъ и террористическихъ актахъ и помину не было, исполнительный комитетъ въ Ростовѣ на Дону «серьезно обсуждалъ вопросъ о поголовномъ разстрѣлѣ всѣхъ лидеровъ мѣстныхъ меньшевиковъ и правыхъ с.-р., обсуждалъ, рѣшалъ и не набралъ только большинства голосовъ». — Наибольшее же значеніе имѣетъ, конечно, покаяніе, которое приноситъ бывшій комиссаръ совѣтской юстиціи отъ себя и своихъ товарищей — лѣвыхъ эсэровъ.

Напомнивъ «съ гордостью» о протестахъ противъ террора, которые заявляли лѣвые эсэры въ ВЦИК, Совнаркомѣ и ВЧК, — во всѣхъ этихъ равнопочтенныхъ учрежденіяхъ съ равнымъ успѣхомъ, — Штейнбергъ пишетъ: «Надо сказать разъ навсегда прямо: мы не сдѣлали всего, что отъ насъ зависѣло. Мы слишкомъ часто отдѣлывались чисто оффиціальной критикой, не продолжая послѣ этого внѣдрять въ сознаніе массъ нашихъ идей о насиліи и террорѣ. Мы слиш-

комъ часто во имя политическихъ или о б щ е-революціонныхъ задачъ (или согласія съ большевиками или престижа власти), отмалчивались, бездѣйствовали. Софистикой «интересовъ революціи», какъ тактическимъ плащемъ, мы накрывали больно задѣвавшіе насъ вопросы революціонной этики и высшей ея цѣлесообразности. А частью мы и въ своей средѣ имѣли лицъ, большевистски настроенныхъ... Мы не реагировали на безумную газетную травлю тѣхъ же кадетовъ, всякихъ инакомыслящихъ, любыхъ «контръ-революціонеровъ», которая густой пѣной изливалась на благоговѣйно слушавшія массы... Мы не реагировали на систематическія напутствія въ (?) гражданскую войну со стороны правящихъ верховъ».

Авторъ кается въ своемъ — и своихъ товарищей — отношеніи къ дѣлу о «низкомъ умерщвленіи» въ тюремной больницѣ Кокошкина и Шингарева. По увѣреніямъ автора, стоявшаго какъ разъ тогда во главѣ комиссаріата юстиціи, послѣдній серьезно готовился къ разбирательству дѣла передъ революціоннымъ трибуналомъ. Правда, совѣтскій генералъ-прокуроръ преслѣдовалъ при этомъ скорѣе агитаціонныя и пропедевтическія цѣли, стремился — «не къ индивидуальному наказанію тѣхъ или иныхъ впавшихъ въ заблужденіе (!) злодѣевъ, а къ широкому выясненію передъ лицомъ трудящихся соціальной и политической обстановки этого событія». Тѣмъ не менѣе, и на такую постановку процесса большевики не согласились: Штейнбергъ предполагалъ, а Ленинъ «расположилъ» по своему. «Процессъ, вопреки волѣ нашей партіи, не состоялся... Противъ процесса стали поступать протесты нѣкоторыхъ матросскихъ командъ, съ которыми тогда усиленно заигрывали... Большевики не пожелали изъ этого «вопроса» дѣлать боль-

шого событія. И здѣсь выступаетъ наружу наша вторая вина, ибо и м ы, глубоко болѣвшіе этимъ убійствомъ, не смогли все же изъ-за этого «вопроса» вступить въ конфликтъ съ большевиками... Мы не поняли тогда, что этотъ случай — одинъ изъ тормазовъ, отъ которыхъ въ корнѣ ломаются такія системы. Мы не поняли тогда, что здѣсь шла рѣчь о самомъ принципѣ, о самой душѣ революціи. Мы не поняли... (насколько) отвѣтственнѣе было совсѣмъ не разсматривать этого дѣла, оставить его безнаказаннымъ,не обсужденнымъ,не осужденнымъ». — И какъ заключительный аккордъ, — «слѣды этого событія, моральныя пятна его, не стертыя властью, конечно, незамѣтными путями, но сохранялись въ памяти массъ»...

2.

Mea culpa — всегда достойно уваженія, какъ актъ мужества со стороны прегрѣшившаго. Покаяніе всегда полезно для самопознанія и самооцѣнки кающагося. Къ сожалѣнію, «Нравственный ликъ революціи» не обнаруживаетъ того, чтобы лѣво-эсэровскіе грѣшники, хотя бы заднимъ числомъ, осознали до конца свое предѣльное непониманіе всей обстановки 17-го года. Они не только въ прошломъ «не поняли» своихъ партнеровъ по Октябрю, — оказались «дурачками», какъ неуважительно назвалъ ихъ Ленинъ, — они и сейчасъ упорствуютъ въ той оцѣнкѣ смысла Октября, которую и не всякій правовѣрный октябристъ-коммунистъ рискуетъ теперь защищать. Въ самомъ дѣлѣ, кто рѣшится сейчасъ вмѣстѣ съ Штейнбергомъ раздѣлить блаженную увѣренность въ томъ, что «Октябрь сбросилъ историческій барьеръ между классами, историческое средостѣніе между бѣднымъ и богатымъ». Или —

что въ Брестѣ большевики съ лѣвыми эсэрами дали нѣмцамъ «длительную (!) и славную (!!) дипломатическую битву»...

Приставъ къ большевикамъ-побѣдителямъ на слѣдующій день послѣ того, какъ обозначилась ихъ побѣда, авторъ «Нравственнаго лика революціи» оказывается сейчасъ большимъ энтузіастомъ Октября, нежели нѣкоторые изъ непосредственныхъ творцовъ и вдохновителей этого Октября. Это въ извѣстномъ смыслѣ предрѣшаетъ, что въ будущемъ И. З. Штейнбергу, если онъ будетъ правдивъ и искрененъ, придется каяться и въ нынѣшнемъ дѣлѣ его рукъ — въ «Нравственномъ ликѣ революціи».

Въ прошломъ году Штейнбергъ выпустилъ новую книгу, уже на нѣмецкомъ языкѣ — «Когда я былъ народнымъ комиссаромъ. — Эпизоды изъ октябрьской революціи». Въ этой книгѣ встрѣчается «эпизодъ», въ которомъ Штейнбергъ не имѣлъ мужества сознаться въ «Нравственномъ ликѣ революціи». Онъ о немъ умолчалъ и не покаялся, хотя было въ чемъ...

Сейчасъ впервые узнаемъ мы о безсудномъ разстрѣлѣ — на мѣстѣ — произведенномъ большевиками почти публично въ томительные часы засѣдавшаго въ Таврическомъ Дворцѣ Учредительнаго Собранія.

Ждали крови — кое-кто жаждалъ ее и тогда, и позже скорбѣлъ, почему она не пролилась въ Таврическомъ дворцѣ, въ залѣ засѣданія. Кровь пролилась снаружи, въ Таврическомъ саду. Правда, не «контръ-революціонная» кровь «учредиловца», а — «красы и гордости» октябрьской революціи, кровь безвѣстнаго матроса изъ охраны Ленина...

Совнаркомъ собрался въ бывшемъ министерскомъ павильонѣ. Ленинъ снялъ пальто и повѣсилъ его на стѣ-

ну. А въ карманѣ остался револьверъ. Вернувшись изъ зала, Ленинъ обнаружилъ, что револьверъ изъ пальто исчезъ. Ограбленный пророкъ истины — «грабь награбленное» заявилъ о случившемся старшему по охранѣ, которую несли вѣрные большевикамъ матросы. Старшій былъ страшно раздосадованъ. «А позднѣе, къ вечеру, когда близились часы агоніи Учредительнаго Собранія, — разсказываетъ Штейнбергъ, — узнали мы, что стража обнаружила похитителя. Это былъ одинъ изъ нихъ. И она разстрѣляла его тутъ же, въ саду»...

Это было 5-го января 1918-го года, т. е. до всякихъ убійствъ и покушеній на убійство Ленина, Урицкаго, Володарскаго и т. д., или, какъ выражается Штейнбергъ, въ «честное время» октября.

И блюститель революціоннаго права и закона, благородный «наркомюстъ», никакъ не отозвался на этотъ безсудный разстрѣлъ...

Черезъ шесть недѣль въ томъ же залѣ Таврическаго дворца, куда Смольный имѣлъ обыкновеніе перекочевывать для историческихъ рѣшеній судебъ Россіи и судебъ міра, разыгрался эпилогъ того, что намѣтилось еще въ день роспуска Учредительнаго Собранія: совѣты безславно капитулировали передъ Гогенцоллерномъ...

10 февраля Троцкій бросилъ свой «революціонный» кличъ: «Ни мира — ни войны! Похабнаго мира мы не заключаемъ, но и братоубійственной имперіалистической войны не ведемъ! Армію демобилизуемъ!» Штейнбергъ и по сей день считаетъ эту неслыханную глупость морально-политическимъ вѣнцомъ «революціонной мысли», поразившимъ иностранныхъ дипломатовъ — на то они и имперіалисты! — и хорошо понятнымъ революціонно настроенными массами въ Россіи.

Какъ бы то ни было, изумились ли дипломаты или нѣтъ, но уже черезъ нѣсколько дней они спохватились, и генералъ Гофманъ авторитетно разъяснилъ совѣтской власти, какъ о н ъ понимаетъ формулу Троцкаго: въ полдень 18-го февраля «миръ» кончается, и возобновляется «война». Штейнбергъ хорошо передаетъ необычайные кавардакъ и панику, охватившіе при этомъ извѣстіи держателей совѣтской власти. Ни большевики, ни лѣвые эсэры никакъ не ожидали такого пассажа со стороны нѣмецкихъ генераловъ и дипломатовъ. Между правящими фракціями была только та разница, что большевики смотрѣли трезво, а лѣвые эсэры и въ эту минуту не могли воздержаться отъ того, чтобы «говорить красиво»...

Уже 17-го февраля въ засѣданіи большевистскаго ЦК палъ духомъ авторъ «рѣдкостной» формулы: сдавъ безъ бою свою позицію, Троцкій поплелся въ кильватерѣ у Ленина. А ленинская позиція всегда была «безъ черемухи». Онъ уже давно съ самаго дня роспуска Учредительнаго Собранія, въ опубликованныхъ 7-го января «тезисахъ о мирѣ», стоялъ за сепаратный миръ. Предъ ультиматумомъ Гофмана Ленинъ 18-го февраля заговорилъ еще болѣе рѣшительно: «Не надо играть съ войной. Мы не можемъ больше ждать. Игра длилась такъ долго, что дѣло можетъ дойти до пораженія революціи, если мы еще дальше будемъ держаться средней линіи. Если бы нѣмцы выставили требованіе упразднить большевистскую власть, тогда мы безусловно должны были бы продолжать войну. Теперь же нельзя больше откладывать... Смѣшно говорить о войнѣ, когда мы демобилизовали... Если нѣмцы отберутъ Лифляндію и Эстляндію, мы понесемъ эти жертвы ради революціи. Если они потребуютъ, чтобы мы увели нашу армію изъ

Финляндіи, пожалуйста, пусть берутъ революціонную Финляндію»...

Ленинъ зналъ хорошо, чего онъ хотѣлъ. «Чего намъ стыдиться заключенія мира? Мы не мелкобуржуазные герои, не польскіе феодальные шляхтичи, у которыхъ грудь вздымается отъ чванства... Нѣмцы тоже заключили однажды съ Наполеономъ Тильзитскій миръ, много хуже нынѣшняго»...

И наряду съ этой позиціей — циничной, но понятной, — особенно нелѣпыми и смѣшными кажутся разсужденія Штейнберга о борьбѣ противъ Германіи путемъ «революціоннаго возстанія», гдѣ вмѣсто арміи будутъ дѣйствовать «партизаны», воодушевленные не отсталой идеей о спасеніи Россіи и русскаго государства, а идеей соціальнаго переворота: если въ русскихъ степяхъ и водахъ могъ погибнуть «національный Наполеонъ», почему не погибнетъ въ нихъ и «Наполеонъ соціальный».

Ленинъ понималъ, что нѣмцы — не лѣвые эсэры, шутить не будутъ. Онъ зналъ хорошо и своихъ «папенгеймеровъ»: военныя доблести Крыленко и Дыбенко, боеспособность сухопутныхъ матросовъ и, главное, свое личное вліяніе на «партійцевъ». Предъ ультиматумомъ Гофмана они, можетъ быть, и не спасовали бы, но передъ Ленинымъ, предъ его угрозой выйти изъ Совнаркома и ЦК, они устоять, конечно, были не въ силахъ.

У лѣвыхъ же эсэровъ была тактика проволочекъ. «Лучше подождать событій», — рекомендовалъ Штейнбергъ. «Подождемъ худшаго» — вторилъ ему Карелинъ. Можетъ быть, все-таки «міровая» подойдетъ и «октябрьская» будетъ спасена...

А нѣмцы, продолжая наступать, взяли Псковъ, Минскъ, — ибо и они знали «своихъ папенгеймеровъ»

— большевиковъ, для которыхъ превыше всего было сохраненіе власти въ своихъ рукахъ, и лѣвыхъ эсэровъ, для которыхъ, по свидѣтельству Штейнберга, важнѣе всего было сохраненіе совѣтской республики.

Штейнбергъ ссылается на добрую вѣру и надежды, которыми были охвачены онъ и его единомышленники. «Мы были юны» — напоминаетъ онъ. Но онъ забываетъ, что и юность была относительная и, главное, что она можетъ лишь смягчить кару, а не вовсе освободить отъ отвѣтственности. За добрыя и юношескія надежды легкомысленныхъ юнцовъ Россіи пришлось подписать условія мира, дважды ухудшенныя по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ договора. И если условія эти частью потомъ отпали, — то не отъ революціоннаго жеста Карахана, Чичерина и нынѣшняго полпреда въ Лондонѣ Сокольникова, не отъ того, что они подписали условія мира, «не читая», а, увы, отъ побѣды англо-французскихъ «имперіалистовъ»...

3.

Но тягостнѣе всего читать писанія «наркомюста» о террорѣ.

Мы имѣемъ въ виду не изобличающія его «плебейскую», въ худшемъ смыслѣ этого слова, природу замѣчанія о собственномъ благородствѣ и галантномъ обхожденіи съ жертвами совѣтской власти. Очевидно, и на смертномъ одрѣ будетъ онъ вспоминать о власти, бывшей когда-то въ его рукахъ и заставлявшей г-жу Щегловитову въ хлопотахъ за мужа «поспѣшно подниматься», завидя «наркомюста», и д-ра Манухина «подавать прошеніе» отъ имени Краснаго Креста о заключенныхъ и т. д. Авторъ явно не понимаетъ нелѣпости и не

чувствуетъ безстыдства въ противопоставленіи своихъ, пусть даже и благихъ, порывовъ тѣмъ гнуснымъ свершеніямъ, которыя творила совѣтская власть при благосклонномъ соучастіи — иногда и физически, и всегда морально-политически — и лѣвыхъ эсэровъ.

Являясь усерднѣйшимъ бардомъ Октября, Штейнбергъ горячо протестуетъ противъ «примитивнаго представленія: большевики это — октябрьская революція, большевикъ это — разсвирѣпѣвшій и разъяренный звѣрь Чеки; и отсюда — Чека, какъ образъ и главный двигатель октябрьской революціи. Съ кровью чеки она родилась и только на ней можетъ она и дальше существовать». Штейнбергъ убѣжденъ, что это въ корнѣ ложное представленіе, невѣрное и несправедливое.

Ибо, по исторіософіи Штейнберга — Октябрь величественнъ и прекрасенъ. И все высокое и все прекрасное въ немъ отъ массъ и отъ подлинныхъ выразителей ихъ нуждъ и интересовъ — лѣвыхъ эсеровъ. Большевики же это — злое начало въ Октябрѣ (какъ будто бы Октябрь возможенъ безъ большевиковъ). Когда злое начало побѣдило доброе, и лѣвые эсэры вынуждены были уйти отъ власти, Октябрь выродился въ режимъ террора и Чеки. Отсюда и изображеніе «борьбы» добродѣтельныхъ лѣвыхъ эсэровъ противъ злыхъ большевиковъ. Отсюда и комическое изображеніе своего собственнаго «титаническаго» единоборства съ Ленинымъ, который не переставалъ издѣваться надъ «штейнберговскими фразами» и «лѣвоэсэровской дуростью». Отсюда и тѣ успѣхи и побѣды, которые хитрые и благородные лѣвые эсэры якобы одерживали надъ простоволосыми и наивными большевиками.

Штейнбергъ — можетъ быть, и искренно — не ви-

дитъ того, что «въ работѣ Ленина и Дзержинскаго» лѣвые эсэры въ лучшемъ случаѣ путались въ ногахъ, а въ худшихъ случаяхъ — ей и фактически помогали. Ибо что можетъ кто - либо когда - либо возразить противъ простого хронологическаго сопоставленія 2-хъ датъ: 7-го декабря 1917-го года большевики организовали всероссійскую Чеку, а черезъ шесть дней, 13-го декабря, лѣвые эсэры вступили въ составъ возглавлявшаго Че-Ка и опиравшагося на нее правительства.

Этого не изгладишь изъ памяти. Не вычеркнешь никакимъ перомъ!

Штейнбергъ подробно разсказываетъ, какъ, получивъ въ свое веденіе комиссаріатъ юстиціи, лѣвые эсэры «постановили (слышите: постановили!) при его помощи попробовать (!) сначала ослабить (!) содержаніе и темпъ дѣятельности Чеки, а потомъ и измѣнить ее.«Мы хотѣли (!) превратить Че-Ка исключительно въ техническій органъ правосудія для революціоннаго трибунала». Лѣвые эсэры рѣшили, что противодѣйствовать Че-Ка лучше всего можно будетъ, «сидя въ ней», увеличивъ число чекистовъ вдвое — лѣвыми эсэрами, съ «сильнымъ характеромъ и тонкочувствующими».

«Наркомюсту» удалось даже отбить одну «голову» изъ цѣпкихъ рукъ Дзержинскаго и Ленина. «Хотятъ разстрѣлять офицера, такъ въ чемъ же дѣло?! Какъ иначе обращаться съ бѣлогвардейцами?» — возмущался Ленинъ, въ изображеніи Горькаго нѣжно любившій дѣтей и музыку...

И все, что могли возразить на это лѣвые эсэры:

— «Но, Владимиръ Ильичъ»...

Это не шаржъ. Это подлинное изображеніе самого

Штейнберга. Ленинъ по - просту обрываетъ разговоръ. И если человѣка удалось все - таки спасти, то лишь «обойдя» Ленина и «немножко жульничая» («ein bischen schwindelnd»).

Не характерно ли, что и Троцкій, «вспоминая» часы высшаго напряженія духовныхъ силъ» (см. предыдущій очеркъ), и Штейнбергъ, возвращаясь въ мечтахъ къ сладостному мигу пребыванья своего у власти, говоря о себѣ и о Ленинѣ, одинаково не могутъ обойтись безъ глагола „schwindeln“ ?!

«РЕЛИГІОЗНЫЙ СМЫСЛЪ» РЕВОЛЮЦІИ ПО Ф. А. СТЕПУНУ

1.

Революція для Ф. А. Степуна явленіе — «многосмысленное». Онъ видитъ въ революціи — «прерывъ», «нѣкое вдругъ», «распадъ» и «разрывъ національнаго сознанія», «оголѣніе бытія, взрывъ всѣхъ смысловъ жизни»; и въ то же время — «возстаніе жизни противъ смерти», «черезъ разрушеніе осуществляющее себя творчество», «гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь».

Какъ въ апокалиптическую грозу и бурю, раскрывается въ революціи высшій смыслъ абсолютныхъ цѣнностей. Къ этому и сводится послѣдній, религіозный, единственный смыслъ революціи, самое ея бытіе. Ибо — «поскольку революція не есть только рядъ внѣшнихъ фактовъ, а есть нѣкоторое внутреннее событіе духа, постольку ея бытіе и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ осмысливаніи, обезсмысливаніи и переосмысливаніи жизни».

Для раскрытія смысла русской революціи Степунъ строитъ чрезвычайно сложное сооруженіе (въ № 40 «Соврем. Записокъ»). Онъ вводитъ особую «методо-

логическую часть»; устанавливаетъ условную, ad hoc прилаженную терминологическую сѣть и цѣпь логическихъ аргументовъ; собираетъ итоги и личнаго «видѣнія», и «безсознательныхъ переживаній». Точно автору самому плохо вѣрится въ устойчивость своего аппарата, и численнымъ разнообразіемъ способовъ своей защиты онъ старается уравновѣсить недостаточную прочность каждаго изъ нихъ. Не поможетъ словесное искусство — поможетъ «типологическое описаніе», окажется безсильнымъ и оно — придется обратиться къ «трансраціональнымъ» переживаніямъ....

Внутренне - необходимой связи между всѣми этими элементами авторъ и самъ не усматриваетъ. По крайней мѣрѣ, свою «методологію» онъ рекомендуетъ по просту пропустить тѣмъ, кто ею спеціально не интересуется, — совсѣмъ какъ въ оранжевомъ «Катехизисѣ» евразійцевъ, гдѣ также предлагалось опустить главу о религіи тѣмъ, кто, интересуясь евразійствомъ, равнодушенъ къ религіознымъ его основамъ.

Конечно, терминологія — вещь условная, и о словахъ спорить не принято, да и не стоитъ. Но все же нельзя забывать, что, какъ ни относись къ словамъ, Песъ — созвѣздіе и песъ — лающее животное совершенно различные «псы». И, кромѣ того, — споръ о словѣ иногда и составляетъ самое существо спора, не отвлеченаго только, но и чреватаго весьма практическими послѣдствіями. Достаточно вспомнить «контроверзу» о сугубой и трегубой «аллилуйѣ» или сохраненіи за государственнымъ строемъ Россіи и послѣ 1905 - 6 г. наименованія «самодержавный».

Въ процессѣ «осмысливанія, обезсмысливанія и переосмысливанія» Степуна слову отведена едва ли не наиболѣе отвѣтственная партія. И не только благодаря

тому, что авторъ, мастерски владѣя словомъ, какъ бы безсознательно отдается его магической силѣ и заставляетъ въ своемъ словѣ «трепетать и отзываться каждое дыханіе ума, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей». (См. «Мысли о Россіи» Ф. А. Степуна въ № 32 «С. З.»). Нѣтъ, Степунъ и по существу признаетъ правду номинализма, полагаетъ, что «имя неотдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности, составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ частей ея».

«Нарекая», Степунъ даетъ не условное лишь обозначеніе предмету. Онъ тѣмъ самымъ вскрываетъ и реальное существо предмета. И потому столь неожиданными и странными въ его устахъ кажутся постоянныя оговорки относительно того, что онъ на своемъ словоупотребленіи не настаиваетъ, что его терминологія «необычна», что его «революція» противорѣчитъ «общерѣчію» и т. п. Что-нибудь одно изъ двухъ: либо имя дѣйствительно неотдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности, и тогда Степунъ долженъ настаивать на своемъ наименованіи, хотя бы и вопреки «общерѣчію», какъ единственно адэкватномъ существу революціи; либо «важно не то, какъ называть вещи, а то, чтобы ихъ правильно видѣть, зорко и существенно другъ отъ друга отличать», и тогда, правильно вещи видя, врядъ ли надо неправильно ихъ называть, вводить въ заблужденіе или плодить недоразумѣнія.

Нельзя отдѣлаться отъ убѣжденія, что въ изображеніи революціи Степуномъ авторъ, выражаясь его же словами, «портретируетъ» не столько предметъ изображенія, сколько «изображающее лицо» и свои собственныя мысли и представленія. Какъ бы цѣнны ни

были они, все же необходимо было зорко и существенно отличать «структуру» революціи отъ «структуры» сознанія Ф. А. Степуна. А наличности заранѣе данной и совершенно опредѣленной «структуры» Степунъ и самъ не скрываетъ. «Нельзя, говоритъ онъ, зная (подчеркнуто Степуномъ!), видя, чувствуя, что въ революціи совершается гнѣвное вторженіе абсолютнаго въ историческую жизнь, изслѣдовать революцію такъ, какъ будто бы это совершенно неизвѣстно».

Неизвѣстно лишь, для чего вообще въ такомъ случаѣ заниматься изслѣдованіемъ религіознаго смысла революціи, разъ «знаніе», «видѣніе» и «чувствованіе» его уже даны?!..

Подмѣна структуры революціи структурой личнаго сознанія автора встрѣчается не одинъ разъ. Достаточно сказать, что на протяженіи почти всей статьи, вопреки обѣщанію, вскрывается не смыслъ вообще революціи, а революціи ограниченной во времени и по смыслу — большевицкой. Знакомый съ прежними писаніями Степуна знаетъ, что онъ именно такъ и конструируетъ русскую революцію, — какъ революцію прежде и больше всего большевицкую. Но что именно такова и объективная структура всякой революціи, и большевизмъ есть революція, а не ея вырожденіе и перерожденіе, нигдѣ не показано и ни изъ чего не слѣдуетъ.

Степунъ большой охотникъ до антитезъ. Прежде онъ любилъ противопоставлять живое видѣніе глаза мертвымъ точкамъ зрѣнія. Сейчасъ этотъ «зрительный» образъ замѣненъ «гносеологическимъ» противоположеніемъ идеологіи, какъ «построенія теоретическаго сознанія», идеямъ, какъ «структурѣ нашего

безсознательнаго пореживанія». Не то, что между идеологіями, какъ и между идеями, имѣются ложныя и истинныя, мертвыя и живыя. Нѣтъ, идеологіи, какъ таковыя, тяготѣютъ къ безпочвенности и безплодію; идеи же, наоборотъ, отмѣчены положительнымъ знакомъ — жизненны и благодатны.

Это «гносеологическое» различеніе имѣетъ столь же произвольное соціально - политическое сопровожденіе. — Люди, вдохновляемые идеями, — «жизненные люди», между ними возможны встрѣча и схожденіе, даже когда они слѣдуютъ за разными идеями. Другое дѣло, — приверженцы идеологій; они — мертвецы, извѣчно непримиримые и осужденные на постоянную борьбу. Помѣщикъ съ кооператоромъ — «жизненные люди» и, потому, они могутъ дѣлать общее дѣло, тогда какъ профессоръ и журналистъ — непремѣнно «фанатики лжеидеологіи» и обречены на взаимоистребленіе.

Такая «структура» идеолога и профессора характерна не только какъ крайнее проявленіе личнаго самоотрицанія и самоотреченія, какъ общая дисквалификація всѣхъ усилій «осмысливать, обезсмысливать и переосмысливать» явленія. Она характерна и своимъ нагляднымъ тяготѣніемъ къ жизненному практицизму, въ сторону малыхъ дѣлъ, взамѣнъ неудавшихся большихъ и малыхъ идей и идеологій!

Что раскрываемый Степуномъ смыслъ есть не смыслъ, раскрывающійся въ революціи, а смыслъ въ нее вкладываемый опредѣленной структурой авторскаго сознанія, съ неопровержимостью обнаруживается и изъ обоихъ якобы «конститутивныхъ» признаковъ революціи.

Революція, по нынѣшнему утвержденію Степуна,

это — «распадъ», она знаменуетъ «разрывъ національнаго сознанія».

Не будемъ говорить о томъ, что еще не такъ давно самъ Степунъ видѣлъ въ революціи прежде всего не «распадъ» и «разрывъ національнаго сознанія», а, какъ и мы, «всенародный порывъ», всеобщую зачарованность и «одержимость» хотя бы и преходящимъ во времени «мигомъ». Нынѣшняя его «структура» характерна только для большевицкой революціи и никакъ не подходитъ ни для «провинціальной» и малой германской революціи, ни для «настоящей» и «классической» революціи французской. Будучи и для Степуна революціей, «классическое происшествіе 1789 г.» знаменовало отнюдь не разрывъ національнаго сознанія, а его сцѣпленіе. Единая и недѣлимая (une et indivisible) патріотическая Франція была синонимомъ Франціи революціонной, несшей на своихъ побѣдоносныхъ знаменахъ неотчуждаемыя отъ человѣка и гражданина права, свободу, равенство и братство.

Не болѣе благополучно обстоитъ дѣло и съ тѣмъ, въ чемъ Степунъ видитъ первопричину и революціи и распада національнаго сознанія, съ отрицаніемъ русской революціей, какъ и всякой, абсолютнаго, т. е., религіознаго значенія культурныхъ цѣнностей.

Какъ «разрывъ единства національнаго сознанія» не вмѣщается въ подлинную структуру французской революціи, такъ «отрицаніе абсолютнаго» не вмѣщается структурой англійской революціи. Послѣдняя взошла цѣликомъ на пуританскихъ дрожжахъ, питалась религіозными страстями и воодушевленіемъ и протекала подъ знакомъ борьбы за разныя, но религіозныя святыни: за «свободу съ благословенія Божія», за

уничтоженіе епископата, вліянія римской церкви и т. д.

Структура революціи, эмпирически явленной міру въ октябрѣ 1917 года, никакъ не покрываетъ общаго «логоса» революціи.

Какъ бы предупреждая упрекъ въ субъективизмѣ, Степунъ утверждаетъ, что къ «сферѣ трансраціональнаго опыта» критерій субъективности вообще неприложимъ. Ибо субъективность, по Степуну, заключается вовсе не въ недоказуемости правды, а въ «нравственной дефективности»: въ духовной ненапряженности опыта, его незрячести и безпредметности.

Намъ представляется, что и при такомъ пониманіи субъективности «переосмысливаніе» революціи Степуномъ не можетъ уйти отъ признанія его произвольно - субъективнымъ. Ибо для него — «чѣмъ была (!) русская революція опредѣлится (!), въ концѣ концовъ, тѣмъ, во что она въ будущемъ выльется или, говоря менѣе фаталистически, тѣмъ, что мы изъ нея въ будущемъ сдѣлаемъ». Иначе — прошлое опредѣлится будущимъ. Конецъ увѣнчаетъ дѣло. По плодамъ узнаются корни и существо вещей.

Это идетъ въ разрѣзъ не только съ утвержденіями того же Степуна: «на вопросъ о смыслѣ революціи нельзя отвѣчать указаніемъ на порождаемыя ею къ концѣ концовъ цѣнности». Это есть и принципіальное отрицаніе, завѣдомый отказъ проникнуть въ существо революціи и увидѣть подлинный его ликъ до того, какъ исполнятся времена и сроки, и будущимъ освѣтится — и, можетъ, освятится — прошлое.

Такой агностическій натурализмъ какъ будто плохо свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной духовной напряженности и «зрячести» внутренняго опыта!...

И это не случайная обмолвка у Степуна. Нѣтъ! Онъ и раньше не страдалъ, какъ другіе, «метафизическимъ малодушіемъ и недовѣріемъ въ органическое вызрѣваніе идей». Онъ и раньше заявлялъ чистосердечно:

— «...А что же хорошо, что большевики были или лучше если бы ихъ не было? На этотъ вопросъ я сейчасъ (подчеркнуто Степуномъ!) отвѣтить не могу. Отвѣтъ на него будетъ зависѣть (подчеркнуто мною!) отъ того, во что переродится большевизмъ въ Россіи. Если все кончится только порядкомъ, мѣрой, закономъ, — то большевизмъ придется признать только зломъ, тѣмъ, чего лучше бы не было. Но если Россія въ будущемъ, въ своемъ національномъ и соціальномъ строительствѣ вознесется на тѣ положительныя религіозныя, этическія и соціальныя высоты, о которыхъ пророчествовали Толстой и Достоевскій, съ которыхъ она сорвалась въ большевизмъ, которыя она исказила въ революціи, то Октябрь будетъ оправданъ». (См. «С. З. № 34, стр. 440).

Какъ это Толстой и Достоевскій могутъ вдругъ оказаться въ активѣ у большевиковъ, въ зависимости отъ хода грядущихъ событій, и надо ли стремиться къ тому, чтобы все кончилось «порядкомъ, мѣрой и закономъ», или, какъ въ былое время, необходимо рваться къ положительнымъ религіознымъ, этическимъ и соціальнымъ высотамъ, — пока что остается секретомъ Степуна.

Этотъ секретъ интимно связанъ съ внутреннимъ отношеніемъ Степуна къ революціи, какъ объекту познанія, а не какъ сферѣ дѣятельности. Раскрываемый Степуномъ смыслъ революціи касается главнымъ обра-

зомъ міра представленій и только косвенно и отраженно — міра воли.

2.

Въ идеѣ о революціи Степуна, — а идея у Степуна, надо помнить, «структура его безсознательнаго переживанія», — нѣтъ мѣста активному отношенію къ революціи. Эта идея чужда революціи или, во всякомъ случаѣ, довольно равнодушна къ волевому отбору положительныхъ творческихъ элементовъ, къ борьбѣ противъ элементовъ распада.

Степунъ, правда, говоритъ, что «для каждаго изъ насъ, революція есть въ насъ самихъ становящаяся судьба Россіи», что даже ея прошлое «опредѣлится тѣмъ, что мы изъ нея сдѣлаемъ», но агностицизмъ его парализуетъ его волю. Не имѣя сейчасъ отвѣта даже на вопросъ, — является ли большевизмъ добромъ или зломъ, онъ, естественно, и не можетъ имѣть ни стимуловъ, ни воли для борьбы съ тѣмъ, что можетъ оказаться зломъ, но можетъ вѣдь обернуться и добромъ.

Степунъ совершенно напрасно увѣряетъ, что революціонная энергія своею выдумкой убиваетъ мысль. Нѣтъ, не она, революція, а онъ, Степунъ, убиваетъ, поскольку можетъ убить, революціонную энергію. Самое бытіе революціи Степунъ доказываетъ тѣмъ же онтологическимъ способомъ, какимъ въ до - кантовскія времена доказывалось бытіе божіе. «Бытіе революціи состоитъ ни въ чемъ иномъ — (ни въ чемъ иномъ! **М. В.**), — какъ въ осмысливаніи, обезсмысливаніи и переосмысливаніи жизни». «Каждый актъ постиженія прошлаго есть актъ построенія или разрушенія будущаго».

Смыслъ Степуна это смыслъ критическаго разума, а не практическаго. А называемый Степуномъ «религіозный» смыслъ есть по просту мѣщански-благополучный, безтрагичный, всеустрояющій и всѣхъ со всѣмъ примиряющій смыслъ. Для Степуна — «Если у революціи есть смыслъ, то онъ долженъ быть смысломъ общимъ, смысломъ для всѣхъ, смысломъ, явственно возвышающимся надъ всѣми партійными осмысливаніями». Съ самимъ Богомъ Степунъ не согласенъ мириться иначе, какъ на условіяхъ мира безъ побѣдителей и побѣжденныхъ, безъ аннексій и безъ «жестокой экспропріаціи священныхъ смысловъ нравственныхъ страданій и героическихъ подвиговъ».

Для Степуна по просту «преступна мысль, что осмысленная для Антанты война кончилась для насъ, русскихъ, а также и нѣмцевъ полной безсмыслицей, потому что для русскихъ она закончилась Брестомъ, а для нѣмцевъ Версалемъ». Въ такой же мѣрѣ «преступнымъ» кажется ему утвержденіе, что революція можетъ осмыслиться въ будущемъ для демократовъ и соціалистовъ и навѣки остаться «только безсмыслицей для всѣхъ погибшихъ въ ней монархистовъ и бѣлогвардейцевъ»...

Структура безсознательныхъ переживаній здѣсь явно отступаетъ отъ структуры его сознательнаго утвержденія, что прошлое (большевизмъ) освятится или, наоборотъ, будетъ проклято въ прямой зависимости отъ будущаго, отъ того, что «мы» изъ него сдѣлаемъ. Эта структура явно не совпадаетъ съ реальностью. Ибо можно спорить, въ какой мѣрѣ война кончилась «осмысленно» для Антанты. Но что для русскихъ или для нѣмцевъ она кончилась безсмыслицей, противъ этого спорить, — конечно, не преступно, но врядъ ли имѣетъ

смыслъ. Въ это можно в ѣ р и т ь, но лишь по Тертуліану — quia absurdum est!.. Наконецъ, отрицая даже за исторіей право вскрывать неосмысленность страданій и подвиговъ, въ которыхъ страдальцы и герои въ свое время видѣли «священный смыслъ», Степунъ, на нашъ взглядъ, погрѣшаетъ и противъ соціологіи, и противъ подлиннаго смысла священнаго. Ибо въ универсально-уравнительномъ отношеніи ко в с ѣ м ъ страданіямъ священное растворяется; снимая всѣ противорѣчія съ добра и зла, оно становится постыдно - равнодушнымъ къ нимъ. И не надо непремѣнно быть Сальери, чтобы рѣшительно отвернуться отъ мірозданія, въ которомъ «нѣтъ правды на землѣ, но правды нѣтъ и выше»!..

Конечно, онъ знаетъ, и самъ о томъ упоминаетъ, что исторія человѣчества — трагедія, а не идиллія. Но это знаніе не проникаетъ вглубь его сознательной и безсознательной «структуры». Его переживанія и то, въ чемъ онъ находитъ послѣдній, религіозный смыслъ сущаго, въ частности, — и революціи, совсѣмъ близко подходятъ къ переживаніямъ католицизма, выраженнымъ въ классической формулѣ ватиканскаго собора: «Кто станетъ отрицать, что міръ созданъ для прославленія Бога, — тому анафема!»..

Эта структура имѣетъ общее и со структурой Кальвина, усматривающаго прославленіе Бога даже въ предопредѣленности къ мученіямъ и гибели. И менѣе всего она сродни «доброму русскому» Богу. И человѣкъ, простой русскій человѣкъ не рѣшился бы сотворить міръ такимъ, какимъ его готовъ принять, какъ божіе твореніе, Степунъ. И не надо быть вѣрующимъ, достаточно не быть лишеннымъ элементарныхъ чувствъ справедливости и состраданія, чтобы отвергнуть міръ

такимъ, какимъ его готовъ религіозно принять и осмыслить Степунъ *).

Если искать въ революціи непремѣнно религіозный смыслъ, его можно найти только въ томъ, что революція — актъ творчества, историко-политическаго и этическаго; въ терминахъ Влад. Соловьева — одна изъ формъ богочеловѣческаго становленія. Какъ Соловьевъ доказываетъ это въ отношеніи къ гуманизму и «безусловнымъ» принципамъ 89 года, такъ Степунъ могъ бы доказывать то же въ отношеніи къ русской транскрипціи этихъ принциповъ — къ Февралю 17 г. И такъ же, какъ это недоказуемо въ отношеніи къ «святѣйшей» Инквизиціи или изувѣрской религіозной сектѣ, это не примѣнимо и къ Октябрю.

3.

Ф. А. Степунъ пишетъ о «Національно - религіозныхъ основахъ большевизма». Вѣрнѣе — и точнѣе — объ основахъ того что вызвало или не предотвратило торжества большевизма въ Россіи. Эти основы авторъ прослѣживаетъ въ русской географіи (пейзажѣ), русскомъ хозяйствѣ (крестьянствѣ и его психологіи), въ

*) Ср. очень интересный и содержательный этюдъ Н. А. Бердяева "Изъ размышленій о теодицеѣ", въ которомъ авторъ ставитъ себѣ задачу оправдать Бога отъ клеветы, которая на него возводится человѣческими измышленіями. — "Есть отношеніе къ Богу, которое есть послѣдняя форма идолопоклонства въ мірѣ. Не только къ ложнымъ богамъ, но и къ истинному Богу возможно идолопоклонническое отношеніе". И, съ другой стороны, — "нельзя Бога мыслить подобнымъ камню. Богъ не страдающій былъ бы несовершеннымъ и ущербнымъ Богомъ". И божество нуждается въ "кенезисѣ, уничиженіи, умаленіи, истощеніи".

Вмѣстѣ съ "небеснымъ монархизмомъ" и "имперіализмомъ" Бердяевъ особенно страстно изобличаетъ, — элеатское, "рабье поклоненіе" бездвижному и безтрагичному Богу. — "Путь" № 7.

русскомъ сознаніи (философіи и обликѣ интеллигенціи). Повсюду обнаруживаетъ онъ созвучность стихіи (народной) съ выдумкой (большевиковъ). Этой «созвучностью», по мнѣнію Степуна, только и «объяснима побѣда большевиковъ надъ Россіей».

Это — исходное положеніе. Болѣе чѣмъ сомнительное исторіософически, оно представляется намъ соблазнительнымъ и морально - политически.

Неужели исторія — только сумма «созвучій», не вѣдающая ни ассонансовъ, ни диссонансовъ? Не является ли такая «предустановленная гармонія» между личной выдумкой и массовой стихіей произвольнымъ упрощеніемъ исторіи? Отказомъ отъ объясненія наиболѣе частыхъ трагическихъ расхожденій между разумнымъ въ исторіи и неразумнымъ, ирраціональнымъ и темнымъ въ ней? Не поощряетъ ли провиденціализмъ въ исторіи къ искусственному отысканію «созвучности» во что бы то ни стало, во всякой выдумкѣ? И не заполнятся ли въ такомъ случаѣ всѣ провалы исторіи «выдумками» досужихъ историковъ?

Если только совпаденіемъ стихіи съ выдумкой объяснимо все исторически сущее и если въ «побѣдѣ большевиковъ надъ Россіей» такое совпаденіе какъ разъ обнаруживается, — значитъ, былъ историческій разумъ въ побѣдѣ большевиковъ, была въ ней имманентная необходимость, исключавшая всякую иную возможность развитія Россіи.

Ф. А. Степунъ такого вывода не дѣлаетъ. Но врядъ ли это не слѣдуетъ изъ того, что онъ въ данномъ случаѣ говоритъ. Онъ не говоритъ, что всѣ «основы»

большевизма обусловили съ необходимостью побѣду большевизма. Наоборотъ, онъ оговариваетъ, что если бы одна изъ указанныхъ имъ «національно - религіозныхъ основъ» и не была бы тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, — «если бы русская философія на протяженіи предшествующаго революціи столѣтія занималась бы не обще - синтетическимъ отображеніемъ религіозной сущности русской души, а критическимъ расчлененіемъ и дифференцированнымъ воздѣлываніемъ (?) русскаго сознанія», то отсюда «ни въ какой мѣрѣ и степени, конечно (!) не слѣдуетъ», что «революція вылилась бы въ другія, болѣе умѣренныя и, съ соціально - политической точки зрѣнія, болѣе осмысленныя формы. Такой выводъ, по мнѣнію Степуна, былъ бы глубоко не вѣренъ».

Остается непонятнымъ, почему въ такомъ случаѣ русскую философію, съ ея специфическимъ «отрицаніемъ идеи автономіи и недооцѣнкой принциповъ формы, мѣры и дифференціаціи», считать все - таки основой революціи?... И почему другая «основа» — недѣловитая русская интеллигенція, — въ отличіе отъ только что упомянутой, обладаетъ причинно-обуславливающей силой? Для Степуна «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы эта роль (русской интеллигенціи) была меньше, если бы революція ограничилась выраженіемъ и защитою реальныхъ хозяйственныхъ нуждъ русскаго народа, то она (очевидно, революція. — **М. В.**) вылилась бы въ совершенно иныя формы, чѣмъ тѣ, которыми она и нынѣ и влечетъ, и пугаетъ Европу».

И болѣе чѣмъ характерно, что, при «углубленномъ», «метафизически - духовѣрческомъ», какъ называетъ авторъ свое, постиженіе большевизма, лишь

послѣ описанія пейзажа, души, идеологіи и т. д., въ самомъ заключеніи своихъ «Мыслей», авторъ точно спохватывается и вспоминаетъ, что «большую роль сыграла въ этой побѣдѣ (большевиковъ надъ Россіей) и война»...

Это малозамѣтное «и», соединяющее соблазнительныя, хотя и интересныя, медитаціи Ф. А. Степуна съ подлинной основой побѣды большевицкой выдумки надъ россійской стихіей, выразительно подчеркиваетъ недостаточность одного «метафизически - духовѣрческаго» постиженія и рискованность съ него именно начинать. Война, поставленная впереди всѣхъ прочихъ «основъ» большевицкой побѣды, и та же война, поставленная въ концѣ и позади, — это два различныхъ «постиженія», не методологически только, но и по существу*).

Если нужна иллюстрація, — ее даетъ сравненіе авторомъ германской революціи съ русской. Степунъ считаетъ, что исходы той и другой были разные, несмотря на «тройную связь» между ними, потому, что русская революція, какъ и французская, великая революція, настоящая, тогда какъ нѣмецкая (не германская, а нѣмецкая) революція «въ сущности вообще не революція, а всего только ускоренная и обостренная эволюція». Русская революція была ре-

---

*) Не трудно замѣтить, что углубленное постиженіе Ф. А. Степуна, которое онъ называетъ "метафизическимъ духовѣріемъ", фактически сводится къ чисто арифметическому сложенію **четырехъ** методовъ постиженія, ближе всего связанныхъ съ именами: **Бокля** ("географія" или "душа русскаго пейзажа"), **Маркса** ("убожество" и "варварство" русскаго крестьянскаго хозяйства, какъ показатель "развитія производительныхъ силъ Россіи"), **Гегеля** (русская философія, какъ имманентное развитіе мірового духа) и извѣстнаго сборника **"Вѣхи"** (порочность и грѣховность русской интеллигенціи).

волюціей потому, что она имѣла великую тему и была исполнена міровыхъ проблемъ и заданій», нѣмецкая же не была революціей, «съ мѣста отяжелѣла дѣловитостью» и «провинціальностью», потому что она «подмѣнила великую тему о невозможномъ преображеніи жизни темою ея возможнаго преобразованія».

Если брать вещи — и исторію — какъ онѣ были, нельзя пройти мимо основного обстоятельства, можно сказать, предопредѣлившаго разные исходы революціи въ Россіи и въ Германіи. Русская революція разыгралась во время, въ самый разгаръ войны. Германская — къ моменту ея окончанія и ликвидаціи. Въ Россіи немедленный, хотя бы и «похабный», миръ могли дать только большевики. Въ Германіи — только не большевики. Во время войны Германія готова была заключить сепаратный миръ съ кѣмъ угодно, хотя бы и съ большевиками. Миръ, заключившій побѣдоносную войну, союзники могли заключить съ кѣмъ угодно, только не съ спартаковцами. И не потому только, что союзники не захотѣли бы обязательства спартаковцевъ принять за обязательства германской націи, но и потому, что и спартаковцы не желали «похабнаго» мира съ Антантой. Въ отличіе отъ всѣхъ другихъ партій Германіи конца 18-го года ихъ лозунгъ былъ не миръ немедленный и во что бы то ни стало, а міровая революція въ формѣ войны революціонной Германіи, — которой, ожидалось, придутъ немедленно на помощь красные батальоны Троцкаго, — противъ побѣдившихъ союзниковъ - имперіалистовъ *).

---

*) То же объясненіе различныхъ исходовъ обѣихъ революцій см. у **М. А. Алданова** въ его недостаточно оцѣненной книгѣ на французскомъ языкѣ. «**Lénine,**» **Paris, p. 193—194.**

Говоря о Революціи, Ф. А. Степунъ ни разу не «дифференцируетъ» этого понятія. Можетъ быть, въ этомъ сказалось желаніе остаться вѣрнымъ традиціи русской философской мысли, которая, по мнѣнію Степуна, состоитъ въ «недооцѣнкѣ принциповъ формы, мѣры и дифференціаціи»... Во всякомъ случаѣ онъ не различаетъ въ русской революціи ни «фазъ», ни «ликовъ», ни даже періодовъ. Онъ беретъ ее въ «послѣднемъ, метафизическомъ смыслѣ», повидимому, цѣликомъ. При этомъ выпятившійся впередъ, физически и хронологически бозспорно наиболѣе значительный большевицкій фасъ затмилъ собою почти все поле зрѣнія автора. Всѣ профили, разрѣзы и пересѣченія русской революціи полностью выпали изъ разсмотрѣнія автора. Между тѣмъ, какъ разъ для метафизическаго и духовѣрческаго постиженія, казалось бы, менѣе всего обязательно придавать въ какой бы то ни было мѣрѣ рѣшающее значеніе эмпирическимъ даннымъ: длительности во времени, фактическому торжеству и т. п. Знакъ равенства, которымъ Степунъ сплошь и рядомъ соединяетъ русскую революцію съ большевизмомъ, менѣе всего мотивированъ при его подходѣ.

Степунъ констатируетъ «невѣроятную напряженность и высоту метафизической проблематики русской революціи», большевизма тожъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ — ея «предѣльное окаянство». Но какое изъ этихъ началъ въ ней перевѣшиваетъ, — авторъ не указываетъ. Остается неяснымъ и положительное устремленіе автора. Предпочелъ ли бы онъ, къ добру и злу отнюдь не равнодушный, чтобы «русская революція прошла бы много тише, приглушеннѣе, раціональнѣе», на нѣмецкій ладъ, «но за то Толстой съ Достоевскимъ не стали бы тѣмъ, чѣмъ они стали: всемірно значительными іеро-

глифами русской народной религіозности»? Или, несмотря на «окаянство», онъ все-таки предпочитаетъ русскую «импровизацію, случай и вдохновеніе» нѣмецкимъ — «границамъ, долгу и мѣрѣ». Предпочитаетъ ли онъ, по формулировкѣ Констант. Леонтьева, — турокъ, при которыхъ были «мученики за вѣру», или бельгійскую конституцію, при которой «едва ли будутъ преподобные?»

На «внутренній слухъ» всякаго читателя въ іерархіи духовѣрческихъ цѣнностей Степуна всемірная значительность іероглифовъ какъ будто все-таки выше вульгарныхъ тракторовъ и механическихъ Дизелей. Грозный, апокалиптическій Достоевскій какъ будто ему ближе классическаго и солнечнаго Пушкина. «Турки» съ мучениками дороже конституціи безъ «преподобныхъ».

Совершенно очевидно, что Степунъ предпочелъ бы, чтобы большевики никого не рѣзали и не терзали. Но, къ сожалѣнію, совершенно не ясно, даже при самомъ доброжелательномъ истолкованіи его мыслей, не искупаются ли для автора большевицкія злодѣянія «невѣроятной напряженностью и высотой проблематики» большевизма.

Вѣдь считаетъ же онъ, что «темнота русскаго простого человѣка, какъ явленіе внутрицерковной жизни, скорѣе культура, чѣмъ некультурность». Представляется же ему «спасительной» даже «темнота, некультурность, необразованность русскаго народа» по сравненію съ западно - европейскимъ «расцерковленнымъ полупросвѣщеніемъ».

И какъ иначе, если не двусмысленнымъ, назвать типичное имяславіе большевизма, которое звучитъ въ словахъ: «конечно, никакой пролетаріатъ въ

Россіи не властвуетъ, но все же большевизмъ властвуетъ его именемъ! А развѣ имя отдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности? Развѣ оно не составляетъ одной изъ наиболѣе существенныхъ частей его?»

Ну, какъ не вспомнить при этомъ классическаго предупрежденія Кузьмы Пруткова: Если на клѣткѣ слона прочтешь надпись «буйволъ», не вѣрь глазамъ своимъ!.. Конечно, и Ф. А. Степунъ не вѣритъ, что всѣ «надписи» адэкватны дѣйствительности, и что «буйволъ» неотдѣлимъ отъ «нарекаемаго» имъ реальнаго слона. Но почему же онъ — большой мастеръ слова — пишетъ такъ, точно вѣритъ въ «буйвола» или точно хочетъ, чтобы другіе увѣровали въ имяславіе?

Среди другихъ пророковъ русской интеллигенціи Степунъ отмѣчаетъ и тотъ, что у нея было «много грѣховной невоздержанности и выдумки». Не обратимъ этого упрека по адресу русскаго интеллигента Ф. А. Степуна. Поставимъ ему въ упрекъ другое — словесную «инструментовку» его мыслей, которую онъ считаетъ качествомъ и въ которой онъ слѣдуетъ за Ив. Кирѣевскимъ. «Одномыслію мертваго термина» Степунъ, какъ и Кирѣевскій, «опредѣленно предпочитаетъ многомысліе живого слова, въ переливчатомъ смыслѣ котораго должно трепетать и отзываться каждое дыханіе ума, которое безпрестанно должно мѣнять свою краску, сообразно безпрестанно измѣняющемуся сцѣпленію и разрѣшенію мыслей»...

Ф. А. Степунъ соблазнился, конечно, не большевизмомъ. Его соблазнили «переливчатый смыслъ и многомысліе живого слова». Читатель же можетъ соблазниться и инымъ: не только словесной «инструментовкой», но и политически - смысловымъ содержаніемъ инструментируемаго. И рискъ такого соблазна тѣмъ больше,

чѣмъ авторъ дальше отъ «предѣльнаго окаянства» большевиковъ и отъ нетерпѣливо вожделѣющихъ пожать большевицкіе плоды евразійцевъ, — «слѣдственниковъ» большевизма, какъ они себя именуютъ.

4.

«Осмысливать, обезсмысливать и переосмысливать» міръ, вносить свѣтъ разума во всѣ расщелины хаоса — совершенно въ стилѣ и въ духѣ русской культуры: въ традиціи русской философіи и художественнаго творчества, въ обыкновеніи русской общественности.

Кто только ни осмысливалъ у насъ дѣйствительность! И какъ только ее ни осмысливали!.. И любопытно, что какъ разъ Степунъ, сравнительно еще недавно, отрицалъ возможность «осмысливанія» нашей катастрофической эпохи. Въ вышедшемъ подъ редакціей Степуна въ Москвѣ 1922 г. альманахѣ «Шиповникъ», въ статьѣ «Трагедія и Современность», Степунъ писалъ: «Единственное возможное спасеніе подлиннаго трагическаго смысла нашей катастрофической эпохи, должно было бы пойти путемъ полнаго воздержанія отъ осмысливанія въ эмпирической перспективѣ психологическихъ, соціальныхъ, политическихъ и національныхъ смысловъ. Трагическое постиженіе нашей эпохи должно бы пойти путемъ самаго радикальнаго отказа отъ всякаго теоретическаго раскрытія всѣхъ сказуемыхъ смысловъ войны и революціи».

Въ новѣйшемъ «переосмысливаніи» русской революціи Ф. А. Степуна чувствуется довольно почтенная старина. Оно заставляетъ вспомнить другое «осмыслива-

ніе» русскаго духа и русской исторіи, произведенное больше полувѣка тому назадъ Достоевскимъ. Величайшему изъ тайновидцевъ духа упорно не давалась историческая плоть, никакъ не раскрывалась тайна политической матеріи. И онъ оказался въ ряду наиболѣе неудачныхъ прорицателей историческихъ судебъ Россіи. Не въ злободневно - политическомъ и малоудачномъ своемъ «Дневникѣ Писателя», а въ потрясающихъ «Запискахъ изъ подполья» писалъ онъ еще въ 1864 г.:

«У насъ русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣдныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франціи на баррикадахъ, — они все тѣ же, даже для приличія не измѣняются и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни»...

Здѣсь, какъ и позднѣе, Достоевскій кичился — и совершенно напрасно кичился — передъ Европой. Онъ самъ оказался не чуждъ той «надзвѣздной романтики», надъ которой издѣвался, какъ надъ нелѣпой французско-нѣмецкой выдумкой. И тутъ его пророчество не сбылось, какъ не сбылась его увѣренность въ томъ, что Россіи суждено сказать Европѣ свое слово, а Европѣ — еще до этого — быть залитой кровью; что «Птица Каганъ» прилетитъ не на «русскіе просторы», а на европейскую «тѣсноту», и «хрустальный дворецъ» для низшей братіи будетъ построенъ «на крови и ненависти» не у насъ, а у нихъ... Ничего изъ всего этого съ Европой не приключилось или — сбылось какъ разъ обратное тому, о чемъ пророчествовалъ Достоевскій.

И надзвѣздной романтики оказалось у насъ больше, чѣмъ нужно, и гораздо пагубнѣе были ея плоды у

насъ, чѣмъ во всей прочей Европѣ. Это про нашихъ отечественныхъ романтиковъ, а не о французскихъ и тѣмъ менѣе нѣмецкихъ, можно сказать: «хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Россія на баррикадахъ, они все тѣ же и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни»...

Конечно, полнаго тождества между романтикой русской и французской или нѣмецкой нѣтъ и не можетъ быть. Но нѣтъ ея и между революціями. Разница есть и тутъ, и тамъ. Но разница качественная, по размаху и глубинѣ, а не по какому-то особенному смыслу, да еще религіозному, якобы впервые открывшемуся міру въ грязи и крови большевицкаго Октября.

Когда Достоевскій говорилъ: «Въ русскомъ народѣ, въ сущности, кромѣ православной идеи нѣтъ никакой», — это было такой же надзвѣздной романтикой въ чистомъ видѣ, какъ и утвержденіе Степуна (воспроизводящее буквально большевицкій штампъ) — «Русскій народъ возсталъ на царя и Бога во славу Маркса и Интернаціонала». Оба тезиса, обратно противоположные по содержанію, схожи «структурно», по надзвѣздно - романтическому своему, ирреальному существу.

СМЫСЛЪ ФЕВРАЛЯ

Четырнадцать лѣтъ легло между нами и Февралемъ 17 года. Уже 14 лѣтъ, воспринимаемыхъ часто какъ всего 14 лѣтъ!.. Такъ медленно тянутся «страшныя лѣта», «расплавленные годы народныхъ бурь и мятежей», — считая по скромному портъ-артурскому разсчету, мѣсяцъ за годъ, психологически равные 168 годамъ, — цѣлой исторической эпохѣ.

За это время успѣли уйти изъ жизни многіе виднѣйшіе дѣятели Февраля, участники и виновники его успѣховъ и срывовъ. Не стало ни министра - предсѣдателя февральской революціи кн. Львова, ни будущаго предсѣдатели совнаркома Ленина, ни присяжнаго оппонента и критика того и другого, Мартова. Умерщвлены — или покончили съ собой — Кокошкинъ, Шингаревъ, Корниловъ, Калединъ, Чхеидзе, Набоковъ, Савинковъ... Какія все разныя политическія біографіи и революціонныя «карьеры»! Какія разныя, въ большинствѣ — трагическія, смерти!... И все же объединенныя вмѣстѣ. По разному вложившись въ Февраль, привѣтствуя или понося, охраняя, тормозя или «углубляя» его, всѣ названные оставили свой индивидуальный слѣдъ на февральскомъ

періодѣ русской революціи, и сами ушли въ исторію, отмѣченные знакомъ Февраля.

Говоря о событіи, естественно вспомнить — и помянуть людей въ немъ участвовавшихъ. Но поминая въ исторію отошедшихъ людей, нельзя не задуматься вновь и надъ тѣмъ физически непреходящемъ и, въ этомъ смыслѣ, вѣчномъ, чѣмъ исполнена исторія вообще и отдѣльныя ея отрѣзки въ частности. Если съ этой цѣлью отойти отъ злобы сегодняшняго, политическаго дня и, обернувшись на «168 лѣтъ» назадъ, вглядѣться въ Февраль 17 года. исторически, то нельзя не увидѣть, что на протяженіи всего четырнадцати лѣтъ Февраль представляется намъ уже не такимъ, какимъ всѣ мы его знали и пережили.

Наше поколѣніе и, въ частности и въ особенности то теченіе, къ которому принадлежитъ и авторъ, слишкомъ неразрывно слито съ Февралемъ, слито всячески, — политически и духовно, — чтобы отреченіе отъ Февраля не было въ то же время и отреченіемъ отъ самихъ себя, не было бы безвкуснымъ и никчемнымъ самобичеваніемъ. Ни въ малой мѣрѣ не отрекаясь, поэтому, ни отъ Февраля, ни отъ своей съ нимъ слитности, мы все же не можемъ не признать, что, глядя на Февраль изъ 14 - лѣтняго далека, мы видимъ, что многое для насъ въ немъ переставилось. Въ страстяхъ и мукахъ пережитаго многое стало чувствоваться по иному. Многое по иному — и осознаваться *).

---

*) Достаточно сказать, что даже А. Ф. Керенскій публично высказался "противъ исторически даннаго Февраля во имя Февраля, заданнаго намъ исторіей", заявивъ себя "непримиримымъ противникомъ повторенія исторической дѣйствительности февральскаго періода русской революціи" (см. Дни" № 58 за 929 г.).

1.

. . . "Все это можетъ показаться
Смѣшнымъ и устарѣлымъ намъ,
Но, право, можетъ только хамъ
Надъ русской жизнью издѣваться.
Она всегда — межъ двухъ огней.
Не всякій можетъ стать героемъ,
И люди лучшіе — не скрюемъ —
Безсильны часто передъ ней" . . .

А. Блокъ: "Возмездіе".

Если не «вводить земную исторію въ небесную», не выводить событія 17 года въ Россіи изъ самыхъ «послѣднихъ», апокалиптическихъ видѣній и, съ другой стороны, не сводить этихъ событій къ первичнымъ, физико - географическимъ условіямъ подпочвы безкрайныхъ русскихъ равнинъ, степей, лѣсовъ и тундръ, — то объясненія соціально - политическому явленію, какимъ прежде всего является революція, необходимо искать въ ряду соціально - политическомъ. И здѣсь объясненіе просто и, можно сказать, общепризнано. Февраль объясняется двумя, роковыми для русской исторіи и государственности, просрочками: запоздалой и неполной ликвидаціей крѣпостного права и пересрочками въ ликвидаціи самодержавной формы правленія. И экономическая отсталость Россіи, и культурная неразвитость массъ, ихъ «пассивность» и «анархизмъ», оторванность отъ народа интеллигенціи, ея «нигилизмъ» и «марксизмъ», неустойчивость классовыхъ дѣленій и отсутствіе національнаго, общегражданскаго сознанія, и тысяча и одна другихъ, большихъ и малыхъ «причинъ» и обстоятельствъ, отягчившихъ ходъ русской революціи, — всѣ они находятъ свое объясненіе въ затянувшейся оттяжкѣ экономическаго и политическаго раскрѣпощенія Россіи.

Это объясненіе настолько неоспоримо, что фактически такъ объясняютъ русскую революцію даже тѣ, кому вообще она представляется загадкой, а «основной источникъ русской революціи» видится «не въ объективныхъ условіяхъ существованія «народа» и вообще не въ «народѣ» (всюду кавычки оригинала), который есть въ этой драмѣ страдательное лицо, гораздо болѣе жертва революціи, чѣмъ ея дѣятель, а въ отравленіи интеллигенціи соціалистическимъ максимализмомъ»; кто расцѣниваетъ русскую революцію, какъ государственное самоубійство русскаго народа (См. ст. П. Б. Струве въ «Русской Мысли»).

Споръ П. Струве съ К. Зайцевымъ о томъ, какому изъ князей Голицыныхъ обязана Россія тѣмъ, что «Ленинъ могъ разрушить русское государство въ 1917 году», — князю ли Дмитрію Михайловичу, не сумѣвшему добиться осуществленія конституціонныхъ «кондицій» Анны Іоанновны въ 1730 г., или предку его князю Василію Васильевичу, не сумѣвшему въ 1689 г., при царевнѣ Софіи, добиться осуществленія проектировавшейся имъ земельной реформы, представляетъ, конечно, интересъ, но въ данномъ случаѣ — интересъ частный и академическій. Существенно не то, что именно считать болѣе важнымъ и требовавшимъ болѣе спѣшнаго и неотложнаго разрѣшенія — вопросъ о землѣ или вопросъ о волѣ. Существенна взаимообусловленность обоихъ этихъ вопросовъ. Она отсутствовала въ прежнихъ, запоздалыхъ и робкихъ попыткахъ къ разрѣшенію каждаго изъ нихъ порознь и несогласованно. Революція навсегда покончила съ такими попытками. А что Струве и послѣ революціи продолжаетъ думать, что и въ началѣ XIX в. для русской власти ставилась задача личнаго освобожденія

крестьянъ и созданія крестьянской собственности въ рамкахъ крѣпостныхъ отношеній, а Зайцевъ и по сей день сомнѣвается въ «экономической перезрѣлости крѣпостного права уже при Николаѣ I» — это представляетъ только личный интересъ для характеристики историческаго глазомѣра и политическаго кругозора обоихъ писателей.

Не болѣе ли глубокимъ и правильнымъ было заключеніе В. В. Розанова, «когда начальство ушло», поставившаго передъ собой вопросъ: «Можно ли сказать, что русскіе имѣли свою исторію?» и отвѣтившаго—«Сомнѣваемся. Была исторія русскаго терпѣнія, а не исторія Россіи, какъ нравственнаго лица»!...

Русскій абсолютизмъ имѣлъ свое подобіе западно-европейской исторіи преодолѣнія абсолютизма. И русскій абсолютизмъ долженъ былъ преодолѣть свои центробѣжныя, конкурировавшія съ единымъ и нераздѣльнымъ суверенитетомъ самодержца силы. Давно уже была доведена до побѣднаго конца и борьба царя съ русскими «феодалами», съ удѣльными князьями и вѣчевыми домогательствами, и борьба его съ съ русской Церковью и патріаршимъ престоломъ. Закончились успѣшно и «собираніе» русской земли, и «борьба со степью», освоеніе государственной территоріи и колонизація окраинъ, — т. е. все то, чѣмъ исторически объяснялось и оправдывалось самодержавіе съ его всеобщимъ закрѣпощеніемъ государевой службѣ и землѣ. Русскій абсолютизмъ перешелъ уже отъ полицейскаго, «приказнаго» государства первыхъ Романовыхъ къ «просвѣщенному» абсолютизму Петра и Екатерины . Помѣстная служба государству «конно, людно и оружно» была упразднена и формально. Но помѣщичье душевладѣніе и отношеніе ко

всѣмъ слоямъ населенія, какъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, осталось. Осталось неоправданнымъ и по существу повисшимъ въ воздухѣ на сто и полтораста лѣтъ теократическое, патріархально - вотчинное властвованіе надъ землей и людьми, надъ территоріей и населеніемъ. И оно дожило до 20-го вѣка. „La Russie appartient à toute notre famille“ — говорилъ одинъ изъ Романовыхъ, оспаривая право Николая II подписывать манифестъ 17 октября 1905 года. Самъ Николай II сохранилъ до самаго, можно сказать, послѣдняго дня своего царствованія средневѣковое, патримоніальное представленіе объ отношеніи между царемъ и народомъ.

Поистинѣ, самодержцы умираютъ, но не сдаются... Именно потому исторія послѣднихъ полутораста лѣтъ царствованія Романовыхъ и была исторіей борьбы за сохраненіе отжившихъ крѣпостного права и самодержавной формы правленія вопреки политической, экономической и психологической, не говорю уже о моральной, необходимости срочной ихъ ликвидаціи.

Обратной стороной того, что Россія слишкомъ долго оставалась подъ властью никѣмъ и ничѣмъ неограниченнаго, личнаго деспотизма, явилось то, что Россія слишкомъ долго оставалась страной рабской.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ режима Павла 1, упразднившаго жалованныя грамоты Екатерины и говорившаго: «Кто такой русскій дворянинъ? Дворянинъ это тотъ, съ кѣмъ я разговариваю, и только до тѣхъ поръ онъ дворянинъ, пока я съ нимъ разговариваю», еще Сперанскій констатировалъ наличность въ Россіи всего двухъ сословій: «рабовъ верховной власти и рабовъ землевладѣль-

цевъ». Оба сословія могли вмѣстѣ съ Сперанскимъ ощущать, что «образъ правленія отстаетъ отъ гражданскаго образованія», могли питать одинаково враждебныя чувства къ тѣмъ и другимъ господамъ, къ помѣщикамъ душевладѣльцамъ и къ держателямъ верховной власти. Но за предѣлы рабскаго оказательства своихъ чувствъ ни тѣ, ни другіе не выходили. Крестьяне бунтовали. Дворяне били челомъ. И тутъ, и тамъ результатъ получался одинаковый, точнѣе — не получалось никакого результата. Земля для однихъ, воля для другихъ, Земля и Воля для весьма немногочисленныхъ третьихъ продолжали оставаться въ области завѣтнаго, но не осуществимаго. Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ, съ пугачевскаго бунта начиная и продолжая «возстаніемъ декабристовъ», «возстаніемъ» петрашевцевъ, движеніемъ землевольцевъ, народовольцевъ, чернопередѣльцевъ, эсъ-дековъ, эсъэровъ и т. д., есть исторія по преимуществу инстинктивнаго и стихійнаго, медленнаго, но почти непрерывнаго подтачиванія и подрыва строя, установившагося при Екатеринѣ II, когда, съ предоставленіемъ особыхъ привилегій дворянству и окончательнымъ закрѣпощеніемъ крестьянства, «право крестьянское» и «право барское», «дворянское» окончательно отвердѣли и окончательно разошлись.

Не потому ли и предугадалъ Пушкинъ безсмысленную и безпощадную природу русскаго бунта, что глубже другихъ проникъ въ природу русскаго самовластія?!.

Правившая Россіей верхушка не отдавала себѣ яснаго отчета ни въ потребностяхъ государства, ни въ своихъ собственныхъ интересахъ. По свидѣтельству Ключевскаго, правившій Россіей слой представлялъ

собою лишь «кучку физическихъ лицъ разнообразнаго происхожденія, объединенныхъ только чинопроизводствомъ», «дѣйствующую внѣ общества и лишенную всякаго соціальнаго облика». «Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отлученномъ отъ остального общества своими привиллегіями, разслабляемомъ крѣпостнымъ трудомъ, тупѣло, — по выраженію того же историка, — чувство земского протеста и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности».

«Аграрно - аристократическое» государство въ Россіи не удалось. Русское первенствующее сословіе оказалось не на высотѣ поставленныхъ Россіи исторіей задачъ. И помѣстное дворянство, разбитое и побѣжденное, ушло съ исторической сцены, можно быть увѣреннымъ, — навсегда.

Не многимъ, однако, завиднѣе была роль и другого привиллегированнаго слоя, претендовавшаго на руководящее положеніе въ государственномъ строительствѣ, — класса торгово - промышленнаго. По нѣсколько, правда, запоздалому признанію нынѣшнихъ идеологовъ этого класса, оказывается, — въ Россіи вообще «торгово - промышленнаго класса не было. Были люди, которые торговали, занимались промышленностью... Была промышленность, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ образцовая, которая сдѣлала бы честь любой странѣ. Была у насъ и торговля. Но не было торгово - промышленнаго класса». Было торгово-промышленное населеніе, занимавшееся одинаковымъ дѣломъ, но весьма далекое отъ сознанія общности даже своихъ групповыхъ интересовъ, своего единства и назначенія въ государствѣ, своей силы, своихъ обязанностей и правъ и, главное, весьма далекое отъ

воли къ борьбѣ за свои права и тѣмъ самымъ за право вообще (Ср. чрезвычайно интересный докладъ проф. Ельяшевича: «Соціальныя и правовыя послѣдствія русской революціи», составленный для Съѣзда представителей торговли и промышленности въ Парижѣ въ 1921 году).

Какъ это ни парадоксально по формѣ, но именно отсутствіе среднихъ классовъ, «устраивавшихъ» побѣдоносныя революціи въ другихъ странахъ, послужило одной изъ причинъ русской революціи. Оно же въ значительной мѣрѣ вызвало и ея срывъ и крушеніе. Русское «третье сословіе» не выполнило той исторической миссіи по устраненію абсолютизма, которая повсемѣстно выпадала на долю этого «сословія» въ другихъ странахъ. Оно не только было «ничѣмъ» въ дореволюціонной самодержавной Россіи. Оно и не пыталось стать «всѣмъ» и во время революціи. У него не оказалось ни силы, ни вѣры ни въ себя, ни въ свое будущее. И неблагодарную и трудную повинность по уборкѣ и сноскѣ авгіевыхъ конюшенъ русскаго абсолютизма пришлось нести, въ числѣ другихъ повинностей, четвертому сословію, — вѣками внѣ культуры и государственнаго сознанія пребывавшему, темному, забитому и къ государственному строительству не подготовленному.

Вѣками держали и пріучали трудовые низы къ тому, что государственное дѣло не ихъ дѣло: дѣло «низкихъ подданныхъ» и «крещенной собственности» исправно и покорно нести свое тягло, а объ ихъ нуждахъ и нуждахъ государства своевременно озаботятся спеціальные о томъ радѣтели и Богомъ данные заступники, царь - батюшка и поставленные отъ него начальники. И въ теченіе вѣковъ пробуждалось, росло

и крѣпло въ трудовыхъ низахъ недовѣріе къ государственнымъ верхамъ, отталкиваніе отъ непомѣрной тяжести крѣпостного права, отъ самовластія и насилія, отъ лихоимства и самодурства не перестававшихъ «скоблить кожу съ народа» властителей. Крестьянское право и христіанская правда не умѣщались въ уготованныхъ русскимъ самодержавно - православнымъ государствомъ условіяхъ жизни. И люди убѣгали отъ «нормальныхъ» условій жизни въ лѣса, скиты и пещеры, сжигали себя на огнѣ, чтобы спастись отъ власти антихристовъ на престолѣ. Русская революція 17 года въ преемственномъ, не смысловомъ, порядкѣ является эпилогомъ не замиравшаго за все время царствованія Романовыхъ бунташнаго движенія русскихъ трудовыхъ массъ.

Былъ еще одинъ — не столько претендентъ, сколько заднимъ числомъ выдаваемый за претендента на руководство русской государственностью, — слой. Это — внѣклассовая — или внѣсословная интеллигенція.

По мнѣнію проф. Франка, интеллигенція «сыграла въ Россіи, за отсутствіемъ настоящей сложившейся буржуазіи, роль tiers état ». Стоя «по своему соціальному, бытовому и образовательному уровню гораздо ближе къ низшимъ слоямъ, чѣмъ къ господствующему классу», интеллигенція «первая поняла значеніе бунта и явилась авангардомъ того нашествія внутреннихъ варваровъ, которое переживала и переживаетъ Россія» (См. «Изъ размышленій о русской революціи» — «Русская Мысль» № 6 за 1923 г.).

Вѣрно, что русская интеллигенція была по своему соціальному и бытовому составу ближе къ низшимъ слоямъ, нежели къ слоямъ господствовавшимъ. Но со-

вершенно невѣрно, что интеллигенція первая подняла знамя бунта и оказалась въ авангардѣ внутреннихъ варваровъ, затопившихъ своимъ «мужицкимъ потопомъ» всю русскую государственность и культуру. Появленіе интеллигенціи въ Россіи совпадаетъ по времени какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, когда русское самодержавіе оказывалось уже отработаннымъ паромъ исторіи. Мудрено ли, что и русская интеллигенція съ молокомъ матери впитала въ себя отталкиваніе отъ пережившей историческіе сроки власти. И власть, въ свою очередь, не переставала отталкивать интеллигенцію отъ себя, не переставала ее гнать и терзать. Отъ Новикова до Радищева, чрезъ декабристовъ, Пушкина, Чаадаева, Герцена, Чернышевскаго, Достоевскаго, Толстого и до нынѣшнихъ радикальныхъ партій, преемственно вьется нить Аріадны, съ помощью которой только и удалось, въ концѣ концовъ, русскому народу выбраться изъ лабиринта самодержавія.

Только въ совершенно условномъ и аллегорическомъ смыслѣ можно говорить объ особой роли, сыгранной русской интеллигенціей — вооруженной одной лишь словесной «пращей» — въ низверженіи Голіафа-самодержавія. Задолго до ея появленія на исторической авансценѣ сотрясались устои русской государственности слѣпымъ Самсономъ, и «мужицкій потопъ» уже не одинъ разъ заливалъ и московскую державу, и «сѣверный парадизъ». «Внутренніе варвары» не ждали своего авангарда, чтобы поднять знамя бунта. Бунташная Росся на полтора вѣка раньше интеллигенціи подняла свое знамя въ интересахъ «всей черни», поруганной вѣры, свободы и своего права въ томъ смыслѣ, какъ, отталкиваясь отъ романовской государственности, понимали свободу и право «внутренніе варвары».

Русская интеллигенція вложилась въ эту борьбу полностью, всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ своимъ. Не отъ «завидующаго честолюбія», какъ принято теперь инсинуировать по адресу русскихъ радикаловъ, не отъ соціальной «обиды», и не отъ «глухой злобы» или «слѣпой ненависти» къ носителямъ власти и владѣющимъ матеріальными и духовными благами, — поскольку было и это, оно пришло позднѣе, послѣ побѣды. Для «русскихъ радикаловъ» характерна была безкорыстная, зрячая, святая ненависть. Они ничего не искали для себя. Они искали для другихъ, для рабочихъ, для народа.

Царская власть фактически противопоставляла себя народу. Командующія группы противостояли народу соціально и психологически. Трагедія — и проклятіе — русской интеллигенціи состояли въ томъ, что она борьбой противъ самодержавія вынуждалась идеологически противополагать царю — страну, государству — общество, власти — народъ. Недовѣрчивое и враждебное отношеніе къ власти и государству стало традиціоннымъ для русской интеллигенціи. Почти столь же традиціонными стали и «пораженческія» настроенія среди интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи западники столь же характерны, какъ и славянофилы, и народники могутъ занять мѣсто въ томъ же ряду, что и русскіе марксисты и либералы. Вся исторіософія такого умѣреннаго «радикала», какимъ былъ В. О. Ключевскій, въ сущности сводится къ одному основному противоположенію: русское государство пухло въ то время, какъ народъ хирѣлъ. Ключевскій постоянно вынужденъ противополагать государственную казну — народному благосостоянію и средствамъ; за-

дачи государства — народнымъ силамъ и самосознанію; матеріальную дѣятельность государства — духовной работѣ народа.

Я вспоминаю характерный разговоръ съ М. О. Гершензономъ въ маѣ 18 года, уже при большевикахъ. Бывшій единомышленникъ Струве, послѣ революціи пятаго года приглашавшій въ «Вѣхахъ» благословлять ту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ограждаетъ насъ отъ ярости народной, теперь, когда благословенная власть пала, доказывалъ положительность того громаднаго дѣла, которое сдѣлала революція: она обнажила существо власти, до осязательности наглядно показала каждому, что государственная власть это — палка, голая палка... *).

Если такимъ могло оказаться отношеніе къ государству со стороны обличителя интеллигентскихъ предразсудковъ въ самый разгаръ разнуздавшейся «ярости народной», не приходится уже удивляться отрицательному отношенію къ государству со стороны тѣхъ, кто не переставалъ находиться въ состояніи постоянной войны съ русскимъ деспотизмомъ. И когда пришла міровая война, которая, въ отличіе отъ предыдущихъ, была войной не державъ, а народовъ-націй, и предъявила свои требованія и къ русской націи, оказалось, что такой не существуетъ, она еще не успѣла сложиться, несмотря на вѣковое существованіе отдѣльныхъ элементовъ націи. Были отличные «бойцы» и боевыя части изъ пермяковъ и вятичей, сибиряковъ и «хохловъ»; были сельскіе хозяева и земледѣльцы; купцы и промышленники; рабочіе и ученые; правители и под-

*) Слѣды того же настроенія легко отмѣтить и въ позднѣйшихъ письмахъ Гершензона къ Вяч. Иванову въ извѣстной "Перепискѣ изъ двухъ угловъ".

властные, подчинявшіеся за страхъ, а не за совѣсть. Не было ни власти, ни народа, ни арміи, ни классовъ, проникнутыхъ сознаніемъ своего національнаго единства и нераздѣльности своего бытія съ государственнымъ бытіемъ Россіи; не обнаружилось достаточной воли къ бытію какъ націи.

И чѣмъ дальше затягивалась міровая война, чѣмъ неотступнѣе становились ея требованія и безповоротнѣе неудачи Россіи, тѣмъ очевиднѣе становилось, что война ставитъ передъ русскимъ народомъ дилемму: или стать вровень съ вѣкомъ и своими союзниками — а отчасти и противниками — и, поднявшись до уровня націи, получить все-таки нѣкоторый шансъ на побѣду, или, фатально, слѣдуя инерціи разложенія русскаго государства и арміи, завѣдомо итти на пораженіе и на новую отсрочку ликвидаціи самодержавія и связаннаго съ ней преображенія русской «державы» въ «націю». Война «минировала» русскую революцію въ 17 году, какъ «минировала» ее и въ пятомъ году или въ 1870 году во Франціи или въ 1918 году въ Германіи. Даже германская революція, по описанію ея историковъ, была не столько сознательнымъ и подготовленнымъ возстаніемъ противъ режима Гогенцоллерновъ, сколько, по выраженію историка германской революціи Штребеля, «саморастворенiемъ старой системы». Съ тѣмъ большимъ основаніемъ надлежитъ то же сказать о революціи въ Россіи. Не потому «сдѣлали» революцію, что русскіе солдаты не захотѣли воевать, а потому и не захотѣли русскіе солдаты воевать, что революція уже «сдѣлалась» — въ умахъ и чувствахъ: слишкомъ очевиднымъ и ощутимымъ сдѣлалось почти для каждаго, внизу и наверху, отъ завшивѣвшаго окопнаго бойца и до высшаго генералитета и великихъ князей, что при утвердив-

шемся порядкѣ веденія войны — войны народовъ — всѣ усилія обречены на неудачу.

Февральская революція была въ извѣстной мѣрѣ рефлекторнымъ движеніемъ русскаго народа на требованія войны и военныя неудачи. На тьму и безправіе, въ которомъ держала «свой» народъ историческая русская власть, на гнетъ и отстраненіе отъ государственнаго строительства въ теченіе вѣковъ, русскій народъ отвѣтилъ революціей въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ своей исторіи. Почувствовавъ неустойчивость чуждой ему власти, онъ мигомъ сотрясъ ее съ себя, даже не задумываясь о послѣдствіяхъ, какія такое сотрясеніе можетъ имѣть для него самого и для Россіи.

Февральская революція шла подъ знакомъ свободы, — раскрѣпощенія частичнаго, политическаго, для однихъ, раскрѣпощенія всяческаго — отъ войны и гнета національнаго и соціальнаго, по мнѣнію другихъ. Сверженіе самодержавія, какъ системы политическаго деспотизма, — объединило всѣ партіи, классы и національности Россіи. Но совпаденіе во времени множества задачъ, въ другихъ странахъ разрѣшавшихся разновременно, безмѣрно отягчило русскую революцію и, въ конечномъ счетѣ, сломило ее. Передъ россійской революціей 17 года стояли тѣ же вопросы, что и передъ революціями англійской въ 17 вѣкѣ, французской въ 18 в. и германской 19-го. И еще одинъ, сверхъ того, труднѣйшій — вопросъ о скорѣйшей ликвидаціи войны. Для успѣшнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, вмѣстѣ взятыхъ, Россія была недостаточно развита соціально: отдѣльные классы не были достаточно дифференцированы; народъ въ цѣломъ, поверхъ классовыхъ противорѣчій, не былъ

достаточно «интегрированъ» общегражданскимъ сознаніемъ и волей. Для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, вмѣстѣ взятыхъ, революція пришла, можетъ быть, слишкомъ рано. Но для разрѣшенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и, въ частности и въ особенности, вопроса о ликвидаціи самодержавно - сословнаго строя, революція пришла слишкомъ поздно. И она раздѣлила судьбу всѣхъ запоздалыхъ рѣшеній. Придя въ моментъ крайняго истощенія народныхъ силъ, она сдѣлала еще болѣе острыми и чувствительными вопросы и безъ того острые и чувствительные. За побѣду, одержанную надъ революціей Столыпинымъ въ 1906-7 гг., за пересрочку ея на новыя десятилѣтія, исторія отплатила затяжнымъ углубленіемъ революціоннаго процесса. Русская нація не могла родиться безъ того и до того, какъ самодержавіе не было упразднено, земля передана трудящимся, національности освобождены, миръ заключенъ и т. д. Но каждая изъ этихъ задачъ могла быть благополучно разрѣшена только при наличности здороваго національнаго сознанія.

Безкровная и свѣтлая февральская революція могла отталкиваться отъ кровопролитія, но не отъ цѣлительнаго переливанія крови, необходимаго для возстановленія обмѣна и жизнедѣятельности рожденной націи. И въ самомъ процессѣ революціи, на ходу, стали переставляться соціальные классы и группы. Вмѣстѣ съ перераспредѣленіемъ труда и богатства стали перемѣщаться центробѣжныя и центростремительныя силы государства.

Февральская революція покончила съ роковымъ противопоставленіемъ власти и народа. Народъ и власть слились: народъ сталъ властнымъ, власть стала народной. Но прошлое, тяжелая историческая наслѣдствен-

ность, продолжала тяготѣть и надъ властью, и надъ народомъ. Власть, какъ власть, продолжала внушать опасеніе и недовѣріе, продолжала почитаться зломъ, синонимомъ произвола и символомъ стараго порядка. И вышедшая изъ революціи новая власть въ рукахъ народа-побѣдителя оставалась безсильной и непрочной. За ней отрицалось право принужденія, утверждалось лишь право моральной проповѣди и увѣщанія. Не надолго сумѣло «четвертое сословіе» слить свои интересы съ интересами русской государственности и націи. Къ своей власти народъ оказался особенно требовательнымъ. Онъ слишкомъ долго молчалъ, чтобы не завопить истошнымъ голосомъ, когда разверзлись, наконецъ, его зѣницы и уста. И послѣ восьмимѣсячныхъ бореній подъ обломками рухнувшей державы Романовыхъ оказался придавленнымъ и рвавшійся въ теченіе вѣковъ къ свободѣ русскій народъ.

Можно скорбѣть, что революція въ Россіи пришла слишкомъ поздно — или слишкомъ рано, во время, а не послѣ войны, — во всякомъ случаѣ, въ неурочный часъ русской исторіи. Можно отрицать фатальность соціологическаго закона, нынѣ защищаемаго П. Н. Милюковымъ, будто всякая революція «должна слѣдовать своему неизбѣжному курсу и не можетъ остановиться на серединѣ. Революціонный пожаръ долженъ выжечь до тла все, что уцѣлѣло отъ низвергаемаго порядка». Но только утверждая вмѣстѣ съ П. Б. Струве, что «въ извѣстномъ смыслѣ «народъ» абсолютно безспоренъ, лишь поскольку онъ сданъ въ мертвецкую исторіи» — и что «въ извѣстномъ смыслѣ «народъ» творится и долженъ быть творимъ», — можно не видѣть принципіальнаго, гранеполагающаго отличія между самодержавіемъ и Февралемъ и Февралемъ и Октябремъ, съ

другой стороны. При самодержавіи, — какъ и при большевизмѣ, — народъ на самомъ дѣлѣ «былъ творимъ». Въ Февралѣ онъ сталъ творцомъ, сталъ самъ творить свою исторію. Это творчество оборвалось. Но кто рискентъ всерьезъ утверждать, что оно и кончилось? Что "безспорность» русскаго народа на томъ только и зиждется, что онъ снова очутился въ «мертвецкой»?...

Нѣтъ, февральская революція не была государственнымъ самоубійствомъ русскаго народа, какъ утверждаетъ Струве. Она не была неудавшимся покушеніемъ на самоубійство, какъ будутъ утверждать Струве и его единомышленники позднѣе. Какъ разъ наоборотъ. Февральская революція рождена напряженной волей къ жизни, смѣлой попыткой желающаго жить и государственно жизнеспособнаго народа сдѣлать свою жизнь менѣе подверженной случайностямъ и болѣе устойчивой. Въ этой волѣ къ жизни и свободѣ, индивидуальной и государственной, и заключается то непреходящее и вѣчное въ Февралѣ, что не можетъ быть скомпрометтировано никакими дефектами эмпирическаго осуществленія или надругательствомъ временно восторжествовавшаго Октября.

2.

> Чѣмъ менѣе завершена Нація, тѣмъ болѣе является она объектомъ критики, а не исторіи.
>
> **Фр. Шлегель.**

Непреходящее значеніе и историческій смыслъ Февральской революціи въ томъ, что ею рождена русская нація. Кто пережилъ февральскіе дни, для

того это непререкаемо; тотъ не можетъ не согласиться со словами З. Н. Гиппіусъ: «Печать богоприсутствія лежала на лицахъ всѣхъ людей, преображая лица. И никогда не были люди такъ в м ѣ с т ѣ, ни раньше, ни послѣ». Кто не пережилъ февральскихъ дней, для того «печать богоприсутствія» въ нихъ недоказуема.

Шустрые фельетонисты, всегда отличавшіеся короткой памятью, могутъ сейчасъ, заднимъ числомъ, въ обстановкѣ торжествующаго Октября и въ зарубежномъ удушьѣ, издѣваться надъ февральской свободой. Но т о г д а февральская революція вызвала всенародный восторгъ, общенаціональное признаніе. Всѣ спѣшили пріобщиться къ ней и породниться. Не будемъ говорить о неофитахъ и ренегатахъ, всегда пламеннѣе другихъ свидѣтельствующихъ свою преданность новому кумиру. Но что писалъ тогда, и даже не въ первые дни и недѣли, тотъ же Струве!.. «Мы всѣ испытали громадный и спасительный (!) нравственный толчекъ... Мы пережили историческое чудо... Оно прожгло, очистило и просвѣтлило насъ самихъ» («Русская Свобода» № 1). Или другой обличитель Февраля — покойный кн. Евг. Н. Трубецкой: «Эта революція — единственная въ своемъ родѣ... Бывали революціи буржуазныя, бывали и пролетарскія, но революціи національной, въ такомъ широкомъ пониманіи слова, какъ нынѣшняя, русская, доселѣ не было на свѣтѣ. Всѣ участвовали въ этой революціи, всѣ ее дѣлали — и пролетаріатъ, и войска, и буржуазія, даже дворянство... всѣ вообще общественныя силы страны».

Длительность февральской революціи исчисляютъ по разному. Одни днями, другіе мѣсяцами. Кто датируетъ конецъ Февраля апрѣлемъ, кто іюлемъ, кто октябремъ. Какимъ бы срокомъ ее не исчислять, — она безъ

опора и сопротивленія покорила разомъ всѣ сердца и умы. Отъ окопнаго Михрютки и до вел. кн. Михаила, въ «пользу» котораго отказался отъ «своего» престола царь, — все и вся склонились предъ неотвратимой и плѣнительной силой «гласа божьяго»... И этотъ фактъ не погасимъ никакимъ временемъ и сроками, никакими послѣдующими во времени болѣе длительными событіями.

Конечно, ростомъ національнаго самосознанія не исчерпываются всѣ законы и пророки. Не съ него начинается и не имъ кончается исторія человѣка, народа и человѣчества. Въ логическомъ и цѣнностномъ ряду общечеловѣческое является и болѣе высокимъ, и болѣе универсальнымъ и многомѣрнымъ. Но національное и общечеловѣческое не два разныхъ міра или понятія, противостоящіе другъ другу. Здѣсь одно находится въ другомъ. Эмпирически данная нація свѣтится и освящается въ мѣру воплощенія въ ней общечеловѣческаго. Относительной, но необходимой формой восхожденія человѣчества къ абсолютному, къ межвнѣ-и сверх-національному является національная форма бытія и самосознанія. Ни одинъ народъ не можетъ творить своей исторіи безъ того, чтобы не имѣть въ своемъ инвентарѣ національную революцію. До этого исторію творятъ за него, вмѣсто него, вопреки ему. И февральская революція не только эпилогъ трехвѣковаго періода русской исторіи. Она и прологъ къ ея будущему.

Не въ переходѣ земли къ трудящимся; не въ освобожденіи изъ романовской «тюрьмы народовъ» заточенныхъ въ ней національностей и исповѣданій; не въ спасительности для православной Церкви того «рокового несчастья», которое «явила» собою революція

(Бердяевъ); даже не въ упраздненіи сословнаго строя и монархической формы правленія — главное и основное завоеваніе русской революціи. Оно — въ осознаніи народомъ своего бытія, какъ цѣлаго и какъ единства, — осознаніи, непогашаемомъ никакими фактическими искаженіями и временными отпаденіями. Наличность національнаго самосознанія — необходимая предпосылка самаго государственнаго бытія въ XX вѣкѣ. Это показала русско-японская война. Это окончательно и безповоротно доказала и утвердила война міровая. Россія должна была стать вровень съ вѣкомъ. И когда она никакъ не могла притти къ необходимому для ея существованія результату собственной волей, она была приведена къ нему «неволей».

У Глѣба Успенскаго есть разсказъ «Волей-Неволей», гдѣ, по другому случаю, авторъ отмѣчаетъ эту роковую для русскаго человѣка необходимость постоянно брать «изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно послѣднее слово», брать «игольчатое» ружье, а не «кремневое». Та же необходимость дѣйствовать и въ политической области, въ отношеніи къ внутри-государственной арматурѣ. Нельзя въ XX-мъ вѣкѣ оставаться на уровнѣ просвѣщеннаго абсолютизма XVII и XVIII вѣковъ. И не потому революція въ Германіи не сорвалась и, несмотря на войну и пораженіе, германская государственность не впала въ евразійскій коммунизмъ, что у нея нашелся Носке, а потому и нашелся тамъ Носке, что національное самосознаніе и воля къ сохраненію государственнаго бытія проникли въ самую толщу германскаго народа, войдя въ плоть и кровь неразрывно связанной съ народными массами соціалъ-демократіи.

Сейчасъ много пишутъ и спорятъ о томъ, что такое

революція. И не только русскіе историки, юристы, философы, соціологи и политики ищутъ, какъ точнѣе понять и опредѣлить революцію. Нѣмцы успѣли не только уже завершить свою революцію, но и приступить къ теоретическому ея изученію. На недавнемъ съѣздѣ нѣмецкихъ соціологовъ, спеціально собранномъ для заслушанія докладовъ и дебатовъ о Сущности революціи, уже изъ весьма умѣренныхъ устъ можно было услышать безпристрастныя сужденія о томъ, что «революція соціологически такое же историческое явленіе, какъ и всякое другое. Прилагать къ ней цѣнностный критерій было бы совершенно неправильно. При извѣстныхъ предпосылкахъ она развивается совершенно автоматически, а вовсе не является дѣломъ безсовѣстныхъ подстрекателей и агитаторовъ, какъ всегда утверждаетъ консервативная легенда. Ея теченіе обусловлено извѣстными препонами и требованіями. Суевѣрный страхъ передъ ней такъ же безразсуденъ, какъ и заклятіе противъ хода исторіи» и т. д. и т. д. (см. Verhandlungen des Dritten Deutschen Sociologentages-Tübingen 1923).

Намъ, къ сожалѣнію, такой объективный и безпристрастный, «соціологическій» подходъ еще не данъ. Мы продолжаемъ изобличать русскую революцію, продолжаемъ въ изобличительныхъ цѣляхъ не различать ни фазъ, ни періодовъ, «амальгамируя», по примѣру французскихъ якобинцевъ, всѣхъ дѣятелей революціи воедино и въ «смѣсительномъ уравненіи», какъ выражался Константинъ Леонтьевъ, компрометтировать февральскую революцію Октябремъ. Русскіе обличители революціи не замѣчаютъ даже своего эпигонства, — того, что они лишь копируютъ и повторяютъ западно-европейскіе образцы. Если для проф. Ильина русская революція это прежде всего побѣда уголовныхъ и

каторжниковъ, «амальгама революціонныхъ и уголовныхъ рецидивистовъ», то вѣдь задолго до него и французская революція изображалась Тэномъ, какъ «длительная и въ большомъ масштабѣ работа обезумѣвшихъ скотовъ подъ водительствомъ сошедшихъ съ ума глупцовъ»... И что спрашивать съ Ильина, когда и писатели съ большой политической культурой въ прошломъ отдаются тѣмъ же страстямъ и настроеніямъ. Для Струве русская революція «всего больше глупое дѣло». И даже для болѣе тонкаго и осторожнаго Франка «теологически и исторически» всякая революція всегда безуміе, болѣзнь, «безсмыслица и потому (!?) преступленіе». Революція уподобляется Франкомъ попыткѣ «съ помощью взрыва исправить недостатки паровой машины или съ помощью землетрясенія установить цѣлесообразную распланировку города».

На одной этой уничижительной характеристикѣ революціи размышленія Франка, однако, не останавливаются. И въ этомъ ихъ положительное преимущество въ сравненіи съ «размышленіями» другихъ обличителей, смѣсителей и хулителей. Въ прямое опроверженіе казовой безсмыслицы и преступности всякой революціи, Франкъ находитъ и въ русской и смыслъ «стихійно-телеологическихъ, какъ бы сверхчеловѣчески-космическихъ силъ исторіи», и оправданіе. Трагизмъ, съ которымъ воспринимаетъ С. Л. Франкъ «болѣзненный кризисъ острой демократизаціи Россіи» и образованіе «мужицкой Россіи» на мѣстѣ прежней, дворянской, Россіи Пушкина и Тютчева, Чаадаева и Герцена, Глинки и Чайковскаго, не скрываетъ отъ него ни корней, ни соціально-политическаго содержанія русской революціи. И тутъ авторъ съ полной отчетливостью развиваетъ положенія, какъ можно видѣть изъ

сопоставленія съ предыдущими, весьма намъ близкія *).

С. Л. Франкъ отказывается различать между революціей и смутой: для него «всякая революція есть смута и всякая смута есть революція». Въ этомъ своемъ отказѣ Франкъ совершенно одинокъ. Подавляющее большинство вскрывающихъ «сущность» революціи считаетъ различеніе смуты и революціи опредѣляющимъ для пониманія той и другой. Марксъ считалъ «необходимымъ отличать матеріальную смуту, отражающуюся на экономическихъ условіяхъ производства, отъ революціи, опрокидывающей идеологическія, т. е. юридическія, политическія, религіозныя и т. д. формы, при по-

*) По объективному своему содержанію русская революція есть "процессъ проникновенія низшихъ слоевъ во всѣ области государственно-общественной жизни и культуры и переходъ ихъ изъ состоянія пассивнаго объекта воздѣйствія въ состояніе активнаго субъекта строительства жизни"... "Важно признать, что русская революція, сколько бы корысти и личной порочности ни обнаружили и носители ея власти, и участвовавшія въ ней народныя массы, есть проявленіе **сверхличныхъ духовныхъ страстей**".—И результатъ пріобщенія народа къ управленію? — "Какъ бы парадоксально это ни звучало въ обстановкѣ безпощаднаго деспотизма совѣтской власти, но старое, рабское, русское отношеніе къ власти, какъ къ инстанціи, чуждой подчиненнымъ и извнѣ, съ какой-то недосягаемой высоты принудительно опредѣляющей ихъ волю, совершенно исчезло изъ народнаго сознанія; ибо коммунистическая власть ощущается народомъ вообще не какъ "высшая", верховная государственная власть, а просто какъ фактическая власть захватчиковъ, не имѣющихъ высшаго соціальнаго ранга; и распространенный сервилизмъ въ отношеніи къ этой власти основанъ на простомъ расчетѣ, а не опирается на подлинное чувство государственной подвластности. И вмѣстѣ съ тѣмъ, одновременно съ отвращеніемъ къ коммунистической псевдо-власти, въ народномъ сознаніи растетъ потребность въ подлинной государство-устрояющей власти и сознаніе ея необходимости. Глубокое, органическое народное влеченіе къ самоопредѣленію и самоустроенію — въ своемъ болѣзненномъ искаженіи приведшее къ бунтарству революціи — **постепенно переходитъ въ народномъ самосознаніи изъ анархической стадіи въ стадію государственную**".

мощи которыхъ люди отдаютъ себѣ отчетъ въ происшедшемъ конфликтѣ». Для Іеринга — успѣшная или удавшаяся смута есть революція; смута подавленная есть мятежъ, бунтъ. Такъ же и для Каутскаго: революція, которая не имѣла успѣха, не есть революція. Для Энгельса — въ его перепискѣ съ Марксомъ — «революція фактъ элементарный, естественный, управляемый физическими законами, а не моральными нормами». Наоборотъ, для Іеринга революція представляется борьбой за новыя правовыя цѣнности. Для Лассаля все право лишь простой итогъ революціи, которая наступаетъ тогда, «когда силой или безъ силы утверждается совершенно новый принципъ на мѣсто существующаго порядка».

Въ кругу тѣхъ же идей вращается и Струве, утверждая, что соціологическое понятіе революціи немыслимо безъ отнесенія этого понятія къ праву, и опредѣляя удачную или законченную революцію какъ бунтъ, ставшій правомъ; и проф. Лазерсонъ, когда онъ доказываетъ въ своей небольшой, но чрезвычайно интересной работѣ «Революція и Право» (Рига, 1927 г.) какъ разъ обратное, а именно, что революція есть столкновеніе или «бунтъ» интуитивнаго права противъ права положительнаго.

Другіе изслѣдователи сосредоточиваютъ свои доказательства главнымъ образомъ на томъ, что насиліе и кровь вовсе не необходимый элементъ и признакъ революціи. Существуютъ кровавые перевороты, напримѣръ, петровскій или большевицкій, — и бываютъ кровопролитныя возстанія безъ того, чтобы они могли считаться революціями: напримѣръ, возстаніе во Франціи въ 1774 - 1775 г. г. противъ повышенія налоговъ и таксированія хлѣба; въ 1767 г. въ Неаполѣ изъ-за налоговъ

на фиги; въ Голландіи противъ новаго обложенія рыбы; противъ подушной подати въ Англіи и т. д. И, обратно, существуютъ революціи безкровныя, напримѣръ, февральская во Франціи 48 года, походившая, какъ февральская революція въ Россіи, скорѣе на праздникъ, нежели на катастрофу (по выраженію Луи Блана), революція младотурецкая и др. Авторъ книги, изъ которой я заимствую эти справки, — M. Ralea: «L'idée de Révolution dans les doctrines socialistes" — Paris. 1923 — имѣетъ и свое собственное, не лишенное интереса, опредѣленіе революціи. Оно складывается у него «синтетически» изъ трехъ элементовъ: соціальной среды, новой программы цѣнностей и перехода политической власти. При отсутствіи перваго элемента, т. е. безъ того, чтобы движеніе опиралось на группу, до этого властью не обладавшую, — имѣется на лицо реформа, гражданская война, смѣна министерства, но не революція. При отсутствіи второго, т. е. новой единицы цѣнностей, «общественнаго идеала» или «интуитивнаго права», движеніе остается возмущеніемъ, возстаніемъ, бунтомъ, но не становится революціей. Наконецъ, безъ фактическаго перехода политической власти движеніе остается конспираціей, заговоромъ, преступленіемъ, караемымъ закономъ, но не становится революціей.

Всѣ эти опредѣленія, которыя можно было безъ труда продолжить, въ извѣстной мѣрѣ пріемлемы и въ той же мѣрѣ недостаточны. Каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ элементы вѣрнаго. Но всѣ они въ одинаковой мѣрѣ не фиксируютъ, на нашъ взглядъ, главнаго. Революціи могутъ быть и не побѣдоносныя, — какъ, напримѣръ, русская въ пятомъ году. И революція далеко не всегда сопровождается торжествомъ болѣе справедливаго права. Такое представленіе исходитъ

изъ неосознанной идеализаціи революціи, ведущей происхожденіе еще отъ стараго, романтически настроеннаго Мишле, видѣвшаго въ революціи «приходъ закона, воскрешеніе права, возстановленіе справедливости». Вообще «отнесеніемъ» революціи къ понятіямъ права или прогресса проблема революціи не исчерпывается. Въ революціи, неотмѣнимы элементы незакономѣрнаго, метаюридическаго и метаисторическаго.

Революція есть столкновеніе элементовъ государства — народа и власти, — отъ котораго взрывается цѣлое — государство. Революція всегда имѣетъ своимъ объектомъ и своей цѣлью публичное право, низверженіе — и утвержденіе — общественнаго и политическаго строя. Политическіе и соціальные интересы и цѣли питаютъ революцію, «стимулируютъ» ее, но не опредѣляютъ. Классы вкладываются въ революцію, но творятъ и осваиваютъ ее націи. Говоря терминами большого французскаго ученаго Оріу, можно сказать: революція — профессія массъ, но она — функція народа. Профессія осуществляется въ частномъ интересѣ, функція опредѣляется общественнымъ интересомъ, ея «трасцендентностью» интересамъ того, кто ее осуществляетъ.

Конститутивный признакъ революціи — ея всенародность. И потому революція тѣмъ «настоящѣе» и тѣмъ «больше», чѣмъ ближе участвующія въ ней массы совпадаютъ физически со всѣмъ составомъ населенія, чѣмъ сильнѣе отдѣльные индивиды, группы, классы охвачены «мірскимъ» чувствомъ, пронизаны интересами сверхличнаго, трансцендентнаго цѣлаго. Съ этой точки зрѣнія французская революція 48 г. больше революціи не только 30-го, но 70 -71 года, потому

что и коммуна 71 года не выходила за предѣлы мѣстнаго, парижскаго эпизода. И въ этомъ смыслѣ февральская революція 17 года несравнимо «больше» революція, нежели Октябрь.

Былъ ли Октябрь революціей — или переворотомъ — вообще рѣшается не тѣмъ, что Октябрь былъ насильственнен, или оказался побѣдоноснымъ или сдѣлалъ интуитивное («совѣтское») право положительнымъ; а тѣмъ, — кто его дѣлалъ: дѣйствовала ли въ Октябрѣ нація? Была ли она активна? Воспринимали ли массы свое соучастіе въ Октябрѣ, какъ частное и корыстное дѣло и только какъ такое, или ими владѣло сознаніе общаго, національнаго дѣла, государственнаго интереса? Именно потому, что Октябрь опирался по преимуществу на «шкурническіе» инстинкты, исходилъ не изъ сплоченія, а изъ раздѣленія, изъ партійной и классовой диктатуры и гражданской войны, а не изъ гражданскаго мира и народоправства, изъ идеи не національной, а міровой революціи, дѣлавшей изъ Россіи простой «плацдармъ» и «детонаторъ» европейскихъ революцій и упразднявшей Россію, какъ національно-государственное единство, изъ грядущаго союза ССР, — Октябрь былъ, если угодно, штабной революціей, но не революціей въ подлинномъ и единственномъ ея значеніи и смыслѣ.

Гдѣ ничтожное меньшинство, пользуясь тѣмъ, что оно вооружено и централизовано, опрокидываетъ само существующій порядокъ вмѣсто народа и создаетъ для народа новыя условія существованія, тамъ на лицо реформа, заговоръ, бунтъ, возстаніе, переворотъ, смута, что угодно, — но не революція. Только тамъ, гдѣ народъ главная и активно дѣйствующая сила, гдѣ народъ самъ разрушаетъ и творитъ, только

тамъ — подлинная революція. Въ Февралѣ дѣйствовалъ народъ, наличествовала національная стихія, и потому тогда была революція. Въ Октябрѣ дѣйствовалъ центральный комитетъ партіи большевиковъ, революціонный комитетъ, военная организація, петроградскій совѣтъ, «Викжель» и т. п., и потому тогда было возстаніе, закончившееся побѣдой, но не сдѣлавшееся отъ этого революціей.

Нѣтъ необходимости пространно доказывать, что Февраль не былъ лишь прологомъ или «прелюдіей» къ настоящей и подлинной революціи — къ Октябрю, явившемуся естественнымъ и логическимъ завершеніемъ Февраля. Такая исторіософія опрокидываетъ сама себя. Слѣдуя ей, пришлось бы признать, что и самодержавіе есть лишь прологъ и прелюдія къ Февралю, — «естественному и логическому» завершенію самодержавія... Слишкомъ элементарно, что послѣдовательность не есть зависимость и преемство во времени не равнозначно причинной обусловленности. Сводить все различіе между Февралемъ и Октябремъ къ разницѣ количественной, — значило бы повторить извѣстный парадоксъ Макса Нордау о томъ, что между песчинкой кварца и Монбланомъ разница только въ степени.

Въ дѣленіи исторіи на періоды весь смыслъ историческаго познанія, и смыслъ всей «исторіософіи» въ различеніи отдѣльныхъ историческихъ періодовъ, «фазисовъ» и «стадій». Конечно, если брать en bloc всѣ революціи міра, всю новѣйшую и даже всю новую, исторію, и все это вмѣстѣ отнести къ одной эпохѣ — Гуманизма и Ренессаанса, объединенныхъ общимъ «сѣменемъ» «богоотступничества» и «предательства» (передъ вѣчностью), по выраженію Бердяева, — тогда

конечно, нельзя не брать en bloc и русскую революцію, теряющую, вмѣстѣ со всѣми другими революціями, народами и исторіями ихъ развитія свои индивидуальныя черты и границы. Но если не обезличивать и не упрощать историческаго процесса, нельзя отказываться отъ болѣе частной и конкретной періодизаціи исторіи, отъ осмысливанія и болѣе короткихъ и менѣе общихъ отрѣзковъ времени въ жизни каждаго народа. Съ этой точки зрѣнія нельзя не выдѣлить въ особый историческій періодъ и моментъ рожденія русской націи, превращеніе объекта русской исторіи — народа — въ субъекта, исторію творящаго, моментъ осознанія эмпирическими русскими массами своего національнаго бытія.

Пусть недолгимъ и непрочнымъ было фактическое пребываніе русскаго народа въ образѣ и духѣ націи. Но оно было. Былъ періодъ, когда всѣ дышали одной грудью, когда пробудилась и осознала себя идея русской всенародности. Нельзя, конечно, ни на минуту забывать, что случилось послѣ Февраля, не замѣчать происшедшаго позднѣе обнищанія и расчлененія Россіи, выпаденія Россіи изъ Европы, культурной ея деградаціи. Но необходимо смотрѣть и видѣть поверхъ «текущаго момента», различать въ измѣнчивомъ устойчивое, въ преходящемъ историческое. И подъ коростою лютой злобы и ненависти къ чужеземцамъ и инородцамъ, которой преисполнены сейчасъ сплющенныя въ СССР сердца, нельзя не прощупать біенія живой націи.

Революція трагическая и наименѣе желанная форма прогресса. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ всегда національная форма зигзагообразно идущей жизни народовъ, всегда мучительное, но иногда необходимое и единственное разрѣшеніе унаслѣдованнаго отъ прошлаго рока.

Сколь ни трагично нынѣшнее положеніе Россіи, сколь ни безраздѣльно торжество и «блаженство» нынѣшнихъ ея господъ, нельзя все же не видѣть выхода и просвѣта. За кручами и буераками, трясинами и провалами нельзя не видѣть столбовой дороги русской исторіи. Эта столбовая дорога проложена въ февралѣ 17 года. Возвратъ именно на эту дорогу неминуемъ. Это не будетъ, конечно, возвратомъ къ эмпирическому февралю 17 года. Тотъ февраль, благословенный — всѣми благословлявшійся и доселѣ, по выраженію кн. Е. Трубецкого, никогда на свѣтѣ не бывшій, — конечно, неповторимъ и не возстановимъ. Но живетъ и пребудетъ, пока будетъ жить Россія, идея Февраля, его метаисторическая сущность: Россія, преображенная Февралемъ въ націю.

Пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено,
Что мы предъ ними — только дѣти,
Что наше время — лишь звено...

МИФЪ ОКТЯБРЯ

Неблагодарный трудъ — доказывать, что Октябрь не удался. Ça saute aux yeux. Міровая революція не удалась ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Ни въ Венгріи, ни въ Италіи, ни въ Германіи, ни въ Китаѣ. Соціализмъ не осуществился ни въ одной странѣ. Достаточно прислушаться, какъ честятъ другъ друга за общіе грѣхи и неудачи «сталинцы» и оппозиціонеры, чтобы измѣрить разстояніе, отдѣляющее Октябрь мифическій, какимъ онъ предполагалъ быть, отъ Октября реальнаго, какимъ онъ сталъ въ дѣйствительности.

Если самое властвованіе, голый фактъ удержанія власти не считать самодостаточнымъ и самодовлѣющимъ, — несмотря на побѣду большевиковъ на всѣхъ фронтахъ, несмотря на то, что они все еще находятся въ Кремлѣ, а ихъ противники въ темницѣ или въ изгнаніи, что ихъ портреты красуются на почтовыхъ знакахъ и казенной «монополькѣ», ихъ тѣла покоются на Красной Площади и т. д. — все же о побѣдѣ большевизма говорить не приходится. Если отойти отъ плоскаго самодовольства совѣтскихъ публицистовъ, иронизирующихъ — «хорошое фіаско», которое празднуетъ 13-лѣтіе побѣды, — если судить по тому, кто какое и чье дѣло дѣлаетъ, придется говорить о небываломъ въ исторіи борьбы людей за свои идеи пораженіи.

Ибо что положительнаго далъ Октябрь Россіи, міру, — по сравненію съ тѣмъ, что было дано или предрѣшено Февралемъ? Въ чемъ хотя бы апостеріорное оправданіе пролитой крови, разоренію страны, обнищанію и униженію народа? Сорваны ли ветхія одежды Адама — капитализма и имперіализма? Выросла ли человѣческая личность въ образѣ и званіи совѣтскаго гражданина? Освободился ли отъ гнета нужды классъ трудящихся, — хотя бы въ предѣлахъ своего «соціалистическаго» отечества? Возвеличена ли Россія, какъ была возвеличена Франція террористами - якобинцами? Торжествуетъ ли идеалъ человѣческаго братства? Интернаціональной солидарности рабочаго класса?

Ни человѣкъ, ни классъ, ни отечество, ни человѣчество, ни интернаціоналъ трудящихся ни за послѣдніе годы, ни за все 13-лѣтіе не выиграли, а проиграли. Развѣяна по вѣтру вѣра въ человѣка, угасъ энтузіазмъ, уваженіе къ слову, любовь къ труду, надежда на разумъ коллективныхъ усилій. Пробуждены и освящены эгоцентрическіе, шкурническіе, первичные инстинкты въ человѣкѣ. Организованная гражданская война, какъ любилъ себя называть Октябрь, вошла въ плоть и кровь совѣтскаго «народа», проникла внутрь самой партіи - побѣдительницы.

Провалъ Великаго Октября — троякій. Моральный, — ибо онъ оказался бездушнѣе самодержавія: это о немъ возвѣщено Заратустрой — «Нѣкогда они мечтали стать героями; сластолюбцами стали они теперь; позоренъ и ужасенъ имъ теперь герой». Экономическій, — ибо онъ взрастилъ анархію и нищету горше капиталистической. Наконецъ, политически онъ кончаетъ ликвидаціей того, ради чего началъ свое

историческое дѣло и что составляло его смыслъ и основаніе.

Не станемъ, однако, задерживаться на безрадостномъ подсчетѣ баланса, — явно дефицитнаго, — Октября. Отойдемъ временно отъ такъ называемой «грубой эмпиріи». Попробуемъ взглянуть не только поверхъ «текущаго большевицкаго момента», но и въ его глубь. Въ чемъ существо большевизма, его заданіе, — безотносительно ко всѣмъ эмпирическимъ несовершенствамъ его реальнаго бытія? Пусть замыселъ не удался, — не однимъ же внѣшнимъ успѣхомъ — или неуспѣхомъ — измѣряется значеніе идеи.

1.

Въ чемъ мета-политическій смыслъ большевизма, какъ явленія прежде всего политическаго? *).

---

*) Пусть политическое не исчерпываетъ большевизма! Но оно является для него **опредѣляющимъ.** Не признавая этого, при самомъ объективномъ подходѣ невозможно ни постичь большевизмъ, ни даже соблюсти историческую перспективу въ его оцѣнкѣ.

Можно вмѣстѣ съ Фюлепъ-Миллеромъ, написавшимъ интересную и пространную работу о "Духѣ и Ликѣ большевизма" (*René Fülœp Miller*: Geist und Gesicht des Bolschewismus Mit 500 Abbildungen. Zürich - Leipzig - Wien, 1927), сказать, что не слѣдуетъ предоставлять окончательнаго сужденія о большевизмѣ одной только "кастѣ политиковъ". Можно вмѣстѣ съ нимъ считать, что происходящее сейчасъ въ Россіи "судьбоносно" для всей современной культуры и чревато послѣдствіями въ теченіе "тысячелѣтій" (!); что большевизмъ "больше, чѣмъ революція въ обычномъ смыслѣ", что здѣсь рѣчь идетъ о "послѣднихъ проблемахъ человѣка" и т. д. и т. п. Но нельзя не разсматривать большевизмъ, какъ явленіе **прежде всего** политическое. Отрывать сужденіе о большевизмѣ отъ **политическаго** сужденія о немъ, — значитъ не "углублять" постиженіе большевизма, а подмѣнять его объектъ: на мѣсто большевизма подлиннаго, въ исторіи единственно даннаго, подставлять большевизмъ мнимый и вымышленный, собственными исторіософическими предпосылками и большевицкимъ мифотворчествомъ отпрепарированный.

Большевизмъ вошелъ въ исторію и въ исторіи останется. Не изжитый въ 13-тилѣтіи, онъ врядъ ли будетъ окончательно изжитъ и тогда, когда отъ нынѣ дѣйствующихъ большевиковъ и слѣдъ простынетъ. Большевицкій «партактивъ» давно уже не тотъ, что прежде. Изъ «парткостяка» выпали такіе «позвонки», какъ самъ «Ильичъ», Дзержинскій, Свердловъ, Красинъ, Фрунзе, Воровскій, Володарскій и т. д. Никакой «біопартгигіеной» не предотвратить и дальнѣйшаго вымиранія дряхлѣющей большевицкой гвардіи. Большевики проходятъ, — большевизмъ, увы, остается.

То «вѣчное», что осѣдаетъ въ исторической памяти въ качествѣ идеи, легенды или мифа, опредѣляется не длительностью во времени, не срокомъ эмпирическаго бытія, а качествомъ, особливымъ и неповторяемымъ, коимъ отмѣчено явленіе, событіе, человѣкъ. И начнутъ ли большевики «сматывать удочки» завтра или только черезъ 20 лѣтъ, — если Романовы могли продержаться три столѣтія, почему бы большевикамъ не пробыть три десятилѣтія? Если французская революція длилась десятилѣтіе, почему русской не занять двойного срока? — существо большевизма отъ этого не измѣнится. Его смыслъ, идея, «онтологія» остаются себѣ равными, невзирая ни на какіе сроки, «модальности» или капитуляцію.

Пусть солдаты, умиравшіе подъ Аустерлицемъ или Іеной, думали, что они умираютъ за свободу. Они умирали — и это зналъ ихъ вождь, и это подтвердила исторія — за суетную славу Наполеона. Пусть умиравшіе въ бояхъ подъ Казанью и Самарой, на Перекопѣ и подъ Варшавой красноармейцы и большевики думали, что они умираютъ за «серпъ и молотъ», за конечное освобожденіе человѣка и человѣчества отъ мірового гнета

капитализма. За что умерли они въ дѣйствительности? Творили ли они лучшее будущее или явились лишь несчастными жертвами прошлаго, открывшаго возможность своекорыстнаго использованія чужой темноты, легковѣрія и энтузізма? Во имя чего устлали большевики милліонами мертвецовъ свой путь къ побѣдѣ?

Принято думать, — и сами большевики всячески поддерживаютъ эту версію, — что главная идея большевизма въ томъ, чтобы придти къ соціализму прямикомъ, минуя демократію политическую и «формальную». «Всемірно-историческій смыслъ октябрьской революціи заключенъ прежде всего въ ниспроверженіи устоевъ формально-демократической государственности 19 вѣка», — подчеркиваетъ вновь въ послѣднемъ изданіи своей книги націоналъ-большевикъ Устряловъ.

Конечно, имѣются въ большевизмѣ и элементы соціальнаго утопизма, какъ имѣются терроръ, диктатура, упованіе на рѣшимость «небольшой, но централизованной и хорошо вооруженной группы» и т. д. Все это неизбывно для большевизма. Но не въ этомъ его историческій смыслъ и «геніальная выдумка». И просвѣщенный абсолютизмъ, и конвентъ, и фашизмъ тоже стремились къ соціальной справедливости и тоже вѣрили въ творческую миссію насилія. Благодѣтельствуя міръ въ мѣру своего пониманія о благѣ, — полицейское государство, конвентъ, фашизмъ менѣе всего считались съ вкусами благодѣтельствуемыхъ. «Безразсудство» (la témerité) Наполеона, «пожравшаго» революцію, стоитъ «дерзости» (l'audace) Дантона, революцію зачавшаго. И большевицкое насиліе надъ демократіей только степенью превосходитъ аналогичное наси-

ліе Робеспьера или Іоанна Грознаго, Муссолини или Стамбулійскаго, Хорти или Кемаля.

Не является такимъ «всемірно-историческимъ» отличіемъ большевизма и установленный имъ коллективный и безличный характеръ диктатуры.

Мазарини говорилъ, что народъ можетъ вынести абсолютизмъ короля, котораго онъ нигдѣ не встрѣчаетъ, но не въ силахъ долго выносить абсолютизмъ 10 тысячъ феодаловъ, разбросанныхъ по всей странѣ. Безличный абсолютизмъ совѣтской власти или, что то же, ВКП надѣленъ всѣми отрицательными свойствами абсолютизма средневѣковыхъ феодаловъ и далеко не свободенъ отъ специфическихъ недостатковъ личнаго режима. Разбросанные по всей странѣ сотни тысячъ «партійцевъ» и «аппаратчиковъ» назойливо и безпрестанно, повсемѣстно и всечасно напоминаютъ населенію Россіи о существующемъ режимѣ, вчера — Ленина, сегодня — Сталина, завтра, можетъ быть, — Ворошилова. А что Ленинъ творилъ свое дѣло именемъ безличной рабоче-крестьянской власти и во имя коммунизма, такъ вѣдь и Робеспьеръ дѣйствовалъ именемъ Комитета общественнаго спасенія и во имя безличной свободы, равенства и братства. Отъ того, что большевизмъ сузилъ задачи общественнаго спасенія до спасенія опредѣленныхъ классовъ и не осуществилъ свободы, равенства и братства даже въ узкихъ предѣлахъ своей же, именующей себя коммунистической, партіи, — большевицкая власть не стала ни менѣе безличной, ни болѣе коллективной. Надъ Россіей господствуетъ отнюдь не «безличная масса», какъ думаетъ Фюлепъ-Мюллеръ, и вовсе не «новый типъ» «коллективнаго человѣка» рожденъ Октябремъ.

Неповторимое своеобразіе большевизма — въ анти-историческомъ замыслѣ его въ рамки національной

революціи вмѣстить заданія міровыя и сверхъ-національныя; въ попыткѣ именно русскую революцію, запоздалую и въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ міровой войны случившуюся, сдѣлать исходнымъ пунктомъ для универсальнаго освобожденія всего, въ томъ числѣ и наиболѣе передового, политически и экономически, міра; въ рѣшимости рискнуть судьбами великой, но «провинціальной» революціи, а заодно и страной, разъ призомъ можетъ стать революція вселенская

И сугубый утопизмъ большевизма въ томъ, что онъ не только отрываетъ будущее отъ прошлаго, но и отказывается отъ заполненія разрыва, отъ самой идеи преодолѣнія недостаточнаго и несовершеннаго. Какъ соціальная демократія не является для большевизма преодолѣніемъ недостатковъ демократіи политической, а связывается непремѣнно съ отрицаніемъ послѣдней, такъ и вселенское и общечеловѣческое освобожденіе не связано съ національнымъ освобожденіемъ, а противостоитъ ему. Не черезъ утвержденіе, восполненіе или «преображеніе» національнаго идетъ большевицкій путь къ интернаціональному, а черезъ искорененіе и отталкиваніе отъ него.

Надо брать реальности, а не мифы о ней, — не то, во всякомъ случаѣ, за что себя — и реальность — большевики выдаютъ. Хронологически коммунистическій интернаціоналъ — порожденіе «совѣтской и соціалистической» власти, восторжествовавшей въ Россіи. Но въ порядкѣ смысловомъ «соціалистическое отечество» — производное отъ Коминтерна. Соціализмъ и коммунизмъ — «эпифеноменъ» интернаціона-

листическаго большевизма. И вообще Октябрь вовсе не въ томъ, что, а въ томъ, какъ. Не въ цѣляхъ, а въ методахъ. Не въ соціализмѣ или коммунизмѣ, а въ большевизмѣ, ленинизмѣ, сталинизмѣ.

Не случайно враги соціализма, чтобы скомпрометтировать разомъ соціалистовъ всѣхъ толковъ и даже противоположныхъ направленій, обыкновенно подчеркиваютъ общность цѣли и умалчиваютъ о полярности методовъ, примѣняемыхъ большевиками и ихъ антагонистами, «безвольными и гуманитарными» демократами - соціалистами. Между тѣмъ внутренне и по существу гораздо ближе другъ къ другу большевики, называющіе себя соціалистами, и фашисты или евразійцы, клянущіе соціализмъ и называющіе себя патріотами и государственниками. Общее у всѣхъ нихъ не только въ любовномъ отношеніи къ политикѣ крови, желѣза и каленаго утюга, но и въ одинаково рѣзкомъ отталкиваніи отъ принципа личности и духа свободы: въ подчиненіи — «буржуазныхъ», «декларативныхъ», «романо - германскихъ» — правъ гражданина нуждамъ класса, велѣніямъ фашистской «ассоціаціи», требованіямъ евразійской «симфоніи личности». Не столь существенно различіе въ цѣляхъ или «царствіяхъ», о которыхъ хлопочутъ большевики, фашисты и евразійцы. Существенно тождество методовъ, посредствомъ которыхъ и большевики, и фашисты, и евразійцы считаютъ необходимымъ, возможнымъ и должнымъ влечь человѣчество къ блаженству, гнать и вгонять народы въ пріуготовленныя для нихъ царствія.

Свой историческій смыслъ большевизмъ пріобрѣлъ не въ моментъ своего рожденія въ пылу фракціонныхъ раздоровъ большинства и меньшинства на съѣздѣ рос-

сійской соціалъ-демократіи въ Лондонѣ въ 1903 году. Этотъ смыслъ былъ обрѣтенъ гораздо позднѣе, во время міровой войны. И хотя не одни большевики подмѣнили тогда принципы демократіи и соціализма пораженческимъ интернаціонализмомъ, только имъ суждено было претворить слово въ дѣло. Они — истинные творцы и осуществители этой геніальной выдумки. Большевики всегда считали себя наиболѣе послѣдовательными интернаціоналистами и соціалистами. Но раньше они были интернаціональными соціалистами. Со времени же войны стали соціалистическими интернаціоналистами, перерождаясь нынѣ въ вульгарныхъ держателей власти во что бы то ни стало. «Прилагательное» во время войны стало «существительнымъ». Интернаціонализмъ сталъ существеннѣйшимъ предикатомъ большевизма. Произошла переоцѣнка цѣли и средства. Путь и форма — интернаціональное объединеніе — вытѣснили существо — соціализмъ. Процессъ движенія сдѣлался самоцѣлью. Большевики имѣли всѣ основанія спустить прежнее соціалистическое знамя и поднять вмѣсто него знамя якобинскаго коммунизма. Тѣмъ и отличается рабочая партія большевиковъ - коммунистовъ отъ всѣхъ другихъ рабочихъ соціалистическихъ партій, что конкретные интересы россійскаго пролетаріата выпали изъ сферы преимущественнаго ея вниманія; что вся она проникнута духомъ бакунинскаго устава «Ассоціціи международныхъ братьевъ», предусматривавшаго, что братья - анархисты «не имѣютъ иной родины, кромѣ всемірной революціи, иного врага и иной чужбины, кромѣ реакціи».

Наканунѣ войны — въ январѣ 13-го года Ленинъ писалъ Горькому: «Война Австріи съ Россіей была бы очень полезной для революціи (во всей восточной Ев-

ропѣ) штукой, но мало вѣроятно, чтобы Францъ Іосифъ и Николаша доставили намъ сіе удовольствіе» («Ленинскій Сборникъ», т. I, 137). А въ самый разгаръ войны, въ 15-омъ году, Ленинъ писалъ: «Нельзя не признать, что европейская война принесла человѣчеству гигантскую пользу, поставивъ дѣйствительно ребромъ вопросъ: либо защищать ружьемъ или перомъ, прямо или косвенно, въ какой бы то ни было формѣ, великодержавныя и вообще національныя привиллегіи и преимущества, или притязанія «своей» буржуазіи, либо использовать всякую, и особенно вооруженную, борьбу за великодержавныя привиллегіи для разоблаченія и низверженія всякаго, а прежде всего своего правительства посредствомъ революціонныхъ дѣйствій интернаціонально - солидарнаго пролетаріата» («Коммунистъ» № 1-2. — Загрн. изд. 1915 г.). Поучая марксизму Каутскаго и Плеханова, Ленинъ напомнилъ, что къ войнамъ противъ абсолютизма и чужого, инонаціональнаго гнета «марксисты могли заранѣе звать народы, разжигая національную ненависть, какъ звалъ Марксъ 1848 г. и позже къ войнѣ съ Россіей, какъ разжигалъ Энгельсъ въ 1859 году національную ненависть нѣмцевъ къ ихъ угнетателямъ, Наполеону Ш и къ русскому царизму». Еще тогда Ленинъ подраздѣлялъ народы на хорошіе и дурные, на революціонные и контръ - революціонные, санкціонируя впередъ «революціонную войну противъ контръ - революціоннаго народа. Напримѣръ, если соціализмъ побѣдитъ въ Америкѣ или въ Европѣ въ 1920 г. (что онъ можетъ «побѣдить» на три года раньше въ отсталой Россіи не допускалъ въ 15-мъ году и Ленинъ!), а Японія съ Китаемъ, допустимъ, двинутъ тогда противъ насъ — сначала хотя бы дипломатически — сво-

ихъ Бисмарковъ, мы будемъ за наступательную войну съ ними».*).

И Ленинъ примѣнилъ свой рецептъ на практикѣ. На горе не только всѣмъ буржуямъ, но народамъ въ цѣломъ большевики не переставали «разжигать національную ненависть» по всему міру: нѣмцевъ къ французамъ, китайцевъ къ англичанамъ, литовцевъ къ полякамъ, русскихъ — ко всѣмъ народамъ одновременно, — турки, афганы и негры едва ли не единственные, противъ которыхъ не раздувается пламя національной ненависти въ СССР. Куда только могли, совались они, со своимъ, еще въ 15-мъ году провозглашеннымъ лозунгомъ «не миръ, но — мечъ!». Но фактически побѣдить имъ удалось лишь с в о е неустойчивое, вышедшее изъ національной революціи правительство, с в о ю худосочную буржуазію, с в о й надорванный военнымъ перенапряженіемъ народъ. Въ отношеніи къ имперіалистскимъ правительствамъ и иноземной буржуазіи большевики оказались болѣе чѣмъ податливыми и миролюбивыми: Брестъ и Рига — вѣчные памятники вынужденнаго пасифизма большевиковъ.

Съ перваго же дня прихода къ власти большевики не переставали твердить: либо они разрушатъ старый міръ, либо міръ ихъ уничтожитъ. Мирное сосуществованіе обоихъ міровъ — коммунистическаго, отрицавшаго даже за рабочими партіями право на защиту интересовъ «своихъ» рабочихъ, и всего прочаго міра, исходящаго изъ противоположнаго начала признанія

---

*) И Марксъ проводилъ различіе между народами, "миссія которыхъ заключается въ томъ, чтобы погибнуть въ революціонной борьбѣ", и народами "жизнеспособными"; къ послѣднимъ въ Австро-Венгріи онъ причислялъ лишь нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ.

самодовлѣющей цѣнности за каждой національностью и культурой, — казалось исключеннымъ, представлялось абсурдомъ. Ленинъ и черезъ два года послѣ октябрьской побѣды, на У111-мъ съѣздѣ партіи, напоминалъ побѣдителямъ: «Существованіе совѣтской Россіи рядомъ съ имперіалистическими государствами продолжительное время невыносимо, въ концѣ концовъ либо одно, либо другое побѣдитъ».

И только когда побѣда надъ имперіалистическими государствами никакъ не давалась, и, съ другой стороны, конецъ большевиковъ тоже не обозначался, по нуждѣ стала создаваться теорія о возможности мирнаго сосуществованія «соціализма въ одной странѣ», — «по мѣрѣ внутреннихъ силъ», — и системы мірового капитализма во внѣ, — за предѣлами благословенной соціализмомъ страны. Въ процессѣ существованія большевицкой власти измѣнился смыслъ ея бытія. Изъ орудія и рычага міровой революціи она все опредѣленнѣе превращалась въ самодостаточную цѣль и абсолютную цѣнность.

Одновременно съ этимъ большевизмъ сталъ обрастать и патріотическимъ плющемъ. Онъ былъ насажденъ не только въ угоду крѣпнущимъ въ Россіи ксенофобіи, своеобразному ура - совѣтизму и подлинному чувству гражданства, но и для созданія союзниковъ большевицкой власти въ тылу имперіалистическихъ государствъ Европы и Азіи. Когда депутатъ - коммунистъ Штернъ заявляетъ въ Чехо - Словакіи публично, на митингѣ: Коммунисты признаютъ своимъ отечествомъ только совѣтскую Россію и будутъ защищать ее своею кровью и жизнью; или когда французскій депутатъ Беронъ обѣщаетъ палатѣ, что когда война противъ СССР будетъ объявлена, «французскія солдаты и

матросы» повернутъ штыки противъ своей буржуазіи, — передъ нами отвѣтный откликъ тому призыву «активно содѣйствовать пораженію своего правительства» и «переходить на сторону красной арміи», который такъ неожиданно оборвалъ дипломатическую карьеру Раковскаго.

Пропагандируя — и рекламируя, — совѣтскую Россію, какъ «отечество всѣхъ трудящихся», большевизмъ преслѣдуетъ спеціальныя, прикладныя цѣли. Онъ ставитъ не столько на отечество трудящихся, сколько на трудящихся въ чужихъ отечествахъ, на противо-отечественную дѣятельность этихъ послѣднихъ. Ибо какъ разъ въ «отечествѣ всѣхъ трудящихся» положеніе трудящихся болѣе тягостно, нежели во всѣхъ другихъ, «провинціальныхъ», не претендующихъ на званіе мірового, отечествъ. У «всѣхъ трудящихся» имѣются, конечно, общіе интересы и цѣли. У нихъ, однако, не можетъ быть общаго отечества. Ставъ общимъ, отечество перестаетъ быть чьимъ - либо, — быть вообще отечествомъ. Просто — потерять отечество. Но чтобы обрѣсти его, необходима непосредственная и постоянная связь съ нимъ, нужна органическая и живая привязанность къ родной землѣ, привычной природѣ, своему быту, языку, культурѣ.

И не потому дорожатъ сейчасъ большевики Россіей, что она — Россія, а потому только, что она — «ихъ», своя, совѣтская. Ленинъ готовъ былъ примириться съ тѣмъ, чтобы 90 процентовъ русскаго народа погибло, — лишь бы 10 процентовъ дожили до міровой революціи. Троцкій писалъ: — «если осуществленіе коммунизма требуетъ принесенія въ жертву хотя бы всего еврейства, — это будетъ прекраснѣйшая мис

сія, которая только можетъ выпасть на долю народа». Зиновьевъ, когда онъ былъ еще у власти, говорилъ: «Лучше пусть бѣдная, нищая Россія, — да наша, чѣмъ возродившаяся, богатая безъ насъ».

Въ этихъ циничныхъ пожеланіяхъ — цѣнностное отношеніе большевиковъ къ безразличнымъ для нихъ судьбамъ Россіи и полнымъ для нихъ міровогo значенія судьбамъ совѣтской формы правленія. Страна и народъ для большевизма не самодостаточныя цѣнности, а только средство, рычагъ или таранъ для міровой революціи. Не коммунизмъ и даже не міровая революція по своей идеѣ оказывались д л я человѣка, народа и міра, а живые люди, реально данные народы, міръ сущій и конкретный, со всѣми его радостями и печалями, обрекались на жертву призраку и мифу, призывались теперь же «злодѣйствами и страданіями» своими «унавозить» будущую коммунистическую «гармонію».

На карамазовскій вопросъ, о пріемлемости «высшей гармоніи» цѣною «слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка», большевизмъ далъ совершенно отчетливый отвѣтъ: «высшая гармонія» стоитъ не одного ребенка, а милліоновъ замученныхъ ребятъ и взрослыхъ; будущее, «когда дань ляжетъ подлѣ льва и зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его», стоитъ того, чтобы пойти «рѣзать и убивать» сейчасъ; міръ стоитъ отечества и благополучія отдѣльныхъ народовъ; и для того именно, чтобы въ будущемъ восторжествовала всемірная гармонія, необходимо, возможно и должно отречься отъ своего нынѣшняго, «провинціальнаго» отечества, «не имѣть иной родины, кромѣ всемірной революціи» или — на худой конецъ — совѣтскаго «отечества всѣхъ трудящихся».

2.

Своимъ всемірнымъ интернаціонализмомъ большевизмъ какъ бы созвученъ традиціонной русской исторіософіи. «Міровую революцію» пытаются воспринять какъ марксистскую транскрипцію исконныхъ — отъ Чаадаева до Мережковскаго — идей о «вселенности», «всесвѣтности», «всемірности».

Но большевизмъ утверждаетъ всемірное вмѣсто и въ отрицаніе національнаго, тогда какъ традиціонная русская исторіософія утверждала какъ разъ обратное: — всемірное какъ обнаруженіе и «качествованіе» національнаго специфически - русскаго духа, какъ осуществленіе исторической миссіи русскаго народа. Ея ставка была не на разрушеніе и разъединеніе, а на «всемірно - объединяющій геній» русскаго народа, на вѣру этого народа, что онъ «спасется лишь въ концѣ концовъ всесвѣтнымъ единеніемъ во имя Христово», въ его «пророчества», по выраженію все того же Достоевскаго, что «только Россія заключаетъ въ себѣ начала разрѣшить всеевропейскій роковой вопросъ низшей братіи безъ крови и ненависти».

Особенности историческаго прошлаго Россіи приводили и славянофиловъ, и народниковъ не къ отрицанію самоцѣнности Россіи и русскаго народа, а, наоборотъ, къ ихъ признанію и часто даже къ переоцѣнкѣ заложенныхъ именно въ Россіи и русскомъ народѣ возможностей. Какъ высоко ни ставили славянофилы или народники «міровой духъ» или «хоровое начало», та форма, въ которой исторія или ея «разумъ» обнаруживаются, никогда не почитались ими за величину отрицательную или безразличную. Даже анархистъ Бакунинъ, вся жизненная судьба ко-

тораго только иллюстрація къ безжизненному тезису его о «международныхъ братьяхъ», не имѣющихъ «иной родины, кромѣ всемірной революціи, и иной чужбины, кромѣ реакціи», даже Бакунинъ допускалъ исключеніе изъ своего правила въ пользу славянъ и русскаго народа. Онъ предлагалъ «видѣть въ народѣ не средство, а цѣль, не смотрѣть на него какъ на матеріалъ революціи по нашимъ идеямъ, какъ на мясо для освобожденія», а въ «Воззваніи къ славянамъ» говорилъ о Россіи, какъ « ц ѣ л и революціи».

Это нисколько не смущаетъ нынѣшнихъ эпигоновъ русской исторіософіи, занятыхъ феноменологіей русской революціи. Они умудряются сочетать православіе — не съ соціализмомъ, о, нѣтъ! — съ большевизмомъ, вселенскую церковь съ міровой революціей. Въ одно и то же время «славянофильствуя» и «народничая», они умиляются «всемірно - историческому торжеству» большевизма, его «большому стилю» и «грандіозной темѣ», чувству катастрофическаго «надлома эпохи». И если смѣновѣховцу Устрялову уже восемь лѣтъ тому назадъ открылся вѣщій смыслъ «русской революціонной государственности съ ея неслыханной философско - исторической программою и съ ея невиданнымъ политико - правовымъ строеніемъ», — то евразіецъ Карсавинъ, уточняя свою и евразійскую идеологію, дошелъ до умиленія уже не только идеей и замысломъ большевизма, а опредѣленнымъ большевицкимъ учрежденіемъ — Коминтерномъ! — По мнѣнію Карсавина, «даже «Коминтернъ» не безъ успѣха выполнялъ функціи русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которое въ прежнемъ видѣ при временномъ безсиліи Россіи было бы абсолютно недѣйственнымъ»... («Евраз. Временникъ, У, 57).

О феноменологахъ русской революціи этого типа нельзя сказать, что они соблазнились большевизмомъ или о большевизмѣ. Какъ ни различны ихъ индивидуальные мотивы и соображенія, — мифъ великаго Октября здѣсь пріемлется открыто и сознательно. Проповѣдуется съ энтузіазмомъ. Совсѣмъ другая категорія — феноменологи большевизма, не пріемлющіе его не только «міросозерцательно», религіозно и метафизически, но и конкретно - политически. Здѣсь возможенъ соблазнъ. Подъ давленіемъ реальности, факта многолѣтняго торжества большевиковъ, никакой скорбью не отмѣнимаго, какъ не усумниться въ собственной правотѣ?! Кто ты, человѣкъ, чтобы спорить со стихіей, одержавшей верхъ, если и не надъ міромъ, все же надъ шестой частью земной суши?!... И зондъ изслѣдователя опускается глубже. Вѣдь такъ заманчиво постичь послѣдніе корни большевизма! Постичь — осмыслить. Какъ всякое философско - историческое познаваніе, постиженіе большевизма не можетъ быть совершенно свободно отъ раціонализаціи, всегда рискующей незамѣтно и непреднамѣренно перейти въ апологію, — тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ менѣе она преднамѣренна и замѣтна для самого автора. Естественное желаніе уяснить и понять явленіе въ процессѣ пріисканія достаточныхъ къ нему основаній часто перерождается въ оправданіе, приводитъ къ тому, что въ географически, хозяйственно и морально - обусловленномъ растворяются и исчезаютъ всѣ историческія случайности, жизненныя нелѣпицы и людскія преступленія. Основанія выдаются за основы явленія.

Въ этомъ опасность и соблазнъ для всякой исторіософіи, — въ частности, и для исторіософіи больше-

визма. Отъ этого соблазна не уберегся, на нашъ взглядъ, Ф. А. Степунъ, — какъ мы пытались доказать въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ.

И если грандіозность мифа могла смутить сознаніе русскихъ феноменологовъ большевизма, тѣмъ естественнѣе было ему поразить воображеніе неискушенныхъ иностранцевъ. Фактическое безплодіе всѣхъ большевицкихъ покушеній на Европу освободило совѣсть европейцевъ отъ тревоги за судьбы своихъ отечествъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, утомленные сравнительнымъ однообразіемъ и благополучіемъ своей цивилизаціи, передовые европейцы давно уже съ жадностью рвутся ко всему необычному, экзотическому, «колоссальному и чудовищному». Отъ пресыщенія «тянетъ на капусту» не только въ незрѣлой «Плодами Просвѣщенія» Россіи, но и въ просвѣщенной Европѣ. Эстетствующимъ политиканамъ и морализирующимъ снобамъ естественно было плѣниться грандіозностью большевицко - коммунистическаго эксперимента, не заразительнаго для Европы и, очевидно, созвучнаго — ибо какъ иначе объяснить — загадочной стихіи и мистической натурѣ пресловутой Ame Slave . Если въ Россіи не перевелись имяславцы, — въ Европѣ сохранились номиналисты, которые продолжаютъ считать, что «имена раньше вещей» — или, что то же: имя неотдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности, — и разъ система и государство наречены «соціалистическими», значитъ, и на самомъ дѣлѣ соціализмъ составляетъ существенный и необходимый элементъ ССР.

При этомъ восторгаются большевицкимъ соціализмомъ далеко не всегда и непремѣнно соціалисты въ Европѣ. Чаще всего это libre penseur-ы, весьма прохлад-

но относящіеся ко всякой политикѣ, мягкосердечные скептики и человѣколюбивые эпикурейцы.

Далеко не худшій по качеству представитель этого вида безкорыстныхъ «сочуственниковъ» большевизму въ Россіи и для Россіи — Жоржъ Дюгамель въ своемъ «Московскомъ Путешествіи» многое увидѣлъ вѣрно и описалъ правильно. Онъ не стѣсняется говорить большевикамъ непріятности. Онъ умѣетъ возмущаться и терроромъ, и легальнымъ абортомъ, и всѣми прочими достиженіями большевизма. Но онъ ослѣпленъ «широкими горизонтами» Россіи и «предпринятаго ею (!) дѣла». Онъ зачарованъ «субстанціей славянской души» (буквально!). И потому не можетъ не считать «ошибкой судить славянъ нашими западно - европейскими сердцами, которыхъ даже война не въ силахъ была совершенно ожесточить». Иное дѣло — русскіе. «Русскіе рождены для опасныхъ забавъ. Тюрьма, покушенія, казни, репрессіи... Ничего иного не находишь на страницахъ ихъ исторіи О, великій, несчастный народъ, нашъ илотъ! Россія, обремененная всѣми грѣхами міра! Когда перестанешь ты мучить себя?»... Сердобольный гуманистъ находитъ, что и введенная большевиками «практика легальнаго аборта можетъ дать хорошіе результаты въ Россіи и привести къ катастрофамъ у насъ». Для него нѣтъ «никакихъ сомнѣній» въ томъ, что «Совѣтъ» (le Sov'et) полностью удовлетворяетъ исконнымъ желаніямъ и чисто восточной потребности собираться для разглагольствованія». Онъ считаетъ нынѣшній режимъ въ Россіи «первоклассной силой національнаго, соціальнаго и моральнаго порядка». А «политическіе хирурги, безразсудно твердящіе объ удаленіи этого режима, какъ какой-то опухоли, не считаются съ тѣмъ, что подобная операція можетъ легко прикончить больного, каковымъ является не Россія, а Европа».

Отношеніе къ Россіи, какъ къ и л о т у, выдержано патріотами Панъ-Европы до конца. И становятся понятнымъ, почему то, что русскіе воспринимаютъ, какъ злокачественную опухоль, свободолюбивому и гуманному европейцу представляется «первоклассной силой національнаго, соціальнаго и моральнаго порядка»... Е г о культурный панъ-европейскій патріотизмъ для него превыше всего!

То же находимъ и у libre penseur'a и европейца — Бернарда Шоу. Что, казалось бы, общаго можетъ быть между утонченнымъ скептикомъ и остроумцемъ и пошлымъ и вульгарнымъ большевизмомъ! Однако-же и Шоу, сожалѣя о большевицкихъ «извращеніяхъ», находитъ, что СССР — «интереснѣйшій экспериментъ въ исторіи цивилизаціи». Онъ не одобряетъ, правда, интернаціоналистическихъ поползновеній большевизма, надѣется, что рано или поздно власть вынуждена будетъ заточить князей Коминтернской церкви въ совѣтскій Ватиканъ, — но противъ совѣтскаго правительства или режима Шоу по существу ничего не имѣетъ. Онъ хочетъ вѣрить, что большевизмъ переживетъ совѣтское правительство, ибо — «въ конечномъ счетѣ, большевики, какъ и мы (?), стоятъ за право труда»...

Можно сказать, — Дюгамель или Шоу не характерны. Чуждые политикѣ, привыкшіе къ безобидной фрондѣ противъ всякаго правительства у себя на родинѣ, политически безотвѣтственные и по существу отъ низинъ жизни весьма далекіе, — ну, гдѣ имъ разобраться во лжи и мифахъ большевизма!

Это не совсѣмъ такъ. Сумѣли же они разобраться во лжи и мифѣ Муссолини! И, главное, — предъ тѣмъ же соблазномъ не устояли и люди, причастные къ по-

литикѣ, — можно назвать хотя бы руководителей международной французской Лиги правъ человѣка и гражданина — Фердинанда Бюиссона и Виктора Баша. Воспитанные въ традиціяхъ «Декларацiи правъ», чтущіе ее, отлично знающіе, что въ СССР «правами» не пахнетъ, что тамъ одна лишь сплошная «декларація», — они, конечно, не про-большевики. Но они рѣшительные противники послѣдовательнаго и безоговорочнаго осужденія не только большевиковъ, но и большевизма. Почему? Только потому, что они дорожатъ мифомъ о рабоче - крестьянской власти, строющей якобы соціализмъ; потому, что и имъ, не соціалистамъ, дорога, пусть неудавшаяся, но все же благостная и по существу праведная попытка универсальнаго освобожденія человѣчества.

...Если къ правдѣ святой
Міръ дорогу найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой...

Это — убѣжденіе не одного только спившагося и очутившагося «На днѣ» русскаго служителя Мельпомены. Таково убѣжденіе и широкихъ круговъ европейской передовой интеллигенціи. За свои, западно - европейскіе грѣхи и соціальное неустройство они легко и беззаботно, даже съ оттѣнкомъ цивизма и патріотической скорби, готовы дать индульгенцію другимъ; купить за счетъ Россіи не только отпущеніе грѣховъ себѣ, но и поученіе для потомковъ, какъ не надо «вводить» соціализма. И за явно ирреальный «сонъ» они готовы воздать «честь» кому угодно — не только «безумцамъ», но и преступникамъ, — лишь бы содержаніе сна было «золотое».

Для пережившихъ Октябрь не со стороны и не извнѣ въ по-октябрьскомъ пеплѣ нѣтъ и отдаленныхъ слѣдовъ божественнаго прометеева огня. Для нихъ Октябрь не золотой сонъ, а злая явь, кошмарная и тягучая, для которой нѣтъ подходящаго уголовнаго термина, поскольку она результатъ «плановой» выдумки, и которая требуетъ медицинскаго обслѣдованія, поскольку въ ней изувѣрство безумцевъ, увѣровавшихъ въ свою, и только свою «правду святую».

Конечно, большевизмъ — явленіе русской исторіи. Но онъ не имманентенъ ей, не продуктъ специфической русской души, славянской мистики или разгула. Погромный разгулъ парижской или женевской черни, участвовавшей въ демонстраціяхъ въ пользу Сакко и Ванцетти, — напомнилъ, что духъ безсмысленнаго разрушенія вѣетъ, гдѣ хочетъ, не справляясь ни съ расой, ни съ исповѣданіемъ. И не потому большевики изъ года въ годъ празднуютъ утвержденіе своей власти надъ Россіей, а парижскіе и женевскіе громилы мирно отсиживаютъ положенные имъ сроки заключенія въ буржуазныхъ тюрьмахъ, что одни — русскіе, «восточники», а другіе — европейцы, западники. А потому, что и тѣ, и другіе — «человѣки», которымъ въ такомъ качествѣ не всегда бываетъ чуждо и все звѣрское. Отъ стихіи большевизма не могли себя уберечь ни такой высокой культуры страна, какъ Баварія, ни такой древней политической культуры народъ, какъ мадьяры. Но водвореніе большевизма на тринадцать лѣтъ могло стать удѣломъ только Россіи. Въ непререкаемости этого политическаго факта — судъ и осужденіе всего политическаго прошлаго русской исторіи, котораго не могли преодолѣть и всѣ изумительные взлеты Россіи въ сферы духовнаго творчества. Въ этомъ же и призна-

ніе жизнеспособности политическаго устройства другихъ странъ, въ самихъ себѣ нашедшихъ способъ и силы предотвратить большевицкую анархію, переродившуюся въ аракчеевщину.

Конечно, большевицкій «случай» не пройдетъ безслѣдно для русской исторіи. Онъ въ ней останется. Онъ уже измѣнилъ ея ходъ. Но большевизмъ отнюдь не вытекалъ изъ русской исторіи съ безусловной необходимостью, отнюдь не былъ предопредѣленъ національно-религіозными или какими другими, достаточными только для исторіософовъ, основаніями. И въ этомъ смыслѣ большевизмъ — историческая случайность. Или, чтобы сказать словами Герцена; — «то, что было, безъ сомнѣнія, имѣло основаніе случиться, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ другія комбинаціи были невозможны; онѣ стали невозможны, когда осуществилась наиболѣе вѣроятная возможность».

Исторія — не логика, и феноменологія вовсе не предполагаетъ наличность разума въ каждой «исторической секундѣ», кривизнѣ или гримасѣ. «Случайность имѣетъ въ себѣ нѣчто невыносимо противное для свободнаго духа, — писалъ Герценъ еще въ 1842 г. Ему такъ оскорбительно признать неразумную власть ея, онъ такъ стремится подавить ее, что не зная выхода, выдумываетъ лучше грозную судьбу и покоряется ей... Хочетъ, чтобы бѣдствія, его постигающія, были предопредѣлены, т. е. состояли бы въ связи съ всемірнымъ порядкомъ; онъ хочетъ принимать несчастья за преслѣдованія, за наказанія; тогда ему есть утѣха въ повиновеніи или въ ропотѣ».

И Ленинъ послѣ неожиданной и для него удачи Октября, утверждалъ, что «самое удивительное, — это то, что такъ-таки и не нашлось никого, кто немедленно вы-

катилъ бы насъ на тачкѣ». И позднѣе: — «Совѣтской власти помогаетъ чудо... Чудо — октябрьскій переворотъ. Чудо — польская война. Чудо — трехлѣтняя выносливость русскаго мужика и рабочаго». Та же оцѣнка и у «краснаго генерала міровой революціи» — Троцкаго: «то, что совѣтская Россія въ состояніи бороться на всѣхъ фронтахъ и даже просто жить, этотъ фактъ есть величайшее историческое чудо»...

Пусть въ одно и то же время и преувеличена, и преуменьшена эта оцѣнка: и больше было «чудесъ», и не такъ уже «чудесны» были эти чудеса! Все же въ этомъ большевицкомъ алогизмѣ больше историческаго чутья и правды, нежели въ историческомъ панлогизмѣ ихъ противниковъ, поддерживающихъ — и не въ евразійскихъ временникахъ только, но и меньшевицкомъ «Соціалистическомъ Вѣстникѣ», — мифъ о томъ, что рядомъ съ утопической задачей полной «коммунизаціи» страны, большевицкая диктатура «творила дѣло нужное громаднымъ народнымъ массамъ, далекимъ отъ ея коммунизма».

Соціалистическій ликъ большевизма — такой же мифъ, какъ и вселенскій его ликъ. «Отечество всѣхъ трудящихся» не есть ни отечество, ни царство трудящихся, ибо право или не право отечество, — а оно очень часто бывало не право, — но оно мое отечество!

И пусть назовутъ насъ «мѣщанами» или «провинціалами» тѣ, кто соблазненъ вселенскими потугами большевизма. Мы не имяславцы и не номиналисты и, какъ бы ни нарекали нашего гражданства, отъ человѣка и народа исходящаго и къ человѣчеству восходящаго, на немъ мы стоимъ и — «иначе не можемъ».

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
I. Предисловіе	3.
II. Паденіе русскаго абсолютизма	9.
III. О русской революціи, — кануны и свершенія	53.
IV. Исторія и политика въ "Исторіи русской революціи" П. Н. Милюкова	97.
V. Февраль въ "Запискахъ о революціи" Ник. Суханова	135.
VI. Октябрь въ "Автобіографіи" Л. Троцкаго	170.
VII. "Нравственный ликъ революціи" по И. З. Штейнбергу	195.
VIII. "Религіозный смыслъ революціи" по Ф. А. Степуну	209.
IX. Смыслъ Февраля	231.
X. Мифъ Октября	262.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ“

Вышли изъ печати:

М. А. Алдановъ: Ключъ (романъ).
И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (романъ).
И. А. Бунинъ: Избранные стихи.
Б. К. Зайцевъ: Анна (романъ).
Гал. Кузнецова: Утро (разсказы).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
М. А. Осоргинъ: Чудо на озерѣ (разсказы).
Г. Песковъ: Памяти твоей (разсказы).
А. Ладинскій: Черное и голубое (стихи).
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова.
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
В. М. Зензиновъ: Безпризорные.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры т. III. и т. II. ч. 1-ая.
Б. Э. Нольде: Далекое и близкое.
Сборникъ посвященный 175-лѣтію Московскаго Университета.
Ст. Ивановичъ: Красная армія.
М. А. Алдановъ: Десятая симфонія (романъ).
В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ (худ. біографія).

Находится въ печати:

И. А. Бунинъ: Разсказы.
В. В. Сиринъ: Соглядатай.
Б. К. Зайцевъ: И. С. Тургеневъ (худ. біографія).
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русской культуры. т. II. ч. 2-я.
М. И. Ростовцевъ: О ближнемъ Востокѣ.
Н. О. Лосскій: Типы міровоззрѣній.
С. І. Гессенъ: Правовой соціализмъ.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства: „Annales Contemporaines“. 106, Rue de la Tour, Paris (XVI) и на складѣ: Fremden-Buchhandlung H. Sachs, A. G. Berlin, S. W. 48., Hedemannstr. 26. — “Москва”. 9, Rue Dupuytren, Paris (VI·)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Fremden-Buchhandlung H. Sachs A. G.

Berlin S.W. 48, Hedemannstr. 26

Для Франціи:

Книжный магазинъ "Москва"

9, rue Dupuytren, Paris (6e)

5

Imprimerie d'Art Voltaire,
O. Zeluk, directeur,
34, rue Richer, Paris.

20p

10136736
Karisec
C5